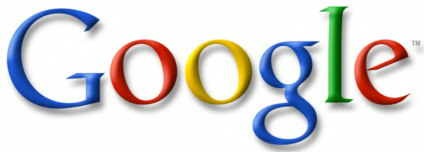
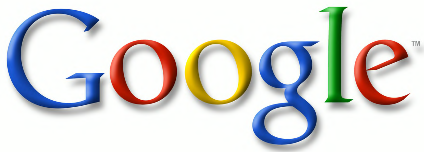

ВѢСТНИКЪ ЮГО-ЗАПАДНОЙ и ЗАПАДНОЙ РОССІИ

Лит. И. и А. Давиденко въ Кіевѣ

ВѢСТНИКЪ

ЮГО-ЗАПАДНОЙ и ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

издаваемый

К. Говорскимъ.

ФЕВРАЛЬ

ГОДЪ ВТОРОЙ.

ТОМЪ III.

КІЕВЪ.

Въ типографіи И. и А. Давиденко.

1864.

Дозволено ценсурой. Кіевъ, 15 мая 1864 года.

Ценсоръ Малышевскій.

—

№ 16-й.

ИЗВЛЕЧЕНІЯ

изъ сочиненія Михалона Литвина: «О нравахъ татаръ, литовцевъ и москвитянъ.»

(Переводъ съ латинскаго С. Шестакова *).

Предлагая въ настоящемъ отдѣлѣ Вѣстника переводъ латинскаго сочиненія XVI вѣка о нравахъ татаръ, литовцевъ и москвитянъ, считаемъ необходимымъ сообщить предварительно нѣкоторыя относящіяся къ нему подробности.

Изъ множества иностранныхъ сочиненій разнаго времени, въ коихъ прямо или косвенно упоминается о древней Россіи, безъ сомнѣнія, очень немногія такъ мало извѣстны какъ это въ библіографическомъ мірѣ. Еще труднѣе найдти его въ библіотекахъ публичныхъ и частныхъ. Въ нашемъ отечествѣ едва ли не единственный экземпляръ его хранится въ библіотекѣ московскаго университета, и мы знаемъ, что только съ особенными пожертвованіями онъ могъ пріобрѣсти его чрезъ посредство своего бывшаго профессора, глубокаго знатока славянскихъ древностей, И. Н. Даниловича. Вотъ почему, говоря о подлинникѣ нашего перевода, мы должны ограничиться разсмотрѣніемъ лишь означеннаго экземпляра, не имѣя вовсе свѣдѣній о томъ, были ли какія другія изданія того-же сочиненія.

*) Изъ Архива историко-юридическихъ свѣдѣній Н. Калачева.

Экземпляръ, о которомъ мы говоримъ, вышелъ въ свѣтъ въ Базелѣ, въ 1615 году. Издателемъ его былъ Грассеръ, какъ видно изъ предисловія къ этому сборнику. На оборотѣ перваго листка, оттиснуто вырѣзанное на деревѣ изображеніе молодаго человѣка въ латахъ, съ шлемомъ въ рукѣ. Безъ сомнѣнія, это портретъ современнаго изданію юнаго «князя Пронскаго, Октавіана Александра,» которому Грассеръ посвятилъ свою книгу. Первая книга (т. е. сочиненіе Михалона) написана была въ 1550 году для Сигизмунда Августа, вступавшаго на польскій престолъ; второе же сочиненіе въ 1580 году для Александра, князя слуцкаго. «Обѣ рукописи (говоритъ Грассеръ) нашелъ я у одного пріятеля между бумагами знаменитаго когда-то у насъ типографщика Петра Перны, которому были онѣ присланы изъ Польши для изданія.» Написанное въ половинѣ XVI столѣтія, оно оставалось неизданнымъ до тѣхъ поръ, пока съ означенною цѣлью не предпринято было печатаніе его Грассеромъ, который приготовилъ свое изданіе въ рукописи еще въ 1614 году, въ октябрѣ мѣсяцѣ, когда написано было предисловіе, хотя впрочемъ самое печатаніе окончено уже въ 1615 году.

ОТРЫВОКЪ ПЕРВЫЙ *).

. . . .

Продажа рабовъ.

Татары-перекопцы имѣютъ много плѣнныхъ рабовъ, такъ что снабжаютъ ими и другія земли. Корабли, приходящіе къ нимъ часто изъ за моря, изъ Азіи, привозятъ имъ оружіе, одежды и лошадей, а отходятъ отъ нихъ, нагруженные рабами. И всѣ ихъ рынки знамениты только этимъ товаромъ, который у нихъ всегда подъ руками и для продажи, и для залога, и для подарковъ, и всякій изъ нихъ, по крайней мѣрѣ имѣющій коня, даже если на самомъ дѣлѣ нѣтъ у него раба, но, предполагая,

*) Большая половина этого отрывка не имѣетъ отношенія къ задачѣ Вѣстника. Латинскій текстъ подлинника тоже оставленъ для краткости.

что можетъ достать ихъ извѣстное количество, обѣщаетъ по контракту кредиторамъ своимъ въ положенный срокъ заплатить за одежду, оружіе и живыхъ коней, живыми же, но не конями, а людьми, и притомъ нашей крови. И эти обѣщанія исполняются въ точности, какъ будто бы наши люди были у нихъ всегда на задворьяхъ. Поэтому одинъ еврей, мѣняла, сидя у единственныхъ воротъ Тавриды, и видя безпрестанно безчисленное множество привозимыхъ туда плѣнниковъ нашихъ, спрашивалъ у насъ, остаются ли еще люди въ нашихъ сторонахъ или нѣтъ, и откуда такое ихъ множество. Такъ всегда имѣютъ они въ запасѣ рабовъ не только для торговли съ другими народами, но и для потѣхи своей дома и для удовлетворенія своимъ наклонностямъ къ жестокости.

Тѣ, которые посильнѣе изъ этихъ несчастныхъ, часто, если не дѣлаются кастратами, то клеймятся на лбу и на щекахъ и, связанные или скованные, мучатся днемъ на работѣ, ночью въ темницахъ, и жизнь ихъ поддерживается небольшимъ количествомъ пищи, состоящей въ мясѣ дохлыхъ животныхъ, гниломъ, покрытомъ червями, отвратительномъ даже для собакъ. Состояніе плѣнныхъ.

Женщины, которыя понѣжнѣе, держатся иначе; нѣкоторыя должны увеселять на пирахъ, если умѣютъ пѣть или играть. Красивыя женщины, принадлежащія къ болѣе благородной крови нашего племени, отводятся къ упомянутому выше Таласію, живущему въ раю. Женщины.

Также и другія продѣлки бываютъ съ этимъ родомъ людей. Именно, когда рабовъ выводятъ на продажу, то ведутъ ихъ на площадь гуськомъ, какъ будто журавлей въ полетѣ, цѣлыми десятками, прикованныхъ другъ къ другу около шеи, и продаютъ такими десятками съ аукціона, при чемъ аукціонеръ кричитъ громко, что это рабы самые новые, простые, не хитрые, ...

. . . .

. . . . . . , ... Этотъ товаръ цѣнится въ Тавридѣ съ большимъ знаніемъ и покупается дорого иностранными купцами для продажи по цѣнѣ еще большей отдаленнымъ народамъ чернаго племени, сарацинамъ, персіанамъ, индѣйцамъ, арабамъ, сирійцамъ и ассиріянамъ. Ибо всѣ они съ жадностію ищутъ себѣ въ жены плѣнницъ. И у нынѣшняго турец-

Солиманова супруга, мать Мурата 3-го. каго императора любимая супруга, мать его первенца и наслѣдника, похищена изъ нашей земли. И перекопскій Саингирей родился отъ христіанки и женатъ также на христіанкѣ. Равно и всѣ министры этихъ тирановъ, евнухи, секретари и прочіе чиновники, и ихъ особенное войско, янычары, съ дѣтства обучающіеся военному искусству и военной дисциплинѣ, изъ коихъ избираются вожди и бароны, всѣ происходятъ отъ нашей крови. И потому, когда покупаются тамъ рабы, то не только осматриваются ихъ видимые члены и зубы, которые не должны быть рѣдки и черны, но и сокровенныя части тѣла, и если окажется какая нибудь бородавка, шишка, рубецъ или другой скрытый порокъ или недостатокъ, слѣдуетъ тяжба. Но и при такой осмотрительности покупщиковъ, ловкіе торговцы и сводчики тѣмъ не менѣе ихъ иногда обманываютъ. Они не выводятъ просто мальчиковъ и дѣвушекъ, которыхъ имѣютъ самыхъ лучшихъ въ толпѣ плѣнниковъ, но сначала откармливаютъ ихъ хорошенько, одѣваютъ въ шелкъ, бѣлятъ и румянятъ, чтобы подороже продать. Красивыя дѣвушки нашей крови покупаются иногда на вѣсъ золота и иногда тутъ же на мѣстѣ перепродаются съ барышемъ. Это бываетъ во всѣхъ городахъ полуострова, особенно въ Кафѣ. Тамъ цѣлыя толпы этихъ несчастныхъ невольниковъ отводятся съ рынка прямо на корабли. Этотъ городъ, ненасытная и беззаконная пучина, кровь нашу пьющая, лежитъ на удобномъ для морской торговли мѣстѣ пролива. И когда эти увозимые остановились на берегу и замѣтили горесть нашу объ ихъ судьбѣ; тогда одинъ изъ нихъ,

Рѣчь плѣнного литовцамъ. знакомый мой и землякъ, какъ бы вызванный нашимъ печальнымъ лицемъ, смотря на меня, сказалъ за всѣхъ своихъ товарищей: «нечего уже, любезный другъ, горевать вамъ о насъ, отходящихъ изгнанникахъ. Хотя въ печальный и горькій путь отправляемся мы, оставивъ милое отечество, переселяясь туда, откуда никогда не возвратимся, и хотя мы тѣмъ сильнѣе будемъ чувствовать тоску по родинѣ, чѣмъ далѣе увозятъ насъ отъ ея предѣловъ; но спокойнѣе можно намъ переносить эту неизбѣжную участь, потому что не мало насъ отправляется вмѣстѣ, и не въ лучшемъ положеніи оставляемъ мы здѣсь въ Тавридѣ нашихъ товарищей, заклейменныхъ, обезображенныхъ; да и въ отечествѣ, какъ намъ хорошо извѣстно, не лучшій конецъ испытали близкіе наши, коихъ мы видѣли убиваемыхъ,

обезглавленныхъ, влачимыхъ съ оторванными членами и головами; видѣли трепещущія сердца ихъ, бросаемыя въ огонь и вынимаемыя у нихъ легкія, когда жестокій врагъ, выворотя ихъ утробу, вырывалъ изъ теплаго еще тѣла внутренности для гаданій, а желчь для мази. Правда, что и намъ было бы лучше претерпѣть эти и другія жестокости въ виду родныхъ пенатовъ и умереть тамъ, гдѣ лежатъ наши отцы, чѣмъ быть удаленнымъ отъ храмовъ Божіихъ и отъ могилъ предковъ, и тѣла наши, хотя и изуродованныя, были бы растерзаны тамъ дикими звѣрями, все же были бъ счастливѣе, нежели теперь. Но ненавистная судьба сохранила насъ для вящшихъ еще оскорбленій; надобно уступить ей, и эта горесть ваша и сожалѣніе не помогутъ намъ. Скорѣе мы должны опасаться, чтобы не постигла и васъ таже участь, чтобы и вы также когда нибудь не взошли на эти корабли, насъ уносящіе, и чтобы наконецъ все племя наше не погибло, теряя такъ часто свою кровь. А этого сильно слѣдуетъ бояться, если только вы упорно будете держаться тѣхъ же пагубныхъ нравовъ, ведущихъ васъ прямо къ гибели. И такъ, если есть въ тебѣ сколько нибудь любви къ отечеству, вѣрности къ государю или, по крайней мѣрѣ, уваженія къ Богу, то это будетъ твоею обязанностію открыть государю и тѣмъ, для кого это важно, такую угрожающую опасность, какъ ты видѣлъ теперь изъ того состоянія, въ какомъ люди здѣсь находятся. И если ничто другое не заставляетъ тебя этого сдѣлать, то да подвигнетъ тебя на то хотя любовь къ вѣрѣ истиннаго Бога, именемъ коего заклинаемъ тебя, мы, несчастные, теперь только чувствующіе всю цѣну отечества и свободы, дабы отчизна, которую мы потеряли, по крайней мѣрѣ получила отъ насъ этотъ послѣдній залогъ нашей любви.» Когда онъ это сказалъ, глубоко вздыхая, былъ онъ увлеченъ тяжелою цѣпью вмѣстѣ съ своимъ десяткомъ на корабль и скоро исчезъ изъ глазъ нашихъ.

Гаданія.

СОКРАЩЕНІЕ ОТРЫВКА ВТОРАГО.

Москвитяне и татары далеко уступаютъ литовцамъ въ силѣ, [1]) но превосходятъ ихъ дѣятельностію, воздержаніемъ,

[1]) Ни здѣсь, ни въ другихъ выходкахъ Михалона, не нужно забывать, что это говоритъ литвинъ, весьма неравнодушный ко всему отечественному. Ред.

храбростію и другими качествами, которыми утверждаются государства. Эти качества приносятъ татарамъ ту выгоду, что они изобилуютъ золотомъ, у насъ отнятымъ, и получаютъ ежегодные отъ вашего величества подарки, какъ друзья и союзники, съ которыми и прежде литовцы заключали договоры. Они постоянно на коняхъ, воюютъ безъ колесницъ, изобилуютъ чужими конями; городовъ, которыми бы защищались, не имѣютъ. Москвитяне всякую весну получаютъ изъ Орды Нагайскихъ татаръ многія тысячи лошадей, годныхъ для войны, платя за нихъ одеждой и другими дешевыми вещами. А намъ ѳракійскіе турки продаютъ дорогою цѣною лошадей дурной породы, старыхъ, истощенныхъ, больныхъ, потому что религія ихъ запрещаетъ продавать хорошихъ лошадей и оружіе христіанамъ. Но предки наши довольствовались своими лошадьми и всегда готовы были на войну съ копьями, щитами, панцырями и мѣшками съ мукою. Героинь литовскихъ везутъ въ храмъ или на пиръ шесть или восемь носилокъ, а скиѳъ безнаказанно уходитъ, таща съ собою столько же людей, связанныхъ веревками. Татары, самые богатые конями, даже подъ царицу свою не запрягаютъ лошадей. Турки и другіе саррацины, пять разъ въ день посѣщая храмъ для молитвы, разуваются и обмываются холодной водой; они и татары, равно какъ москвитяне, ливонцы и пруссы бережливо носятъ одно платье, тогда какъ у насъ много различной и дорогой одежды.

Татары носятъ туники длинныя, безъ складокъ и морщинъ, удобныя для верховой ѣзды и для сраженія. Шапки у нихъ бѣлыя, остроконечныя, которыя шьются не на показъ, но коихъ высота и блескъ дѣлаютъ ихъ замѣтнѣе въ сраженіи, хотя они и безъ шлемовъ, и страшными врагамъ. Этому примѣру слѣдуютъ и москвитяне. Дѣлаются же эти шапки изъ овечьихъ шкуръ, часто моются и носятся долго, а стоятъ одинъ грошъ.

Хотя москвитяне одни только изобилуютъ соболями и другими звѣрями, но дорогихъ соболей запросто не носятъ, а посылаютъ ихъ въ Литву,—и получаютъ за нихъ золото. Носятъ же они на своихъ шерстяныхъ шапкахъ золотыя пластинки и дорогія каменья, которыхъ не портитъ ни солнце, ни дождь, ни моль, какъ соболей.

СОКРАЩЕНІЕ ОТРЫВКА КНИГИ ТРЕТЬЕЙ.

Пряностей они не употребляютъ, и на пирахъ пасхальныхъ довольствуются слѣдующими припасами: солью, нечисто вымытой, горчицей, чеснокомъ, лукомъ и плодами своей земли не только простолюдины, но и вельможи, и верховный вождь ихъ, раззоритель нашихъ городовъ, коихъ онъ хвастливо насчитываетъ уже 73 [1]).

На обѣденномъ столѣ царскомъ, между золотыми сосудами и домашними блюдами, ставятъ немного перцу, но не вареннаго, котораго никто и не трогаетъ; а литовцы питаются роскошными, привозными кушаньями, пьютъ разныя вины, отчего и разныя болѣзни. Впрочемъ мосхи, татары и турки, хотя и владѣютъ землями, на которыхъ ростетъ виноградъ, но вина сами не пьютъ, а продаютъ христіанамъ, покупая на вырученныя за него деньги средства для войны Они убѣждены, что исполняютъ повелѣніе Божіе, истребляя какимъ бы то ни было образомъ кровь христіанскую.

И перекопскіе татары не употребляютъ ароматическихъ приправъ, и пьютъ молоко и колодезную воду, которая въ поляхъ Тавриды рѣдко встрѣчается не горькая, еще рѣже чистая, и то очень глубоко. Прародители наши избѣгали пищи и питья чужестраннаго. Трезвые и воздержные, они всю славу свою полагали въ военномъ дѣлѣ, удовольствіе въ оружіи, лошадяхъ, большомъ числѣ слугъ твердыхъ и отважныхъ, и, отражая внѣшнія племена, распространяли свои предѣлы отъ одного моря до другаго и назывались врагами «храбрая Литва.» Въ городахъ литовскихъ нѣтъ болѣе частыхъ заводовъ какъ тѣ, на которыхъ варится изъ жита водка и пиво. Эти напитки берутъ они съ собою на войну и, сдѣлавъ къ нимъ навыкъ дома, если случится имъ во время войны пить непривычную воду, гибнутъ отъ судорогъ и поноса. Крестьяне, оставивъ поле, идутъ въ шинки и пируютъ тамъ дни и ночи, заставляя ученыхъ медвѣдей увеселять себя пляскою подъ волынку. Отсюда происходитъ то, что, потративъ свое имущество, они доходятъ

Вода горьк

---

[1]) Михалонъ не имѣлъ никакого понятія о невѣроятномъ изобиліи съѣстныхъ припасовъ, потребляемыхъ на столахъ царскихъ и даже боярскихъ. Ред.

Наказаніе пьянствующихъ.

Пьянство литовцевъ.

до голода, обращаются къ воровству и разбою, такъ что въ каждой литовской провинціи въ одинъ мѣсяцъ больше людей казнятъ смертью за эти преступленія, нежели во всѣхъ земляхъ татарскихъ и московскихъ въ продолженіи ста или двухъ сотъ лѣтъ. Правда, у татаръ наказывается восьмидесятью палочными ударами и столькими же монетами тотъ, кто только попробуетъ вина. Въ Московіи же нѣтъ нигдѣ шинковъ, и если у какого нибудь домохозяина найдутъ хоть каплю вина, то весь его домъ разоряется, имѣніе конфискуется, прислуга и сосѣди, живущіе въ той же улицѣ, наказываются, а самъ навсегда сажается въ тюрьму. Съ сосѣдями поступаютъ такъ строго, что они, даже не зная о преступленіи, считаются зараженными. Нашихъ же губитъ самое невоздержаніе или ссоры во время попоекъ, а не правительство. День начинается питьемъ водки; еще въ постели кричатъ: «вина, вина,» и пьютъ этотъ ядъ и мужчины, и женщины, и юноши на улицахъ, на площадяхъ, а напившись ничего не могутъ дѣлать, какъ только спать, и кто разъ привыкъ къ этому злу, въ томъ постоянно возрастаетъ страсть къ пьянству. Іудеи и сарацины не допускаютъ никого изъ своего народа умереть отъ бѣдности: такъ сильна въ нихъ любовь къ ближнему. Ни одинъ сарацинъ не смѣетъ съѣсть ни одного куска, не раздѣливъ его на равныя части между всѣми присутствующими.

Такъ какъ москвитяне воздерживаются отъ пьянства, то города ихъ изобилуютъ прилежными въ разныхъ родахъ мастерами, которые, посылая намъ деревянныя чаши и палки для опоры слабымъ, старымъ и пьянымъ, сѣдла, копья, украшенія и различныя оружія, грабятъ у насъ золото.

Рабство москвитянъ.

Прежде москвитяне были въ такомъ рабствѣ у татаръ заволжскихъ, что между прочимъ ихъ князь выходилъ за городъ на встрѣчу всякому послу ханскому и ежегодно пріѣзжавшему сборщику податей, и пѣшій велъ его лошадь подъ уздцы до дворца. Посолъ садился на княжескомъ престолѣ, а князь преклонивъ колѣна, выслушивалъ посольство [1]. Поэтому и теперь татары заволжскіе и происшедшіе отъ нихъ перекопскіе называютъ князя московскаго своимъ данникомъ. Но безъ основанія. Ибо Иванъ, дѣдъ царя Ивана Васильевича, который теперь

---

[1]) Крѣпко преувеличено. Ред.

избавить себя и своихъ отъ этого тиранства, обратилъ свой народъ къ трезвости и запретилъ вездѣ кабаки. Онъ даже распространилъ свои владѣнія, покоривъ себѣ Рязань, Тверь, Суздаль, Вологду (?) и другія сосѣднія княжества. Онъ отнялъ также и присоединилъ къ своему наслѣдству у Казимира, короля польскаго и князя литовскаго, сражавшагося въ Пруссіи противъ крестоносцевъ за свои предѣлы, литовскія провинціи Новгородъ, Псковъ, Северскъ и другія, когда народъ нашъ предавался роскоши. Онъ причтенъ своими къ числу святыхъ подвижниковъ (?), какъ освободитель отечества. Столицу свою онъ украсилъ каменными стѣнами, а дворецъ свой каменными изваяніями, по образцу Фидіевыхъ, позолотивъ нѣкоторые верхи его часовней. Такъ и сынъ его, Василій, слѣдуя той же трезвости и тѣмъ же нравамъ, въ послѣдній день Іюля 1514 г., отнялъ у насъ чрезъ вѣроломнаго Михаила Глинскаго крѣпость и провинцію смоленскую, присоединилъ къ своимъ владѣніямъ. Онъ расширилъ свою столицу, Москву, построивъ въ ней слободу Наливки руками нашихъ наемныхъ солдатъ и давъ ей это имя въ укоръ нашему племени, склонному къ пьянству (отъ слова «налей»). Точно также и сынъ его, который теперь царствуетъ, хотя потерялъ одну крѣпость, но за то построилъ въ нашихъ предѣлахъ три другія, Себежъ, Велижъ и Заволочье. Онъ ни въ чемъ не уступаетъ татарамъ, которыхъ былъ прежде рабомъ, своихъ же держитъ въ трезвости. Свободу защищаетъ онъ не сукномъ мягкимъ и не золотомъ блестящимъ, а желѣзомъ; народъ у него всегда въ оружіи, крѣпости снабжены постоянными гарнизонами; мира онъ не вымаливаетъ, силу отражаетъ силою, воздержанію татаръ противопоставляетъ воздержаніе своего народа, трезвости трезвость, искусству искусство, подражая нашему герою Витовту.

СОКРАЩЕНІЕ ОТРЫВКА ЧЕТВЕРТАГО.

Правосудіе у татаръ также лучше, нежели у насъ. Они тотчасъ отдаютъ всякому то, что ему принадлежитъ, а у насъ судья беретъ десятую часть цѣны спорной вещи съ невиннаго истца. Это вознагражденіе судей называется *пересудъ*, и должно быть уплачено немедленно въ судъ. Если же тяжба идетъ о небольшомъ клочкѣ земли, то дается не десятая часть, а сто

Судопроизводство литовское.

грошей, хотя бы предметъ иска и не стоилъ этой цѣны; грошъ же составляетъ два съ половиной нѣмецкихъ крейцера. Если впрочемъ тяжба идетъ о большой суммѣ, то судья беретъ всегда десятую часть.

Въ дѣлахъ о личныхъ обидахъ и оскорбленіяхъ беретъ онъ съ виноватаго въ видѣ штрафа столько же, сколько присуждаетъ истцу. А для своей прибыли присуждаетъ онъ истцу, даже очевидно клевещущему, за какое бы то ни было оскорбленіе, мужчинѣ по 20 грошей шестидесятныхъ, женщинѣ по 40, за убытокъ же, какой бы ни показалъ подъ присягою клеветникъ, по 100 и 1000, хотя бы все его имущество не стоило и одного шестидесятнаго гроша. И за убійство опредѣляется наказаніе не по закону Божественному, чтобы кровь омывалась кровью, но денежное съ судейскими десятинами. Поэтому и убійства бываютъ здѣсь часто. И если благородный истецъ, одержавъ побѣду въ дѣлѣ о личной обидѣ, умилостивляется извиненіемъ осужденнаго, то судья этимъ не удовлетворяется и всегда уже беретъ деньги, съ виновнаго—штрафныя, съ истца—десятинныя.

Съ грамотъ и договорныхъ записей, скрѣпленныхъ судьей, онъ также получаетъ десятину. Въ дѣлахъ же уголовныхъ получаетъ не десятую часть, но все, что найдется у кого либо воровское или отнятое у разбойника, и этотъ доходъ его называется *лице*. А если краденая вещь найдется у вора или у того, который ее присвоилъ, нужно нести ее къ другому судьѣ: первый судья получаетъ цѣну ея сполна, такъ что у насъ отыскивающему украденную вещь приходится потратить на суды болѣе, чѣмъ стоитъ самая вещь, и потому многіе, видя это, не рѣшаются заводить тяжбу, если у нихъ украдутъ или отнимутъ рабочій скотъ. Воръ, пойманный на самомъ преступленіи, не судится начальствомъ того мѣста, гдѣ онъ совершилъ его, но отводится чрезъ значительное разстояніе, на судъ къ своему господину, а иногда къ тому, въ чей домъ онъ сносилъ краденое, и потому воровство совершается безнаказанно. У сосѣдей же нашихъ, татаръ и москвитянъ, право суда надъ всѣми подданными бароновъ и дворянъ, какъ въ гражданскихъ, такъ и въ уголовныхъ дѣлахъ принадлежитъ не частному лицу, а назначенному къ тому общественному чиновнику, притомъ трезвому и живущему вмѣстѣ съ другими. Наши же рѣшаютъ дѣла

одни, и пьянствуя, удаливъ посредниковъ и свидѣтелей, и могутъ дѣлать, что имъ угодно. Кромѣ пени за преступленіе, предсѣдатель беретъ у насъ также 12 грошей съ лошади, которую кто либо увелъ и, называя ее забѣжавшею, отводитъ въ конюшню куріи (присутственнаго мѣста). Такъ и съ человѣка, невинно посаженнаго въ тюрьму, беретъ столько же, подъ предлогомъ, что это ему слѣдуетъ по праву за тюрьму и за стойло. Слуга судьи, исполнитель приговора, беретъ также десятую часть цѣны вещи; даже безъ суда беретъ онъ десятую часть съ должника или съ кредитора, также съ вещи, оставленной въ залогѣ, хотя бы никто не отрицалъ. Нотаріусъ тоже беретъ десятую часть за рѣшительныя опредѣленія, и за все, что бы онъ ни сдѣлалъ, получаетъ что нибудь. За одну печать къ бумагѣ, требуемой въ судъ, по дѣлу, стоющему одинъ грошъ, беретъ онъ четыре; а чтобы все продавалось дороже, то необходимо эту бумагу, заготовленную вдвойнѣ, съ печатью, подписать протонотаріусу. Отъ этого бываетъ иногда, если нотаріусъ занятъ другими дѣлами, что подсудимый убѣжитъ, прежде чѣмъ успѣютъ потребовать его къ суду. Беретъ и другой подчиненный судьи, называемый Visz, который назначаетъ день суда, въ дѣлѣ самомъ незначительномъ, 50 грошей, если онъ воеводскій, 30, если его помощника, 100, если королевскій или такимъ называетъ себя. Беретъ столько же, т. е. 100, 50 или 30, еще другой чиновникъ, называемый *дѣтскимъ*, который призываетъ подсудимаго и приводитъ его съ позывной. Беретъ столько же еще третій низшій чиновникъ, который отряжается для призванія свидѣтелей или подачи о нихъ мнѣнія или для освидѣтельствованія потравленнаго чужимъ скотомъ поля или луга, или для осмотра другихъ убытковъ. Если у бѣднаго подсудимаго нѣтъ столько денегъ, то у него отбираютъ скотъ. Несправедливо и то, что бѣднякъ, желая позвать къ суду магната, ни за какія деньги не найдетъ себѣ стряпчаго. Не менѣе несправедливо и то, что сосѣдъ мой сильнѣйшій, живущій въ одномъ со мною околоткѣ, имѣетъ другую подсудность и не такъ легко призывается къ суду, какъ я. Апелляція у насъ отнята наложеніемъ огромнаго штрафа, какъ стоитъ въ Литовскомъ Статутѣ, разд. 6 арт. 1. Запрещены также противъ сильныхъ поручительства, которыя служатъ оружіемъ и щитомъ для охраненія бѣдныхъ. Къ тому же свидѣ-

телемъ можетъ быть всякій во всякомъ дѣлѣ, кромѣ межевыхъ, и всякому вѣрятъ безъ присяги; отъ этого многіе сдѣлали себѣ промыселъ изъ лжесвидѣтельствъ. Общественныхъ книгъ или другихъ актовъ для вписыванія продажъ у насъ нѣтъ, а есть только частныя записи. Подсудимый, хотя бы онъ былъ явнымъ похитителемъ чужой собственности, не прежде обязанъ явиться въ судъ, какъ по истеченіи мѣсяца послѣ позыва. Если у меня отнимается лошадь, стоющая 50 или 100 грошей, въ самое нужное время полевыхъ работъ, я не прежде могу позвать въ судъ похитителя, какъ заплативъ за позывъ цѣну похищенной лошади, хотя послѣ не только не получу вознагражденія за убытки, но и виновнаго не прежде, какъ мѣсяцъ спустя, могу притянуть къ суду. Такимъ образомъ обиженный или все уступаетъ похитителю, или вноситъ столько же.

Во время обнародованія литовскихъ законовъ быкъ стоилъ 50 грошей, корова 30; теперь эти цѣны возвысились. Но въ

Подсудность въ Польшѣ.

другихъ польскихъ владѣніяхъ подсудимому нѣтъ отлагательствъ и на позывъ въ судъ не требуется такихъ издержекъ. Напротивъ, нанимаютъ судейскаго слугу за половину гроша для позыва отвѣтчика и королевскій указъ, которымъ кто либо призывается въ судъ, имѣетъ силу и безъ подписи протонотаріусовъ, и не такъ дорого стоитъ; даже по указу короля Сигизмунда, въ польскихъ статутахъ петрковскихъ 1511 года, дается даромъ. Также судья получаетъ не десятую часть суммы спорной вещи, хотя бы и значительной по цѣнности, но довольствуется двумя, много четырьмя грошами нашими пражскаго достоинства, которые стоятъ 8 германскихъ крейцеровъ. У насъ же, ради этихъ десятинъ тройныхъ, судья бываетъ судьею своего дѣла; какъ будто пойманный на удочку, тянется онъ всегда къ осужденію, хотя бы дѣло было и неясно. Даже языческіе законы запрещаютъ брать вознагражденіе за правосудіе. Къ намъ же этотъ обычай вошелъ недавно и обыкновеніе вельможей примѣнять законы къ своимъ выгодамъ, а по этимъ законамъ никому нельзя ничего имѣть, что не зависѣло бы отъ начальника. Напр. если кто, непріязненно ко мнѣ расположенный или благопріятствующій судьѣ и желающій доставить ему выгоду, похищаетъ мои деньги или не отдаетъ мнѣ данное въ займы или ввѣренное ему мною, или занимаетъ мое имѣніе, то я не прежде могу выручить отъ него принадлежащее мнѣ

какъ внесши напередъ судьѣ и близкимъ его десятины и другіе поборы, а которые скоро деньги мои всѣ выходятъ, если тоже и въ другой разъ честный пріятель судьи явно со мною сдѣлаетъ. Если же подосланный судьею крадетъ или скрытно отнимаетъ у меня золото, серебро или другія вещи, то все это переходитъ къ председателю. Вотъ, свѣтлѣйшій князь, какое правосудіе въ твоемъ наслѣдіи, вотъ какъ соблюдаются законы.

Хотя изъ числа вельможей обязанность судей исполняютъ во всей Литвѣ двое воеводъ, не слишкомъ отдаленные одинъ отъ другаго, но какъ могутъ они разсмотрѣть всѣ тяжбы такого многочисленнаго народа и такихъ провинцій, особенно когда они же должны заботиться и о государственныхъ дѣлахъ, отчего и называются воеводами, т. е. предводителями на войнѣ. Поэтому, будучи заняты множествомъ дѣлъ, общественныхъ и частныхъ, они разсматриваютъ тяжбы только по праздничнымъ днямъ, когда бываютъ свободнѣе отъ дѣлъ. Но и то дурно, что нѣтъ опредѣленныхъ мѣстъ для ихъ засѣданій. Часто приходится обиженному искать правосудія болѣе чѣмъ на 50 миль, и идутъ бѣдные люди отъ предѣловъ Самогитіи и Ливоніи до границъ Мазовіи и Московіи, преслѣдуя судью. Къ тому же есть у насъ 40 дней, посвященныхъ воспоминанію страстей Господнихъ, посту и молитвѣ, которые мы и проводимъ въ тяжбахъ. Упомянутые воеводы имѣютъ своихъ намѣстниковъ, которые тоже, питая свое тѣло, сидятъ обыкновенно въ судѣ, при шумѣ гостей, мало знакомые съ законами, но исправно взимающіе свой *пересудъ*. А москвитяне хвастаютъ, что заимствовали у насъ Витовтовы законы, которые мы уже оставили, а отъ татаръ оружіе, одежды и способъ войны безъ колесницъ, безъ чужестранной пищи и питья

Судей только двое.

СОКРАЩЕНІЕ ОТРЫВКА ПЯТАГО.

Москвитяне, разсердившись на кого либо изъ своихъ, проклинаютъ его, желая ему быть римской или польской вѣры: такъ они ее ненавидятъ. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ гимназій. Мы учимся московскому языку, не древнему, не заключающему въ себѣ никакого побужденія къ доблести, такъ какъ русское

овцы происходять от италіянцев. нарѣчіе чуждо намъ литовцамъ, т. е. италіянцамъ, происходящимъ отъ крови италіянской [1]).

А что это такъ, видно изъ полулатинской нашей рѣчи и изъ древнихъ римскихъ обычаевъ, которые не такъ давно вышли у насъ изъ употребленія, каковы именно: сожиганіе мертвыхъ, гаданія по внутренностямъ и по полету птицъ, и другіе предразсудки, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще существующіе, какъ напр. поклоненіе Эскулапу, который почитается въ видѣ змія, въ какомъ онъ переселился когда-то изъ Эпидавра въ Римъ. Почитаются также священные пенаты, лары, души усопшихъ, горы, пещеры, озера, рощи. Не совершенно погашенъ также водою крещенія тотъ священный и вѣчный огонь, который содержался, по обычаю римлянъ и евреевъ, для сожженія жертвъ [2]). Много словъ въ литовскомъ языкѣ, одинаковыхъ по значенію съ такими же словами на языкѣ латинскомъ [3]). Въ эти же мѣста пришли наши предки, воины и граждане римскіе, бывъ посланы въ колоніи для защиты своихъ предѣловъ отъ народовъ скиѳскихъ, или, какъ говоритъ другое болѣе вѣрное преданіе, бывъ занесены бурями океана при Юліи Кесарѣ. Когда Кесарь, пишетъ Луцій Флоръ, побѣдивъ германцевъ въ Галліи и покоривъ прилежащую Рейну часть Германіи, переправился чрезъ Рейнъ и поплылъ по морю въ Британію, то корабли его были разсѣяны бурею, и предки наши, занесенные къ тому берегу, гдѣ теперь стоитъ самогитская крѣпость, Плотели, вышли тутъ на землю. Да и въ наше время къ тому же берегу приставали какіе-то корабли изъ за моря. Тутъ наши предки, наскучивъ трудами и опасностями морскими, обремененные плѣн-

Слова литовскія.

---

[1]) Такихъ литовцевъ, и во время Михалона (природнаго литвина, конечно), было не болѣе $^1/_{30}$ во всемъ великомъ княжествѣ литовскомъ.

[2]) Здѣсь, въ подлинникѣ, для примѣра, выставлено нѣсколько десятковъ словъ латинскихъ: ignis, unda, aer, sol, mensis, dies, noctis, ros, aurora, deus, vir, tu, tuus, и проч.

[3]) Немало подобныхъ суевѣрій осталось отъ язычества и между истыми славянами. Да и много между ними общихъ разнымъ народностямъ, такъ что по нимъ трудно опредѣлять генеалогіи народовъ. Ред.

ными мужчинами и женщинами, начали жить въ палаткахъ, согрѣваясь, по военному обычаю, еще и теперь существующему въ Самогитіи, у очага. Потомъ, отправившись далѣе, покорили сосѣдніе народы, язвинговъ (ятвяговъ), потомъ роксолановъ или рутеновъ. Послѣдними, какъ и москвитянами, обладали въ то время татары заволжскіе. Баскаки ихъ, управлявшіе отдѣльными крѣпостями рутеновъ, были оттуда изгнаны нашими италіянскими предками, которые послѣ назвались литалами (Litali), а потомъ литовцами (Lituani). Тогда, съ врожденною имъ храбростію освободивъ народы, земли и крѣпости рутенскія отъ ига татаръ и баскаковъ, они распространили свое владычество отъ моря самогитскаго, что называется Балтійскимъ, до Понта Эвксинскаго, гдѣ устье Днѣпра, и до предѣловъ Валахіи, другой римской колоніи, занявъ земли волынскую, подольскую, кіевскую, сѣверскую и степи до границъ Тавриды и тованскаго перевоза черезъ Днѣпръ, а къ сѣверу до послѣдней и ближайшей къ московской столицѣ крѣпости Можайска, (?) миновавъ которую, заняли Вязьму, Дорогобужъ, Бѣлой, Торопецъ, Луки, Псковъ, Новгородъ, со включеніемъ всѣхъ лежащихъ по сю сторону крѣпостей и земель. Впослѣдствіи, распространивъ такимъ образомъ свои владѣнія, получили они для князя своего Миндовга, принявшаго святое крещеніе, корону съ титуломъ королевскимъ. Но по смерти его достоинство королевское и имя христіянское погибли, пока сосѣднее намъ христіянское племя, польское, не возвратило къ святому крещенію и королевскому высокому титулу, въ 1386 г., благополучно царствовавшаго здѣсь прадѣда вашего величества, блаженной памяти Владислава, по литовски называвшагося Ягеллономъ, чтобы совокупная доблесть двухъ сосѣднихъ племенъ имѣла болѣе силы для побѣды общаго врага христіянскаго имени. Въ эту страну собрался отовсюду самый дурной изъ всѣхъ народовъ—іудейскій, распространившійся по всѣмъ городамъ Подоліи, Волыни и другихъ плодородныхъ областей, народъ вѣроломный, хитрый, вредный, который портитъ наши товары, поддѣлываетъ деньги, подписи, печати, на всѣхъ рынкахъ отнимаетъ у христіанъ средства къ жизни, не знаетъ другаго искусства, кромѣ обмана и клеветы; самое дурное поколѣніе племени халдейскаго, какъ свидѣтельствуетъ Священное Писаніе, поколѣніе развратное, грѣховное, вѣроломное, негодное. Жиды.

СОКРАЩЕНІЕ ОТРЫВКА ШЕСТАГО.

Рабы литовскіе.

Татары превосходятъ насъ не только воздержаніемъ и благоразуміемъ, но и любовію къ ближнему. Они сохраняютъ между собою взаимное расположеніе и оказываютъ другъ къ другу добро, справедливо обращаются и съ рабами, хотя имѣютъ ихъ только изъ чужихъ странъ. Не смотря на то, что этихъ рабовъ пріобрѣтаютъ они войною или куплею, они не держатъ ихъ въ рабствѣ болѣе семи лѣтъ [1]), по слову писанія (см. Исхода гл. 21, ст. 2). А мы держимъ въ безпрерывномъ рабствѣ людей своихъ, добытыхъ не войною и не куплею, принадлежащихъ не къ чужому, но къ нашему племени и вѣрѣ, сиротъ, неимущихъ, попавшихъ въ сѣти чрезъ бракъ съ рабынями, мы злоупотребляемъ нашею властію надъ ними, муча ихъ, уродуя, убивая безъ суда, по малѣйшему подозрѣнію. Напротивъ того у татаръ и москвитянъ ни одинъ чиновникъ не можетъ убить человѣка даже при очевидномъ преступленіи,—это право предоставлено только судьямъ въ столицахъ. А у насъ по всемъ селамъ и деревнямъ дѣлаются приговоры о жизни людей. Къ тому же на защиту государства беремъ мы подати съ однихъ только подвластныхъ намъ бѣдныхъ горожанъ и съ бѣднѣйшихъ пахарей, оставляя въ покоѣ владѣльцевъ имѣній, которые получаютъ гораздо болѣе съ своихъ владѣній, съ пашней, луговъ и пастбищъ, съ садовъ и огородовъ, съ лѣсовъ и рощей, съ меда и охоты, съ корчемъ и ремесленныхъ заведеній, съ рынковъ и пристаней, съ озеръ, рѣкъ и прудовъ, съ рыбныхъ ловлей, съ мельницъ, со стадъ, отъ работъ слугъ и служанокъ. А гораздо лучше шли бы военныя дѣла и собирались потребныя для того подати, взимаемыя теперь поголовно, еслибы предпринятое измѣреніе всѣхъ имѣній и полей, принадлежащихъ какъ дворянамъ, такъ у простымъ людямъ, приведено было къ окончанію; ибо тотъ, и кого болѣе земли, и платилъ бы болѣе.

(Окончаніе слѣдуетъ).

[1]) Едва-ли! Ред.

СТАРЧЕСКІЯ ВОСПОМИНАНІЯ

видѣннаго, слышаннаго и читаннаго о происшествіяхъ, совершившихся въ западныхъ областяхъ Россіи и въ Царствѣ Польскомъ съ 1793 года по настоящее время.

По случаю послѣдняго мятежнаго возстанія въ Царствѣ Польскомъ, такъ много было говорено въ разныхъ русскихъ журналахъ о состояніи бывшей Польши, во время ея самостоятельности, объ образованіи ея самозваннаго народнаго польскаго управленія (rżądu), объ его распоряженіяхъ, вліяніи на помѣщиковъ, особенно на мелкую шляхту, на мѣщанъ, челядь, мастеровыхъ и разную сволочь, что всѣ, кажется, симптомы и фазисы продолжающагося бунта поляковъ вѣрно подмѣчены и достаточно описаны. Но никто не возметъ на себя труда ясно указать, съ какаго времени, какія побужденія были употреблены главными польскими агитаторами къ произведенію прежнихъ и настоящаго бунтовъ, какими средствами и путями проведены были въ сердца мятежниковъ тѣ экзальтаціи, которыя распалили ихъ до иступленія?—Особенно никто, кажется, изъ русскихъ журналистовъ не раскрылъ отчего конституціонная хартія, дарованная Александромъ I Царству Польскому, не успѣла достигнуть полнаго своего развитія? Настоящая статья имѣетъ въ виду отвѣчать на эти вопросы.

Бывшую Польшу довели до окончательнаго разложенія, какъ цѣлому міру извѣстно, анархія и іезуитскій фанатизмъ, котораго пропаганда пользовалась всѣми родами гоненій, мукъ,

посмѣяніемъ и униженіемъ восточныхъ обрядовъ и православнаго духовенства—для того, чтобъ окатоличить ополячить русскія области, которыя князь литовскій Ягайло, по случаю женитьбы на Ядвигѣ, послѣдней отрасли династіи Пястовъ, сдѣлавшись королемъ польскимъ, будто бы присоединилъ къ Польшѣ de facto. Но какъ западная Русь, искони составлявшая одно тѣло съ великою Россіею, за тѣмъ федеративныя съ нею удѣльныя княжества, послѣ разгрома Россіи нашествіемъ татаръ, большею частію добровольно примкнули къ Литвѣ, чтобъ имѣть опору въ борбѣ съ татарами; то онѣ всегда чуждались соединенія съ Полышею. Доказательствомъ этой истины служитъ самая, такъ называемая, люблинская унія, или мнимое соединеніе западной Руси съ Польшею, на которое согласились только одни русскіе ея владѣльцы, воспитанные латинскими патерами, совратитившіеся изъ православія въ латинство и увлеченные обаяніемъ своеволія польской аристократіи. Но владѣльцы, оставшіеся вѣрными православію, эту унію отвергли при самомъ ея началѣ, о согласіи же на нее массы русскаго народа, т. е. земледѣльцевъ, мѣщанъ и духовенства, даже и неспрашивали, и она всегда была противна духу русскаго народа и духовенства и произвела въ западной Руси безконечныя смуты и кровопролитія. Въ истинѣ этого сознаются сами добросовѣстные польскіе писатели исторіи Польши.

Со времени Сигизмунда III, Польша, словно по скользкой и крутой покатости, стремилась въ ископанную ею для себя бездну. Партіи богатой польской аристократіи не признавали ни власти, ни закона; буйный произволъ былъ закономъ ихъ. Шляхта перечила, сколько могла, формулированію и исполненію постановленій, имѣвшихъ въ виду уврачеваніе язвъ своего отечества. Такъ, наприм.,—Чарторыжскіе, въ продолженіи тридцатилѣтняго царствованія Августа III, не допустили ни одного сейма до установленія какого либо полезнаго закона, но всѣ сеймы разрывали потому только, что не любили Августа [1]). Можно доказать, что ни одинъ изъ польскихъ магнатовъ не причинилъ и не причиняетъ столько зла Польшѣ, сколько его нанесли ей Чарторыжскіе, стремившіеся и стремящіеся къ властвованію въ мечтательной Польшѣ. Невольно способствовавъ

---

[1]) Obraz Polski XVIII wieku.

воцаренію короля Станислава Августа, они, по родству съ нимъ, окружили его своими интригами и наушничествомъ и управляли имъ, какъ хотѣли: не допустили его управлять Польшей по образцу другихъ государствъ и требованію современныхъ обстоятельствъ.

Въ новѣйшее время польскіе публицисты паденіе Польши преимущественно приписываютъ этому королю. Напрасно. Станиславъ Августъ былъ мудрый король,—пламенно любилъ свое отечество; но рѣшительно не имѣлъ возможности уврачевать и укрѣпить политическое тѣло разлагавшагося въ теченіи вѣковъ, подточеннаго безурядицами, изъѣденнаго фанатизмомъ королевства: потому что не находилъ ни почвы, ни людей для своихъ дѣйствій ко благу отечества. Въ Польшѣ почти не было національнаго войска. Станиславъ предъявлялъ каждому сейму объ этомъ недостаткѣ, доказывалъ вопіющую и неотложную необходимость организаціи національныхъ военныхъ силъ по образцу сосѣднихъ государствъ, соотвѣтственно нуждамъ и случайностямъ отечества. Всѣ депутаты сеймовъ сознавали справедливость настаиванія короля; но когда доходила рѣчь до умноженія доходовъ государства, возвышенія податей и налоговъ на содержаніе арміи, всѣ депутаты отказывались отъ участія въ этомъ дѣлѣ. Между тѣмъ безпрестанныя почти конфедераціи, даже покушеніе на жизнь короля, отравляли его спокойствіе и ослабляли его силы. При всемъ томъ настойчивость Станислава Августа, патріотизмъ отчасти и тщеславіе нѣкоторыхъ аристократовъ образовали, наконецъ, польское войско, на содержаніе коего, въ маломъ объемѣ, обращены были таможенные доходы и съ нѣкоторыхъ коронныхъ имѣній. Кромѣ того, въ составъ польскаго войска входили полки, образованные, обмундированные, снабженные оружіемъ и содержаніемъ на счетъ нѣкоторыхъ польскихъ магнатовъ, каковы Огинскій, Потоцкій и другіе. Такіе полки состояли изъ разной челяди и шляхты большею частію навербованной въ огромныхъ имѣніяхъ самихъ магнатовъ, которые считались главными начальниками этихъ отрядовъ и назначали въ это войско офицерами, кого хотѣли. Кромѣ того польское войско дополнялось такъ называемымъ товариществомъ (towarzystwo), въ которое поступали молодые шляхтичи подъ названіемъ товарищей (towarzysz), отъ коихъ требовалось, чтобы они, вооруженные, на своихъ лошадяхъ,

съ завербованнымъ изъ бѣдной шляхты оруженосцемъ и запасными лошадьми, состояли въ войскѣ на собственномъ содержаніи. Отъ того въ польской тогдашней арміи почти столько же было офицеровъ, сколько рядовыхъ, и хотя поляки тщеславились, что войско ихъ состояло изъ ста тысячъ человѣкъ, но послѣдствія показали, что ихъ было далеко менѣе. Вообще же на польское войско не могъ опереться король въ своихъ дѣйствіяхъ—тѣмъ болѣе, что оно пропитано было духомъ партій, волновавшихъ тогда Польшу. Отъ этого сами Чарторыжскіе неоднократно просили Екатерину II, чтобы она прислала въ Польшу русскія войска для поддержанія короля на престолѣ и обузданія шляхетскаго буйства.

Такое ослабленіе королевской власти происходило отъ того, что въ Польшѣ, среди старинной демократіи, образовалась настоящая, безпримѣрная, шляхетская іерархія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, подлость, нищенское вымаливаніе низшею шляхтою у богатой подачи (żebractwo), начинаясь отъ владѣвшаго одною десятиною земли (zagón), восходило до ступеней престола. Польша имѣла аристократовъ, потрясавшихъ (wichrzących) цѣлыми областями, имѣвшихъ въ воеводствахъ и уѣздахъ своихъ коноводовъ анархіи, а въ общинахъ (parafiach) зажиточнѣйшую шляхту, господствовавшую надъ мелкою шляхтою и владѣвшею одною десятиною земли. Этой шляхтѣ предоставлена была честь поднимать голову выше экономовъ, писарей, счетчиковъ и всѣхъ состоявшихъ на службѣ въ домахъ крупнаго панства. По мнѣнію шляхты, безчестно было пріобрѣтать насущный хлѣбъ вѣсами и аршиномъ; а не считалось безчестіемъ нищенствовать въ прихожихъ аристократовъ. Въ слѣдствіе сего каждый вельможа (możny władca) награждалъ низость и услуги мелкой шляхты самою дешевою монетою, т. е. словами: «панъ братъ, какъ вы поживаете (panie bracie, jak się waść masz)? Услаждаясь этимъ ѳиміамомъ лести, шляхтичъ надменно смотрѣлъ на купцовъ, ремесленниковъ, даже на ученыхъ не принадлежавшихъ къ рангѣ шляхетства и, погруженный во тьму невѣжества, не умѣя цѣнить ни наукъ, ни честнаго труда, надмевался воображаемымъ своимъ братствомъ съ аристократами, между тѣмъ, какъ на самомъ дѣлѣ былъ только ихъ прислужникомъ, унижаемымъ до того, что аристократы, по одному капризу, пороли ихъ нагайками и только лишь изъ уваженія къ ихъ шля-

честву, били ихъ на ковръ [1]). Но шляхта все таки мечтала о своемъ значеніи и была по своему свободною, услаждалась вольностію ничего не дѣлать, тогда какъ, по статуту 1496 г., крестьяне были лишены права имѣть свою землю и переходить съ мѣста на мѣсто, безъ дозволенія своего помѣщика. Жизнь крестьянина до того зависѣла отъ его владѣльца, что умерщвленіе поселянъ допускалось даже безъ всякой причины. Каждый рабовладѣлецъ, по мнѣнію польской олигархіи, могъ умертвить чужаго раба за десять монетъ штрафа, а господинъ могъ умертвить его даромъ. На рынкѣ продавали рабовъ дешевле, чѣмъ теперь продаютъ негра въ Америкѣ. Польскіе дворяне безнаказанно насиловали поселянскихъ дѣвицъ, которыя имъ нравились, и осыпали побоями того, кто бы дерзалъ за нихъ вступиться.

При такомъ абсолютномъ произволѣ польской аристократіи и уничиженіи человѣчества въ крестьянахъ, Станиславъ Августъ въ скорби о своемъ безсиліи, въ утѣшеніе себѣ, обратилъ все вниманіе свое на образованіе юношества, на возрожденіе и одушевленіе польской литературы. Съ этою цѣлію, по уничтоженіи въ Польшѣ іезуитскаго ордена, доходы съ огромныхъ его имѣній были предоставлены на заведеніе и содержаніе академій и народныхъ училищъ, въ родѣ гимназій, и на изданіе до того дешевыхъ учебниковъ, что они продавались по нѣсколько копѣекъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ учреждена для образованія юношества учебная коммиссія (komissia edukacyjna), составленная изъ самыхъ просвѣщенныхъ аристократовъ, которые прежде всего занялись изданіемъ лучшихъ учебниковъ по предметамъ, которые положено было преподавать въ училищахъ. Для этой цѣли предварительно составлены были коммиссіею зрѣло обдуманныя программы, указаны и переведены на новый языкъ лучшія иностранныя руководства. Къ чести этой коммиссіи нужно присовокупить, что учебники неиначе были издаваемы ею, какъ послѣ внимательной редакціи представленныхъ рукописей и одобреніи ихъ всѣми членами ея. Все это было причиною того, что въ Польшѣ явились и прославились писатели, каковыми напр. были—Нарушевичъ, Красицкій, Карпинскій, Трембецкій и другіе.

---

[1]) Pamiętniki Kajetana Koźmjana. Oddział 1, stron. 157 и въ другихъ мѣстахъ.

Но какъ будто къ ускоренію погибели Польши, духъ вольтеровской мнимой философіи и французскихъ энциклопедистовъ обуялъ многіе умы польской аристократіи, заразилъ юношество и, какъ обыкновенно бываетъ при паденіи всякаго царства, явилось много атеистовъ, матеріалистовъ, индеферентистовъ, равнодушныхъ ко всякой религіи и къ судьбамъ своего отечества. А роскошь, крайняя распущенность нравовъ, даже явный развратъ, выходя изъ Варшавы отъ аристократическихъ фамилій, потоками разливались по домамъ мелкой даже шляхты. Не отставали тогда отъ кутежа и разврата самаго открытаго и латинскіе ксендзы, даже высшіе ихъ прелаты. Поэтому, относительно многихъ аристократическихъ польскихъ фамилій, писатель Козьманъ, необинуясь, утверждаетъ, что онѣ происходятъ собственно отъ лакеевъ и совершенно напрасно носятъ на себѣ прозванія мнимыхъ своихъ отцовъ.

При всемъ томъ, въ Польшѣ, до самаго паденія ея, пресса была сдержана до того, что нигдѣ не проявлялись въ печати на польскомъ языкѣ памфлеты и статьи, превозглашающіе матеріализмъ и безбожіе Даже были между аристократами мудрые, истинно просвѣщенные патріоты, которые, по мѣрѣ силъ своихъ, не допускали распространенія въ народѣ вольтеровскаго кощунства и безбожія. Такъ, когда литовскому маршалу Игнатію Потоцкому, бывшему попечителемъ люблинскихъ училищъ, профессоръ краковской академіи Яцекъ Прибыльскій поднесъ изданнаго имъ въ переводѣ на польскій языкъ вольтеровскаго Кандиба; то Потоцкій наградилъ Прибыльскаго богатымъ перстнемъ съ условіемъ, что онъ доставитъ ему всѣ экземпляры того изданія. Прибыльскій исполнилъ волю мецената, а Потоцкій сжегъ всѣ экземпляры того перевода Кандибы [1]). Только съ паденіемъ Польши стали появляться въ ней печатанныя сочиненія, пропитанныя вольтеріанизмомъ, какъ напр.: Poezie Węgerskiego, переводъ съ французскаго сочиненія Вольнея *Развалины Пальмиры*, также множество стихотвореній и брошюръ, сѣявшихъ развратъ и кощунство и подобныхъ современнымъ русскимъ журналамъ «Якорь, Искра, Заноза» и подоб. имъ, только несравненно остроумнѣе ихъ.

Не смотря однакожъ на крайнюю распущенность нравовъ,

---

[1]) Pamiętniki K. Koźmiana, oddział 1, stron. 1858. Poznań.

при издыханіи Польши, жестокое преслѣдованіе православнаго вѣроисповѣданія въ русскомъ народѣ не только не ослабѣвало, но раздуваемое секуляризовавшимися іезуитами и монахами разныхъ латинскихъ орденовъ и уніатами, даже усиливалось до той степени, что произвело въ русскомъ народѣ непреодолимое никакими муками отвращеніе отъ латинскаго вѣроисповѣданія. Такъ, наприм., козакъ Гонта, рѣшившись избавить русскій народъ отъ насильственной, латинской пропаганды, открылъ противъ польскихъ аристократовъ и жидовъ грозное возстаніе и собственною рукою зарѣзалъ двухъ своихъ дочерей за то, что онѣ совратились въ латинство.

Съ послѣднимъ порывомъ Польши сохранить свою самостоятельность. кончилось ея политическое существованіе. Конституція польская, извѣстная подъ фирмою *3 мая*, хотя обѣщала личную свободу всѣмъ и каждому жителю Польши; но не предоставила крестьянамъ, хоть бы въ оброчное пользованіе усадебною и пахатною землею, и поставила ихъ въ такое положеніе, что въ Польшѣ доселѣ помѣщикъ ко вреду крестьянъ могъ дѣлать въ своемъ имѣніи произвольныя распоряженія, переносить крестьянскія жилища съ одного мѣста на другое, по одной прихоти, отнимать у нихъ удобренную ими землю, и надѣлять другими участками земли въ болотистыхъ и неплодородныхъ мѣстахъ, и среди зимы, по одному капризу, изгонять крестьянина съ его семействомъ изъ хижины, которою онъ временно пользовался, и довесть его до состоянія самаго бѣдственнаго скитальчества. Тогдашняя польская революція была подражаніемъ французской. Въ Варшавѣ были учреждены революціонные клубы и дѣйствовали (какъ и теперь) преимущественно терроромъ. Весьма немного было истинныхъ патріотовъ, изъ коихъ особенно прославился знаменитый герой литвинъ Костюшко своими военными талантами и дѣятельностію.

Плѣнъ его и взятіе штурмомъ варшавской Праги довершили судьбу Польши, указанную предначертаніемъ великаго Фридриха. Вмѣстѣ съ тѣмъ возвращены и снова соединены съ великою Россіей древнія ея западныя области, составлявшія колыбель первобытнаго ея устройства, въ числѣ коихъ особенно Волынь доселѣ красуется первобытными памятниками русской національности и православія, какіе можно находить во Владимірѣ Волынскомъ, въ Дубнѣ, Острогѣ, Овручѣ и другихъ мѣ-

стахъ. Съ присоединенiемъ сихъ областей къ великой Россiи, Екатерина II тотчасъ повелѣла ввесть въ нихъ русскiе законы и устройство. Но, предоставивъ полную свободу всѣмъ вѣроисповѣданiямъ, она объявила, что если кому изъ владѣльцевъ не угодно подчиниться новому устройству и административному порядку, тотъ свободно можетъ продать свое помѣстье и переселиться, куда захочетъ. Тогда же Екатерина II бывшiя въ тѣхъ областяхъ коронныя, конфискованныя и выморочныя имѣнiя раздала заслуженнымъ своимъ вельможамъ и генераламъ, а въ кругу своихъ приближенныхъ не разъ говаривала, что *нужно всѣми мѣрами стараться, чтобы всѣ имѣнiя въ тѣхъ областяхъ состояли во владѣнiи русскихъ помѣщиковъ*, такъ какъ предосудительно, что помѣщики латинскаго вѣроисповѣданiя владѣютъ крестьянами православнаго вѣроисповѣданiя [1]). Скорбь о подчиненiи православныхъ крестьянъ помѣщикамъ латинскаго вѣроисповѣданiя открыто изъявлялъ московскiй митрополитъ Платонъ, во время путешествiя своего въ Кiевъ, въ началѣ настоящаго столѣтiя. Но къ прискорбiю, русскiе владѣльцы имѣнiй, коими наградила ихъ за ихъ заслуги въ тѣхъ областяхъ Екатерина II, или занятые служебными обязанностями и потому не жившiе въ новыхъ своихъ помѣстьяхъ, предоставили ихъ управленiю поляковъ экономовъ, которые довели тѣ имѣнiя до крайняго разоренiя, такъ, что владѣльцы принуждены были продать ихъ (и продали) помѣщикамъ полякамъ за самую дешевую цѣну. Другiе изъ русскихъ владѣльцевъ тѣхъ имѣнiй, зараженные софизмами Вольтера и французскихъ энциклопедистовъ, уловленные приманками и опутанные сѣтями латино-польской пропаганды, предались роскоши и разгулу, пристрастились къ картежной игрѣ, или къ охотѣ, выказывали свою удаль въ попойкахъ и развратѣ, пока наконецъ богатства и имѣнiя ихъ не переходили въ руки жидовъ или пановъ польскихъ.

Но самое тлетворное наслѣдiе отъ Польши осталось въ этихъ несчастныхъ областяхъ въ лицѣ общества iезуитовъ. По уничтоженiи ихъ ордена Климентомъ XIV, iезуиты нашли убѣжище подъ покровомъ порфиры Екатерины II и первоначально сосредоточились въ Бѣлоруссiи. Здѣсь, пользуясь безмятежнымъ

---

[1]) Изъ журнала въ рукописи статсъ-секретаря Храповицкаго.

спокойствіемъ, охраняемымъ русскою земскою полиціею, подъ благонадежнымъ правительствомъ, іезуиты, въ благодарность за оказанное имъ гостепріимство, ревностно принялись совращать въ латинство природныхъ православныхъ русскихъ жителей, начавъ, разумѣется, свою пропаганду сперва съ уніатовъ, какъ съ добычи болѣе легкой. Такимъ образомъ совращены іезуитами въ могилевской и витебской губерніяхъ также въ Литвѣ многія тысячи крестьянъ и даже такія семейства русскихъ помѣщиковъ, которыя, во время польскаго владѣнія, не смотря на гоненія, остались непоколебимо вѣрными православію, но не устояли предъ лестію, разными интригами и софизмами іезуитовъ, особенно женатые на католичкахъ. А мѣстное начальство, какъ свѣтское, такъ и духовное, не предпринимало противъ этого зла никакихъ мѣръ и оставалось совершенно равнодушнымъ.

Послѣ покоренія Варшавы и рѣшенія участи польскаго королевства, разсѣянныя польскія войска цѣлыми эскадронами и толпами большею частію бѣжали въ Австрію, правительство которой конфисковало ихъ оружіе и лошадей, принуждало поляковъ вступать въ австрійскую военную службу, а офицеровъ ихъ, лишивъ офицерскихъ чиновъ, переодѣвало на рынкѣ во Львовѣ въ солдатскіе мундиры, съ тѣмъ, чтобы выставить ихъ на позоръ и посмѣяніе мѣстныхъ жителей, бѣжавшихъ же изъ Подоліи въ Буковину, подъ командою нѣкоего Денискн, австрійцы хватали и вѣшали, а знаменитаго въ свое время владѣльца Радзборовскаго тѣлесными побоями заставили сдѣлать показаніе, будто онъ велъ корреспонденцію съ Денискомъ [1]). При всемъ томъ большая часть поляковъ, бывшихъ въ военной службѣ, разными путями пробралась во Францію, гдѣ, составивъ отдѣльный польскій легіонъ, сражалась въ рядахъ французовъ для революціонныхъ видовъ тогдашняго французскаго правительства.

По этому поводу поляки, полагая, что французская революція охватитъ цѣлую Европу, а при содѣйствіи ея будетъ возстановлено польское королевство повсемѣстно, употребляли пѣсенку: Marsz, marsz Dąbrowski z ziemi Włoskiej, do Polskiej. А богатѣйшіе изъ нихъ, будто отуманенные гибелью польскаго королевства, предавались полному разгулу страстей, роскоши и разврату.

[1]) Pamiętniki K. Koźmjana Oddział 1. stron. 242.

Павелъ I, вступивъ на русскій престолъ, немедленно оказалъ рѣдкое великодушіе полякамъ: однихъ изъ нихъ освободилъ изъ заключенія, другихъ возвратилъ изъ ссылки, отмѣнилъ въ западныхъ русскихъ областяхъ и въ Литвѣ введенные Екатериною II порядки и предоставилъ въ уѣздныхъ судахъ и гражданскихъ палатахъ руководствоваться литовскимъ Статутомъ и польскими законами, а судебныя дѣла дозволилъ производить на польскомъ языкѣ. При всемъ томъ, зная, что Павелъ I въ западныхъ русскихъ областяхъ раздавалъ казенныя и конфискованныя имѣнія въ вѣчное владѣніе заслуженнымъ русскимъ генераламъ и вельможамъ, какъ то Долгорукову, Тутольмину, Ягужинскому и другимъ, мы не можетъ утверждать (какъ въ свое время говорили поляки), будто Павелъ I помышлялъ о возстановленіи польскаго королевства.

Александръ I, со вступленіемъ на престолъ, возсіялъ для поляковъ, по сознанію ихъ самихъ, «какъ свѣтлая десница,» или, лучше сказать, какъ животворное солнце на мрачномъ горизонтѣ Польшѣ. Онъ тотчасъ вызвалъ одного молодого поляка (Адама Чарторыйскаго) изъ неаполитанскаго посольства и опредѣлилъ его товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, а другому поляку съ полнымъ довѣріемъ поручилъ дипломатитескія дѣла Россіи съ иностранными державами, опредѣлялъ однихъ поляковъ въ сенатъ, а другихъ поставлялъ гражданскими губернаторами, такъ что всѣ судебныя и полицейскія должности замѣщены были въ западныхъ областяхъ поляками [1]). Поступившіе тогда въ кадетскій шляхетскій корпусъ молодые поляки развязными манерами, шляхетскими ухватками, вертлявымъ, а гдѣ нужно и слишкомъ подобострастнымъ обращеніемъ понравились Императору Александру I, особенно Константину Павловичу. Съ другой стороны, Александръ I, посѣщая Литву вообще и Вильно вчастности, своею доступностію, привѣтливымъ обращеніемъ, щедрыми дарами и милостями, стройною осанкою и юношескою своею красотою приводилъ въ восхищеніе литовскихъ обывателей и привлекъ къ себѣ сердца многихъ изъ нихъ. Эти чувства еще усились, когда онъ повелѣлъ основать въ Вильнѣ университетъ, въ который приглашены были отличнѣйшіе профессора по всѣмъ учебнымъ предметамъ, и учредить кременецкій лицей для образованія юношества.

[1]) Pamiętniki K. Kozmiana Oddz. 1. str. 243 и 224.

Около тогоже времени, съ разрѣшенія гуманнаго прусскаго короля Вильгельма-Фридриха, основалось въ Варшавѣ общество ученыхъ поляковъ, подъ названіемъ Towarzystwo uczonych, а въ имѣніи Чарторыйскаго, мѣстечко Пулавы обстроилось рѣдкою пышностію, и въ саду, возлѣ дворца Чарторыйскаго, воздвигнутъ былъ загадочный храмъ Сивиллы, въ который собираемы были историческія древности, оставшіяся послѣ прославившихся нѣкогда поляковъ и другихъ славянъ, какъ то: различное оружіе, статуи, рукописи и т. п. предметы. Варшавское общество ученыхъ, по видимому, имѣло цѣлію обработываніе и усовершенствованіе польскаго языка и сначала издавало повѣсти и романы. Но въ самомъ началѣ учрежденія этого общества, проглядывала уже затаенная его цѣль, которую можно было угадывать по картинѣ, выставленной въ залѣ собранія членовъ общества на первомъ мѣстѣ, на которой было изображено покореніе королевичемъ Владиславомъ Смоленска. Владиславъ изображенъ былъ на гордомъ конѣ, попирающемъ русскія знамена, а русскіе разныхъ званій раболѣпно повергшимися на землѣ и подносящими Владиславу ключи города Смоленска.

По случаю обозрѣнія корпусовъ русскихъ армій, расположенныхъ въ западныхъ русскихъ областяхъ, особенно предъ первою компаніею противъ Наполеона въ союзѣ съ Австріею, в. князь Константинъ Павловичъ, посѣщая домы богатыхъ польскихъ владѣльцевъ, особенно на Волыни, фамиліарнымъ съ ними обращеніемъ и рыцарскою своею обстановкою такъ же весьма понравился полякамъ. Вообще же въ это время подольская губернія и Волынь считались какъ бы посмертнымъ эдемомъ Польши, подъ отеческимъ скипетромъ сѣвернаго, какъ выражались поляки, Траяна. А Галиція, въ сравненіи съ Волынью и другими западными областями Россіи, казалась трупомъ издыхающаго въ агоніи страдальца, въ гнилыхъ ранахъ коего безчисленные рои червей производятъ зудъ мучительнѣе смертельныхъ болѣзней. При всемъ томъ, когда вскорѣ послѣдовало пораженіе русскихъ войскъ подъ Аустерлицомъ, помѣщики и шляхта русскихъ областей открыто въ домахъ своихъ рукоплескали побѣдѣ Наполеона, не скрывая злобной радости о пораженіи русской гвардіи. Между тѣмъ, русскимъ правительствомъ предоставлена была такая свобода помѣщикамъ и шляхтѣ, какъ будто они вовсе не были подъ русскимъ скипетромъ.

Подъ наружнымъ покровомъ полицейской тишины и спокойствія, какимъ никогда не пользовалась Польша, помѣщики, подавивъ непомѣрною барщиною крестьянъ, до крайности истощали ихъ силы, и посредствомъ насильственнаго угнетенія ихъ извлекали изъ своихъ имѣній такіе огромные доходы, о какихъ и мечтать не могли прежде ни отцы ихъ, ни они сами. Вообще барщина крестьянъ въ западныхъ русскихъ областяхъ во всѣхъ отношеніяхъ несравненно была тягостнѣе барщины крестьянъ русскихъ губерній, въ которыхъ крестьяне, почти повсемѣстно, отбывали барщину въ первые три дня седмицы, а остальные три дня свободно, по своему произволу, употребляли на удобреніе, вспаханіе въ пору своего поля, на собраніе сѣна, жатву своего хлѣба и другія свои нужды. Въ западныхъ областяхъ крестьянинъ не зналъ, когда ему можно будетъ приняться за свое хозяйство. Онъ работалъ сплошь, ежедневно, на барщинѣ, до кроваваго поту, доколѣ не воздѣланы имъ были непомѣрно большія запашки, не оканчивались сѣнокосы и жатва огромныхъ луговъ засѣвовъ его помѣщика. Тогда только крестьянину дозволялось заняться своими дѣлами, когда уже половина колосьевъ сваливалась на землю. Еще въ кіевской, подольской и въ большей части волынской губерніи, богатыхъ плодородными пахатными полями, мѣстныя экономіи предоставляли крестьянамъ нѣсколько времени для обработки удѣленныхъ имъ участковъ пахатныхъ полей, чтобы не выдавать имъ хлѣба въ голодные годы для прокормленія изъ помѣщичьихъ амбаровъ. Но въ Бѣлоруссіи, особенно въ могилевской и витебской губерніи, крестьяне, обремененные въ лучшую пору года сплошною барщиною, едва успѣвали въ глубокую осень, или по ночамъ, что нибудь посѣять для своего пропитанія съ семействомъ. Съ половины зимы до собранія съ полей хлѣба, для поддержанія жизни крестьянъ, выдаваемо было изъ помѣщичьихъ закромовъ, въ началѣ каждой седмицы, по гарцу едва провѣянной ржи, на семейство, которою крестьяне питались съ примѣсью мякины. Кромѣ того, крестьяне были обременены безчисленными поборами до того, что рѣдкіе изъ нихъ видѣли въ рукахъ своихъ деньги. Экономіи просто отнимали отъ крестьянъ засѣянныя ими конопель и ленъ, оставляя имъ только что нибудь изъ нихъ на рубашки, брали десятый улей съ ихъ пчельника, грабили домашнюю птицу; сверхъ того набрасывали крестьян-

камъ конопляную и льняную паклю, для заготовленія изъ нея и доставленія въ урочное время пряжи, заставляли крестьянъ собирать и доставлять въ экономіи грибы, грузди, ягоды и лѣсные орѣхи въ опредѣленномъ количествѣ; а до учрежденія откуповъ и акциза съ водочной продажи, особенно въ плодородные годы, когда водка становилась слишкомъ дешева, экономіи раздавали индѣ на домы крестьянъ по гарцу и по два водки, по цѣнѣ выше той, по которой она продавалась въ кабакахъ, и крестьяне вынуждены бывали продавать послѣднюю корову, чтобы уплатить за наброшенную имъ водку. Въ великой Россіи многіе крестьяне вмѣсто барщины уплачивали владѣльцу оброкъ, зарабатывали деньги извозомъ, ремесломъ и мелочною торговлею; въ западныхъ областяхъ ни за что не освобождались поселяне отъ рабской барщины. Въ великой Россіи каждый крестьянинъ имѣлъ свободный доступъ къ своему барину по своимъ нуждамъ, получалъ отъ него пособіе и деньгами, и рабочимъ скотомъ; въ западныхъ областяхъ каждый владѣлецъ особенно большихъ имѣній былъ недоступнѣе царя русскаго, или являлся поселянамъ, какъ гроза небесная. Въ великой Россіи многіе крестьяне трудами и промышленными своими оборотами наживали большіе капиталы и выходили въ купеческое званіе; въ западныхъ областяхъ примѣра не было, чтобы крестьянинъ имѣлъ лишнюю копѣйку про черный день и выбивался изъ неволи. Въ великой Россіи,—особенно въ тѣхъ имѣніяхъ, которыя по старинѣ управлялись сельскими старостами, которыхъ помѣщики во всякое время могли смѣнить и наказать за злоупотребленія,—крестьяне жили привольно и благоденствовали; только въ имѣніяхъ, которыя были управляемы какимъ нибудь нѣмцомъ, или полякомъ, крестьяне были обременены тягостною барщиною; въ западныхъ областяхъ помѣщики, ихъ экономы, ксендзы и жиды почти въ продолженіи четырехъ сотъ лѣтъ употребляли всѣ средства и усилія, чтобы довести крестьянъ до скотскаго состоянія. Въ великой Россіи крестьянинъ, хотя и бѣдствовалъ, имѣлъ то утѣшеніе, что его владѣлецъ вмѣстѣ съ нимъ въ одномъ и томъ же храмѣ молился одному и тому же Богу; въ западныхъ областяхъ крестьяне, конечно, не знали такаго утѣшенія. Въ великой Россіи нѣкоторые помѣщики, какъ напр.: графъ Воронцовъ, особенно князья Шихматовы, Ширинскіе и Шереметевы, по одному нуж-

ству христіанскаго человѣколюбія совершенно освобождали крестьянъ отъ барщины; какіе примѣры для крестьянъ другихъ владѣльцевъ были какъ бы зарею всеобщаго освобожденія крестьянъ отъ рабства; въ западныхъ областяхъ никогда, нигдѣ примѣра не было подобнаго человѣколюбія, только изрѣдка нѣкоторые помѣщики *либертовали* какого нибудь крестьянина, т. е. давали ему личную свободу за ближайшія домашнія услуги, но и то, сперва совративъ его въ латинство и ополячивъ, въ полной увѣренности, что такіе крестьяне будутъ на сторонѣ помѣщиковъ во время давно затѣяннаго ими возстанія противъ русскаго правительства.

Для постояннаго содержанія крестьянъ въ тягостной неволѣ, экономичеcкое управленіе ими въ западныхъ областяхъ было доведено до высочайшаго искусства, особенно въ обширныхъ имѣніяхъ, напр., Браницкаго, Потоцкаго, Чарторыйскаго, Радзивила, Сапѣги, Сангушки. Были учреждены главноуправляющіе имѣніями, управляющіе, базчисленное множество экономовъ счетниковъ (rachmistrz), писарей винокуренныхъ заводовъ (gorżelnianych), писарей общихъ доходовъ (prowentowych), и проч. [1]) Главноуправляющіе были обезпечены жалованьемъ не-

---

[1]) Обыкновенно поляки презрительно отзываются о русскихъ чиновникахъ, называя ихъ взяточниками, грабителями, тогда какъ исторія не представляетъ намъ взяточниковъ болѣе жадныхъ, корыстолюбивыхъ и неумолимыхъ, какъ чиновники изъ поляковъ. Взяточничество ихъ, какъ средство къ разоренію русскихъ, есть догматъ ихъ катихизиса. Хотя они въ насмѣшку и презрѣніе обращаютъ слово чиновникъ; но нѣтъ въ мірѣ народа, который бы столько дорожилъ чиновничествомъ и титуляціей, какъ поляки. У нихъ не въ обычаѣ называть другъ друга по имени и отечеству, а титулуютъ себя какими нибудь мнимыми чинами, весьма нерѣдко тѣми, какіе имѣли ихъ предки. Своихъ предводителей дворянства поляки называютъ генералами и маршалами, сыновей ихъ генераловичами и маршалковичами, даже не состоящихъ въ гражданской службѣ, а въ чьей либо частной, тутилуютъ, по ихъ службѣ, управляющими, экономами, счетчиками, писарями и проч. Даже польскіе эмигранты прибавляютъ къ своимъ именамъ и прозваніямъ, будто удѣльные князья и графы, наименованія тѣхъ имѣній, которыхъ ли-

сравненію въ большей мѣрѣ, нежели гражданскіе губернаторы, равномѣрно получали весьма хорошее жалованье управляющіе имѣніями, экономы и прочая челядь, и кромѣ того весь этотъ безчисленный сбродъ оффиціалистовъ безплатно пользовался мѣстными экономическими продуктами, разною прислугою и лошадьми для своихъ поѣздокъ. Такимъ образомъ, не только главноуправляющіе и управляющіе, но даже экономы наживали большіе капиталы, покупали значительныя имѣнія и становились сами помѣщиками. Все же ихъ занятіе и служба, въ званіи главноуправляющихъ, управляющихъ, экономовъ и проч. состояли въ томъ, чтобы не дать крестьянамъ ни малѣйшаго отдыха, ни малѣйшаго облегченія ихъ рабства. Съ этою цѣлію постоянно, по воскреснымъ днямъ, собирались экономы у каждаго управляющаго (rządcy) на такъ называемыя сессіи, на которыхъ они обдумывали и рѣшали, какими работами занять крестьянъ въ продолженіе каждой слѣдующей седмицы. А мѣлкопомѣстные помѣщики ревностно подражали такимъ распоряженіямъ въ своихъ имѣніяхъ, тѣмъ болѣе, что выходили большею частію изъ экономовъ.

Между тѣмъ, когда столь самовластно и своевольно помѣщики западныхъ областей господствовали надъ крестьянами въ своихъ имѣніяхъ, православное духовенство также подвергалось различнымъ ихъ притѣсненіямъ и гоненію и открыто было пренебрегаемо польскою шляхтою. Церковные фундуши и земли были насильно захватываемы и отнимаемы, а православныя церкви ветшали и разрушались безъ всякой поддержки. Латинская пропаганда, съ своей стороны, глухо, но ревностно дѣйствовала, совращая крестьянъ, особенно дворовыхъ помѣщичьихъ

шились по своей винѣ. Такъ наприм: въ **Almanach de Gotha** одни Чарторыйскіе именуются **Duc de Klewań** (мѣстечко въ волынской губерніи) **et Zukow**, другіе титулуются **Compte de Wisnicz et de Jaroslau** Чиновниковъ гражданскихъ и военныхъ титулуютъ всегда чиномъ выше, прапорщика—поручикомъ, поручика маіоромъ, маіора и подполковника полковникомъ, имѣющаго одинъ изъ первыхъ чиновъ гражданскихъ—совѣтникомъ, титулярнаго совѣтника и коллежскаго ассессора—маіоромъ, надворнаго и коллежскаго совѣтника полковникомъ.

слугъ, не какими нибудь убѣжденіями въ истинѣ латинскихъ догматовъ, а употребляя орудіемъ къ совращенію православныхъ ихъ помѣщиковъ, экономовъ, особенно ихъ женъ. Обыкновенно совращеніе православныхъ начиналось тѣмъ, что заставляли ихъ почти насильно нарушать посты, учрежденные св. церковію, посѣщать костелы, особенно же вліяли на православныхъ насмѣшками надъ церковными обрядами, презрѣніемъ и угнетеніемъ православныхъ священниковъ и чествованіемъ латинскаго духовенства. За тѣмъ совращаемыхъ учили молиться по польски, и обѣщали имъ, что, по обращеніи ихъ въ латинство, они получатъ свободу и будутъ шляхтичами. И дѣйствительно, многимъ изъ такихъ дворовыхъ людей помѣщики давали личную свободу, а въ послѣдствіи, посредствомъ подложныхъ метрическихъ свидѣтельствъ и другихъ документовъ, эти ренегаты, перешедши въ другія губерніи, превращались въ шляхту. Подобнымъ же образомъ совращаемы были какъ лица православнаго вѣроисповѣданія отъ смѣшенныхъ браковъ, такъ и цѣлыя семейства. На нихъ дѣйствовали цѣлые домы помѣщиковъ всѣми угрозами, соблазнами и прельщеніемъ. Замѣчательно еще, что іезуиты, до удаленія ихъ изъ Россіи, пріобрѣвъ славу воспитателей юношества знаменитѣйшихъ русскихъ вельможей и успѣвъ совратить такихъ юношей и дамъ, даже придворныхъ въ латинство, бывая по временамъ въ западныхъ губерніяхъ, особенно на Волыни, говорили какъ бы конфиденціально, подъ секретомъ, что вскорѣ первѣйшія фамиліи русскихъ аристократовъ обратятся въ латинство, а за тѣмъ вся русская церковь подчинится папѣ, признавъ его главою вселенской церкви.

Такимъ образомъ латинская пропаганда успѣвала совращать русскихъ въ латинство и ополячивать ихъ. А помѣщики поляки, дѣйствуя въ своихъ имѣніяхъ по своему произволу, будто самодержавные государи, наслаждались всѣми земными благами. Только то одно раздражало, бѣсило помѣщиковъ, что, когда въ ихъ помѣстьяхъ отыскивался трупъ убитаго человѣка, или становилось гласнымъ, что какой нибудь экономъ засѣкъ крестьянина до смерти, земская полиція производила о такихъ происшествіяхъ изслѣдованіе: хотя впрочемъ такія слѣдствія почти всегда оканчивались ничѣмъ, потому что въ цѣломъ мірѣ нѣтъ людей искуснѣе помѣщиковъ поляковъ къ сокрытію слѣдовъ преступленія, а когда нельзя этого сдѣлать, къ совращенію съ

пути правды самыхъ добросовѣстныхъ, правдолюбивыхъ чиновниковъ. Проиграть для этой цѣли чиновнику въ карты большую сумму денегъ для поляка ничего не значитъ. Вывѣдавъ какую нибудь страстишку слѣдователя, полякъ готовъ въ угожденіе ей, чтобы на своемъ поставить, пожертвовать всѣмъ—лучшими лошадьми, подарками самыми драгоцѣнными, даже собственною женою, которая никому ни въ чемъ не откажетъ, лишьбы мужъ ея выигралъ дѣло. Такъ дѣйствуютъ поляки помѣщики по своимъ дѣламъ и въ судахъ. Съ другой стороны, во время означенныхъ изслѣдованій, мѣстный экономъ, созвавъ изъ села крестьянъ, строго приказываетъ имъ, чтобъ они, когда будутъ спрашиваемы слѣдователями объ уголовномъ происшествіи, показывали такъ и такъ, въ противномъ случаѣ онъ запоретъ ихъ нагайками. И бѣдные крестьяне по неволѣ становились клятвопреступниками, такъ что въ помѣстьяхъ поляковъ присяга совершенно потеряла всякое значеніе. При всемъ томъ, поляки помѣщики западныхъ областей Россіи, испытывая повсемѣстно снисходительность къ нимъ Императора Александра I, сознавали, что имъ, для своихъ видовъ, лучше всего подчиниться вполнѣ русскому скипетру и тѣснѣе сблизиться съ великою Россіею. Но, съ другой стороны, изумительно быстрыя побѣды Наполеона I надъ австрійскими войсками и вскорѣ за тѣмъ послѣдовавшій разгромъ прусскихъ армій побудили вообще поляковъ болѣе сочувствовать планамъ Наполеона, нежели Александра I, тѣмъ болѣе, что въ рядахъ Наполеоновскихъ армій былъ легіонъ поляковъ. Такъ, во время несчастной прусской кампаніи, по занятіи французами Варшавы, поляки, какъ предъ идоломъ, преклонялись предъ портретомъ Наполеона на театральныхъ транспарантахъ, необинуясь величали его въ кантатахъ божествомъ своимъ (bóstwo polaków) и вполнѣ были увѣрены, что онъ возстановитъ Польшу въ древнихъ ея предѣлахъ. Въ этой увѣренности съ полнымъ усердіемъ доставляли французскимъ арміямъ обильное продовольствіе и другія потребности, не смотря на то, что въ отзывахъ Наполеона, какъ на словахъ, такъ и въ прокламаціяхъ, которыя отъ имени его составлялъ польскій литераторъ ***Выбицкій***, не находили поляки ничего опредѣленнаго на счетъ судьбы своего отечества, а прокламаціями требовались только новыя ихъ усилія и жертвы. По заключеніи же тильзитскаго мира, Наполеонъ изъ польскихъ провинцій,

отошедшихъ къ Пруссіи и отчасти къ Австріи, образовалъ варшавское княжество (герцогство), которое соединилъ съ саксонскимъ, подъ скипетромъ саксонскаго короля, затѣмъ коронныя польскія имѣнія роздалъ французскимъ генераламъ, а въ варшавское княжество ввелъ свой кодексъ законовъ.

События показали, что образованіе варшавскаго княжества было временнымъ, военнымъ депо задуманной уже Наполеономъ войны къ потрясенію и гибели Россіи. Между тѣмъ князь Понятовскій [1]) тотчасъ принялся образовывать польскую армію. Поляки западныхъ областей Россіи рѣкою потекли въ княжество варшавское, для поступленія въ ряды польскаго войска. Порывъ ихъ одушевлялъ и распалялъ съ церковной каѳедры, бывшій въ послѣдствіи примасомъ Польскаго Царства, Янъ—Павелъ Вороничъ [2]), который въ своихъ проповѣдяхъ сравнивалъ Наполеона съ Киромъ, такъ какъ онъ, подобно Киру, освободившему изъ плѣна іудеевъ для возстановленія храма въ Іерусалимѣ, будтобы возстановляетъ Польшу, а европейскихъ государей Вороничъ называетъ царьками, которыхъ Наполеонъ низлагаетъ по своему произволу съ престоловъ и возводитъ на ихъ мѣсто, кого хочетъ. Правительство русское равнодушно смотрѣло на этотъ приливъ поляковъ изъ западныхъ русскихъ областей въ княжество варшавское. А князь Понятовскій, образовавъ польское войско, тотчасъ устремился на завоеваніе Галиціи, которая оставалась почти беззащитною; потому что главныя силы Австріи были сосредоточены и выдвинуты на западныя границы австрійской имперіи и боролись съ арміями Наполеона. Не дремали тогда и польскіе писатели. Появилось множество брошюрокъ въ разныхъ видахъ, питавшихъ мечты поляковъ о скоромъ и несомнѣнномъ возстановленіи польскаго королевства въ границахъ 1772 года. Въ числѣ такихъ сочиненій замѣчательнѣйшимъ считалось извѣстное подъ названіемъ: Uwagi nad xięstwem warszawskim (размышленіе о княжествѣ варшавскомъ).

---

[1]) Племянникъ короля Станислава-Августа.

[2]) Янъ-Павелъ Вороничъ сынъ уніатскаго священника волынской губерніи. По смерти его, въ 1842 году, возсоединенные уніаты забирали въ волынской консисторіи свидѣтельства и документы, чтобы воспользоваться его наслѣдствомъ. Онъ одинъ изъ лучшихъ проповѣдниковъ польскихъ.

Авторъ этого сочиненія увѣрялъ читателей, что, какъ временная цизальпинская республика была зародышемъ покоренія французами Венеціи и образованія италіянскаго королевства, такъ варшавское княжество есть зародышъ сарматской имперіи, которую Наполеонъ намѣренъ образовать изъ бывшаго польскаго королевства и областей Россіи, которыя имѣютъ быть отторгнутыми. Въ тоже время, для образованія польскаго юношества, изданы были безчисленныя элементарныя книги, въ которыхъ каждая страница внушала польскимъ юношамъ довѣріе къ собственнымъ силамъ и храбрости поляковъ, подтрунивала надъ трусостью и безсиліемъ русскихъ и пророчила несомнѣнный разгромъ Россіи. Такъ, Грамматика французскаго языка Ломонда, изданная въ переводѣ на польскій языкъ, вся наполнена была подобными экзальтаціями. Въ ней спряженіе, напр., глагола battre, чрезъ всѣ наклоненія и времена, проведено было съ такимъ переводомъ: «ja biję moskala, ty bijesz moskala, każdy polak bije moskala» и проч.

Насталъ вѣчнопамятный 1812 годъ. Наполеонъ, не смотря на то, что, въ противность статьямъ тильзитскаго трактата, наполнилъ отнятыя у Пруссіи крѣпости, особенно Данцигъ, многочисленными гарнизонами, совокупивъ арміи почти всѣхъ европейскихъ государствъ, въ негодованіи между прочимъ за то, что Александръ I отказался удовлетворить не одному его предложенію, подъ предлогомъ, что русское правительство слабо поддерживаетъ придуманную имъ къ ослабленію Англіи континентальную систему,—устремилъ свои арміи въ самое сердце Россіи. Въ составѣ ихъ считалась и польская армія, которая съ обычною польской шляхтѣ экзальтаціей вступила въ западныя русскія области. Князь Понятовскій даннымъ польскимъ легіонамъ приказомъ объявилъ, что они идутъ для возстановленія польскаго королевства въ древнихъ его предѣлахъ. Мелкіе помѣщики и экономы ихъ принялись выманивать подъ векселя деньги у русскихъ чиновниковъ и священниковъ въ полной увѣренности, что, съ разгромомъ Россіи, деньги останутся ихъ собственностію, вмѣстѣ съ тѣмъ усилили преслѣдованіе священниковъ, грабили ихъ скотъ, отнимали церковныя земли и проч. А богатѣйшіе владѣльцы открыто торжествовали на частныхъ, по поводу нападенія на Россію Наполеона, пирушкахъ, провозглашая тосты: periit Moscovia, и доставляли французскимъ

арміямъ удовольствіе, хотя въ требованіи необходимаго французы отнюдь не церемонились. Но Наполеонъ, который по своему произволу помыкалъ польскимъ легіономъ,—наприм., посылалъ его для усмиренія бунта въ Сандоминго, былъ обязанъ ему признательностію за покореніе въ Испаніи Саррагосы,—ничего опредѣленнаго не сказалъ на счетъ возстановленія Польскаго Королевства, а только дурилъ поляковъ лаконическими загадочными изреченіями, которыя они, будто изреченія, какого нибудь оракула, толковали, какъ хотѣли, и, разумѣется, въ свою пользу.

По овладѣніи Наполеономъ безлюдною, опустѣвшею Москвою, поляки вполнѣ были увѣрены, что кампанія его кончилась, и что вслѣдъ за тѣмъ будетъ возстановлена Польша въ самыхъ мечтательныхъ размѣрахъ. Въ такомъ духѣ стали сочинять оды, пѣсни и другія стихотворенія. Извѣстный, напр., польскій литераторъ Сташицъ сочинилъ въ такомъ же родѣ стихотвореніе, которое начиналось словами: «И такъ палъ этотъ грозный, сѣверный исполинъ.» Это стихотвореніе Сташицъ далъ прочитать своему пріятелю, требуя объ немъ его мнѣнія. Пріятель, прочитавъ и похваливъ стихотвореніе, присовокупилъ: «не печатайте еще, пане, этой оды; потому что исполинъ стоитъ еще на ногахъ и борется!» Вскорѣ оправдалось это замѣчаніе и соображенія другихъ благоразумныхъ поляковъ. Арміи, устремленныя Наполеономъ на Россію, погибли. Наполеонъ бѣжалъ въ Парижъ, чтобы составить и образовать новыя арміи. Русскія войска, преслѣдуя остатки старой Наполеоновской арміи, вступили въ Пруссію, которая, одушевившись совершившимися событіями, первая рѣшилась свергнуть съ себя иго французскаго порабощенія и указала собою примѣръ національной свободы цѣлой Германіи. Послѣ гигантской лейпцигской битвы, и цѣлая Германія, при содѣйствіи русскихъ армій, освободилась отъ французскаго преобладанія. А какъ французскія войска погостили въ Москвѣ, то и русскія отплатили имъ визитъ въ Парижѣ. Такъ кончились ополченія цѣлой Европы противу Наполеона. Лудовикъ XVIII, взошедши на французскій престолъ, даровалъ Франціи конституціонную хартію, а государи цѣлой Европы, одни лично, другіе въ лицѣ своихъ представителей, собрались въ Вѣнѣ, чтобы учредить въ Европѣ

порядокъ, нарушенный французскою революціею и завоеваніями Наполеона.

Между тѣмъ, какъ совершались упомянутыя происшествія, науки, преподававшіяся въ виленскомъ университетѣ и въ кременецкомъ лицеѣ, достигли, повидимому, цвѣтущаго состоянія, но принесли плодъ содомскій. Преподаваніе въ нихъ польской исторіи и словесности явно было направлено къ возбужденію въ юношахъ злостной ненависти къ Россіи. Извѣстный Лелевель сталъ утверждать, будто западныя русскія области, населенныя русскимъ народомъ, искони входили въ составъ Польши, усиливался доказывать, будто кіевская и подольская области населены были встарь поляками, что лѣтописецъ преподобный Несторъ называетъ жителей тѣхъ областей *полянами*. Этотъ аргументъ Лелевеля похожъ на то, какъ если бы кто вздумалъ доказывать, что и всѣ дикіе звѣри составляли достояніе Польши, потому что о подчиненіи человѣку звѣрей, въ славянскомъ переводѣ псалма 8, восьмой стихъ выраженъ такъ: *покорилъ еси ему* (человѣку) *скоты польскія*. Всякому извѣстно, что Несторъ тѣмъ славянамъ, которые не имѣли особеннаго прозванія, давалъ свои; такъ, нѣкоторыхъ славянъ называлъ полянами, потому что они, занимаясь хлѣбопашествомъ, обладали обширными хлѣбородными полями, какъ другихъ славянъ называлъ древлянами, потому что они обитали въ лѣсахъ, между деревьями. Но подобными парадоксами Лелевеля восхищались студенты виленскаго университета, отуманенные мятежными утопіями, волновавшими тогда Европу, и образовали изъ себя политическіе кружки, въ которыхъ взаимно электризовались для осуществленія своихъ мечтаній. Вообще виленскій университетъ и кременецкій лицей были какъ бы очагами, на которыхъ постоянно горѣлъ огонь, распалявшій воображеніе юношей мятежными затѣями. Искры этого огня заронены были въ гимназіи и училища базиліанскихъ, доминиканскихъ и уніатскихъ монаховъ и тлѣли въ нихъ тѣмъ безпрепятственнѣе, что въ нихъ всѣ учебные предметы преподавались на польскомъ языкѣ, безъ всякаго почти контроля со стороны русскаго правительства.

На вѣнскомъ конгрессѣ Императоръ Александръ I между прочимъ объявилъ, что онъ намѣренъ возвратить полякамъ, подъ скипетромъ русскихъ государей, національныя учрежденія

въ варшавскомъ княжествѣ, завоеванномъ русскимъ оружіемъ. Если бы, вмѣсто этого, Александръ I предложилъ на семъ конгресѣ, чтобы, за огромныя жертвы, принесенныя имъ въ борбѣ за всеобщую независимость Европы, присоединена была къ Россіи восточная половина Галиціи со Львовомъ, населенная русскимъ народомъ; то европейскіе государи, согласившіеся на разширеніе Австріи присоединеніемъ къ ней Венеціи съ Ломбардіей и допущеніе преобладавшаго вліянія Австріи на цѣлую Италію, едвали бы воспротивились такому требованію Александра I. Если бы за тѣмъ, какъ въ западныхъ областяхъ Россіи, такъ и въ присоединенной половинѣ восточной Галиціи, тогдаже были введены русскіе законы, облегчена была участь крестьянъ освобожденіемъ ихъ отъ барщины, надѣлены были имъ въ собственность участки пахатной земли, оживотворенъ былъ духъ крестьянъ отеческимъ покровительствомъ; если бы вмѣстѣ съ тѣмъ православные храмы приведены были въ должное благолѣпіе, а православное духовенство освобождено было отъ преслѣдованія поляками-помѣщиками и допущено было къ участію въ земскихъ совѣщаніяхъ, городскихъ общинъ и сельскихъ управъ; если бы за тѣмъ повсемѣстно въ тѣхъ областяхъ и въ Галиціи были поставляемы русскіе, безкорыстные административные чиновники; если бы поставлено было правиломъ, чтобы имѣнія, продаваемыя почему либо помѣщиками поляками, покупаемы были только русскими, а мысль Екатерины II, чтобы крестьянами православнаго вѣроисповѣданія не владѣли помѣщики другаго исповѣданія, исподоволь была осуществляема благоразумными мѣрами,—то русское правительство не было бы вынуждено усмирять безпрестанные польскіе мятежи и бунты; Россія наслаждалась бы мирнымъ спокойствіемъ, а европейскіе государи не имѣли бы ни какого повода и не вздумали бы, какъ теперь, вмѣшиваться въ распоряженія русскаго правительства, предпринимаемыя къ прекращенію бунта въ Царствѣ Польскомъ, и принимать на себя адвокатство за Польшу по мыслямъ мятежныхъ поляковъ.

Какая же участь постигла бы за тѣмъ бывшее княжество варшавское? Естественно, что оно снова было бы раздѣлено между Австріею и Пруссіею, и заселенное нѣмецкими колоніями, до сихъ поръ онѣмечилось бы до того, что поляки вовсе перестали бы мечтать о Польшѣ. Но Александръ I судилъ о

нихъ по своему любвеобильному сердцу. По свидѣтельству польскаго писателя Козьмяна, Александръ, въ бытность свою въ Парижѣ, узнавъ, что нѣкто Александръ Батовскій, бывшій коммиссаромъ Наполеона въ княжествѣ варшавскомъ, и въ близкомъ знакомствѣ съ Талейраномъ, задумалъ, по своимъ обстоятельствамъ, навсегда остаться во Франціи, призвавъ Батовскаго къ себѣ, сказалъ ему: «Г. Батовскій, я васъ приглашаю «возвратиться въ Польшу. Вы будете имѣть тамъ мѣсто, со«отвѣтственное вашимъ лѣтамъ и заслугамъ. Повѣрьте мнѣ, «что надобно навсегда забыть старые предразсудки, жалобы и «ненависть. Вы будете имѣть либеральную конституцію и на«ціональныя учрежденія. . . . .

« . . . .

«Противу васъ судьба изрекла приговоръ. Польша независимая, «въ настоящемъ состояніи Европы, была бы большою несоо«бразностію въ политикѣ. Но Польша, опираясь на мою им«перію, будетъ сильною, непреоборимою, счастливою.» [1]).

Такъ думалъ Александръ I, но ни изъ чего не видно, чтобы онъ помышлялъ о возстановленіи Польши въ предѣлахъ 1772 года. Напротивъ, изъ того, что онъ въ скорости, по обнародованіи въ Варшавѣ своей конституціонной хартіи, образовалъ отдѣльный литовскій корпусъ въ западныхъ областяхъ Россіи, раздавалъ имѣнія, именуемыя староствами, однимъ русскимъ генераламъ и заслуженнымъ сановникамъ, а ни одного изъ тѣхъ староствъ не пожаловалъ какому либо поляку,—слѣдуетъ заключать, что Александръ I вовсе не имѣлъ намѣренія

---

[1]) Monsieur Batowski, je vous invite de revenir en Pologne; vous y trouverez une place convenable à votre age et a votre merite. Croyez moi, il faut oublier pour toujours toutes les anciens préjuges, toutes les griefs, toutes les haines. Vous aurez la Pologne entière avec votre nationalité telle, qu'elle a été anciennement. Vouz aurez une constitution nationale . . . .

. . . .

Mais la destinée s'est prononcé contre vous. La Pologne independante dans l'état actuel de l'Europe serait un grand inconvenient en politique, mais la Pologne, appuyée sur mon empir, sera forte, inattacable et heureuse. Pamiętniki K. Koźmjana. Oddz. II, str. 430.

возстановлять Польшу въ древнихъ ея предѣлахъ. Впрочемъ, можетъ быть, иногда и такія мысли возникали въ сердцѣ его, даже, можетъ быть, Александръ предъ кѣмъ либо, напр., предъ исторiографомъ Карамзинымъ, выразилъ частно, конфиденціально, хотя отнюдъ не оффиціанально, подобныя мысли. Но могутъ ли имѣть всякаго рода мысли государей оффиціанальное, обязательное предъ кѣмъ либо значеніе, особенно если опыты убѣждаютъ, что осуществленіе ихъ во многихъ отношеніяхъ будетъ пагубно. Вѣдь Наполеонъ III, принимая званіе французскаго императора, торжественно объявилъ, что «имперія есть миръ» и почти въ слѣдъ за тѣмъ открылъ крымскую кампанію, потомъ отправилъ корпусъ войскъ въ анамскую имперію, другой послалъ въ Китай, принялъ дѣятельное участіе въ войнѣ италіянцевъ съ Австріею и послалъ корпусъ войскъ въ Мексику, для преобразованія ея по своимъ видамъ.

На вѣнскомъ конгрессѣ, когда Александръ I объявилъ, что онъ хочетъ даровать полякамъ національныя учрежденія,— опытные европейскіе дипломаты пророчески предсказали, что такая мѣра будетъ зародышемъ вѣчныхъ, народныхъ смятеній. Лордъ Кастельри сказалъ, что единственное средство къ предупрежденію новыхъ смутъ есть продолженіе системы раздѣла Польши. Пруссія и Австрія воспротивлялись даже возстановленію имени ея, а австрійскій министръ Меттернихъ выразилъ, что предположеніе Александра заключаетъ въ себѣ сѣмена раздора и совершенно противорѣчитъ существующимъ трактатамъ. Убѣжденные въ этой истинѣ, европейскіе дипломаты всемѣрно старались отклонить Александра отъ осуществленія задуманнаго имъ намѣренія, составлены были съ этою цѣлію искусныя политическія сѣти, даже употреблены были женскія интриги и лести, развлекали Александра постоянными забавами. Но онъ сильно возсталъ противъ предположенія относительно новаго раздѣленія Польши между Австріею и Пруссіею, положивъ въ сердцѣ своемъ на столько облагодѣтельствовать Польшу, на сколько это, какъ выражается польскій писатель Козмянъ, не было бы противно интересамъ и безопасности его государства. А какъ умиротворитель Европы не могъ ослабить себя отреченіемъ отъ областей, покоренныхъ или возвращенныхъ Россіи, то предположилъ возстановить имя и народность Польши

дарованіемъ полякамъ либеральныхъ учрежденій [1]); и потому Александръ объявилъ, что онъ не отступитъ отъ своей рѣшимости даже предъ войною. Вдругъ, во время состязанія его съ дипломатами, Наполеонъ I, какъ замѣчаетъ тотъ же писатель, [2]) сверхъ всякаго чаянія, бѣжавъ съ острова Эльбы, прибылъ во Францію, которой войска тотчасъ окружили его. Въ слѣдствіе сего европейскіе государи уступили наконецъ настойчивому желанію Александра и согласились допустить образованіе польскаго царства, сообразно видамъ его воскресителя.

При всемъ томъ, умудренные опытами сами поляки, какъ напр., нареченный статсъ-сескретаремъ польскаго царства Соболевскій, полагали, что обнародованныя вдругъ либеральныя учрежденія не поведутъ поляковъ къ добру; а, въ случаѣ бунта, болѣе надлежало ожидать опасности для Польши, нежели для Россіи. Почему Соболевскій предлагалъ отсрочить на время приведеніе въ исполненіе дарованной Александромъ I Польшѣ конституціонной хартіи [3]).

Но послѣ ватерлооскаго пораженія французской арміи и по удаленіи Наполеона на островъ св. Елены, когда наконецъ Европа отдохнула отъ напряженія, народы осѣнилъ миръ, конституціонная хартія Александра I была провозглашена въ Польшѣ. Великій князь Константинъ Павловичъ тотчасъ принялся за образованіе польскаго войска. Оно содержалось на счетъ русскаго государственнаго казначейства; а семь милліоновъ флориновъ, которые получалъ саксонскій король, въ качествѣ герцога варшавскаго княжества, Императоръ Александръ I предоставилъ на извлеченіе польскаго края изъ нищеты и приведеніе въ цвѣтущее состояніе. Въ слѣдствіе сего, повсемѣстно въ Польшѣ было устроено шоссе, возникли въ Варшавѣ великолѣпныя зданія, введено благоустройство во всѣхъ административныхъ подраздѣленіяхъ, и польскій край достигъ до такого цвѣтущаго состоянія, какимъ никогда не пользовался во время самостоятельности польскаго королевства.

Не смотря на то, подкупленные журналисты западныхъ государствъ, особенно французскіе, въ угодность польскимъ выходцамъ, утверждаютъ, будто бунты поляковъ 1830 г. и

---

[1]), [2]). Pamiętniki K. Koźmjana. Oddz. II, str. 434, 437.

[3]) Pamiętniki K. Koźmiana. Oddział I, str. 177.

настоящій проистекають изъ того, что дарованная Польшѣ Александромъ I конституціонная хартія не была вполнѣ приведена въ исполненіе, и какъ бы спрашиваютъ: почему эта хартія не получила развитія во всѣхъ отношеніяхъ? Потому что сами поляки съ самаго начала не допускали до этого русское правительство, и потомъ постоянно противились этой мѣрѣ, не желая законнаго, хотя бы конституціоннаго, устройства и порядка. Такъ, едва Императоръ Александръ I воскресилъ имя Польши и провозгласилъ дарованную ей конституцію, въ тоже время составился противъ Россіи, заговоръ извѣстный подъ названіемъ своего зачинщика Лукасинскаго, въ которомъ заговорѣ участвовали многіе офицеры польскаго войска и коему сочувствовали многіе польскіе аристократы и граждане Варшавы. А какъ означенная конституція допускала, между прочимъ, свободу печати или прессы, предоставивъ сейму обмыслить средства къ ограниченію ея своеволія, то юноши, едва окончившіе тогда въ училищахъ свое образованіе, не размышляя о томъ, что положеніе Польши было отлично отъ положенія самостоятельныхъ государствъ, только сгаряя неутомимою жаждою сдѣлаться извѣстными, особенно подражая современнымъ французскимъ панфлетистамъ, съ обычнымъ обезьянничествомъ стали заправлять польскою журналистикою. Первый молодой писатель, сдѣлавшійся извѣстнымъ по переводамъ кое какихъ латинскихъ классиковъ и по нѣкоторымъ мелкимъ литературнымъ произведеніямъ, Брунонъ Кицинскій, принявъ въ сотрудники себѣ нѣкоего Скоморовскаго, воспитанника кременецкой гимназіи, бывшаго уже по своимъ выходкамъ и язвительнымъ остротамъ на замѣчаніи Константина Павловича и полиціи, стали издавать журналъ, подъ названіемъ: Orżeł biały. Въ этомъ журналѣ начали появляться статьи враждебныя правительству, порицаніе его распоряженій и осмѣиваніе лицъ, состоявшихъ во главѣ польской администраціи, не потому, чтобы тѣ лица заслуживали порицаніе по своимъ дѣйствіямъ, а единственно изъ подражанія французской журналистикѣ, которая нападала на тогдашнихъ французскихъ министровъ, особенно потому что Лудовикъ XVIII былъ окруженъ іезуитами и эмигрантами, которые, не имѣя понятія о новомъ положеніи Франціи, дѣйствовали вопреки желаніямъ французовъ. Но политическія статьи, печатаемыя въ журналѣ *Бѣлый орелъ*, тѣмъ оскорбительнѣе были для поль-

скихъ министровъ и вообще для лицъ, состоявшихъ во главѣ польской администраціи, что открыто были разглашаемы совѣщанія государственнаго ихъ совѣта, которыя молодые товарищи докладчиковъ, присутствовавшіе на засѣданіяхъ того совѣта, не умѣя хранить государственной тайны, разглашали ихъ въ разныхъ домахъ, чтобы выставить важность своей личности. Такими сплетнями объ администраціи, преимущественно между женщинами, особенно отличался сынъ князя воеводы Антоній Яблоновскій, которому недоставало только остроумія (dowcipu), но который имѣлъ нѣкоторое значеніе въ салонахъ аристократическихъ. Этотъ Яблоновскій въ послѣдствіи участвовалъ въ заговорѣ Рылѣева, Бестужева и Пестеля противъ Императора Александра I [1]). Для раскрытія того заговора учреждена была слѣдственная коммиссія; но постановленіемъ по слѣдствію той коммиссіи, польскаго сейма Императоръ Николай I былъ недоволенъ, а поляки съ своей стороны пуще озлобились противу русскихъ, причиняя имъ оскорбленія и придираясь къ нимъ, чтобы вызывать ихъ на дуэль, пока не возникла наконецъ польская революція. Между тѣмъ редакторы журнала Бѣлый Орелъ, пользуясь довѣрчивою откровенностію Яблоновскаго, узнавали отъ него тайны польской администраціи, и составляли противъ нея свои оппозиціонныя статьи. Вообще же духъ мятежа въ польскомъ царствѣ со дня на день тѣмъ болѣе усиливался, что в. князь Константинъ Павловичъ, принявшись образовывать польское войско, въ основу коего собралъ остатки польскихъ войскъ, искрестившихъ съ арміями Наполеона цѣлую Европу, бывшихъ большею частію членами различныхъ тайныхъ обществъ, надменныхъ своимъ участіемъ въ битвахъ Наполеона; поэтому солдаты, особенно офицеры такого войска, очень неохотно подчинялись военной дисциплинѣ, требуемой Константиномъ Павловичемъ, даже какъ нарочно дѣйствовали вопреки такому требованію. Такой духъ польскаго войска приводилъ въ раздраженіе пылкій характеръ Константина Павловича, побуждалъ его дѣлать строгія замѣчанія и выговоры польскимъ офицерамъ, которые въ свою очередь питали противъ него злостную ненависть, считая выговоры князя оскорбленіемъ польскаго ихъ гонора.

---

[1]) Pamiętniki K. Koźmjana. Oddział II, str. 24—241.

Но когда наконецъ въ журналѣ *Бѣлый Орелъ* стали во множествѣ появляться нестерпимо обидныя для правительства статьи, тогда министръ внутреннихъ дѣлъ, замѣтивъ по этому поводу неудовольствіе великаго князя и намѣстника царства польскаго Заіончка, для предупрежденія дурныхъ послѣдствій, предложилъ основать при своемъ министерствѣ въ конституціонной формѣ журналъ, противуположный духу журнала *Бѣлый Орелъ*, и для этой цѣли пригласить къ содѣйствію и сотрудничеству въ такомъ журналѣ извѣстнѣйшихъ польскихъ писателей. Главную редакцію того журнала онъ намѣренъ былъ поручить главному директору коммиссіи внутреннихъ дѣлъ. Сочувствуя такому предположенію, министръ просвѣщенія Станиславъ Потоцкій, Сташицъ, Плятеръ, Липинскій, даже Нѣмцевичъ обѣщали доставлять въ предполагаемый журналъ статьи своего сочиненія для опроверженія лживыхъ и превратныхъ политическихъ мнѣній и убѣжденія въ необходимости умѣренно пользоваться конституціонною свободою, и для внушенія, что, въ положеніи Польши, одаренной толикими благодѣяніями Александра I, истинная любовь къ отечеству состоитъ въ уваженіи и умѣніи цѣнить настоящее благо, имѣя особенно въ виду обѣщанія Императора Александра I. Но Константинъ Павловичъ отвергъ этотъ проэктъ министровъ, объявивъ, что не хочетъ литературной полемики съ юношами: потому что такая мѣра пуще раздувала бы зло, которое лучше всего прекратить ограниченіемъ журнальной свободы и запрещеніемъ вредныхъ сочиненій [1]).

Но такихъ сочиненій явилось уже множество, съ нескрываемымъ намѣреніемъ произвесть революцію не только въ Польшѣ, но даже въ цѣлой Европѣ, особенно во Франціи: такъ какъ на революціи въ этомъ государствѣ поляки всегда основывали свою надежду къ осуществленію мятежныхъ своихъ мечтаній. По этому побужденію, въ сатирическихъ польскихъ журналахъ помѣщались намеки, что полезно было бы уничтожить династію Бурбоновъ, и снова возвесть на престолъ Наполеона. Такого духа каламбурами отличался особенно журналъ Момусъ, коего каламбуры обращались въ пословицы; каковъ напр. слѣдующій: Bór Bony wyciąć—napole ón lepszy; въ этомъ

---

[1]) **Pamiętniki K. Koźmiana. Oddz. II, stron.**

смыслѣ каламбуръ по видимому означалъ, что лучше вырубить лѣсъ королевы Боны, и обратить его въ пахатное поле. Но написавъ: Bórbony wyciąć, Napoleon lepszy, каламбуръ внушалъ: истребить династію Бурбоновъ, такъ какъ Наполеонъ лучше. Тогда же славился сатирическій журналъ, издававшійся въ Вильнѣ подъ названіемъ: Brukowe Wiadomości (Уличныя извѣстія); этотъ журналъ нападалъ на религію, особенно осмѣивалъ латинское духовенство, тиранію пановъ надъ хлопами, взяточничество чиновниковъ, расточительность и спѣсь тогдашнихъ магнатовъ, но когда сталъ посмѣиваться и подтрунивать надъ дѣйствіями русскаго правительства и министровъ, то подвергся запрещенію въ 1822 году. Вообще же не появлялось тогда ни одного на польскомъ языкѣ сочиненія, которое не заявило бы въ какомъ либо отношеніи злостной ненависти противу Россіи или ея правительства; такими мыслями и чувствами пропитаны были даже солидныя произведенія поляковъ. Такъ напр. въ трагедіи: Barbara Radziwiłówna вложенъ былъ сильный монологъ Глинскаго, коего поляки считали своимъ измѣнникомъ, а великій князь московскій Василій (?) ввергъ его въ темницу по одному подозрѣнію въ измѣнѣ. Этому Глинскому авторъ трагедіи вложилъ самыя рѣзкія выраженія противъ деспотизма и тираніи московскаго князя. Въ поэмѣ, названной: Ziemiaństwo (крестьянство), авторъ самыми черными красками изобразилъ русскихъ, осаждавшихъ Данцигъ, въ коемъ скрывался король Станиславъ Лещинскій и проч.

Въ это же почти время начали появляться сочиненія стараго Нѣмцевича, подъ названіемъ: Dzieie panowania Zygmunda III (событія царствованія Сигизмунда III). Это были большею частію записки или дневники польскихъ авантуристовъ, которые подъ знаменемъ имени или, лучше сказать, призрака Димитрія сына Іоанна Грознаго, безъ всякаго почти препятствія вторглись въ Россію, затѣмъ, по умерщвленіи самозванца, подставили новаго, потомъ предложили Россіи въ цари Владислава сына Сигизмунда, а когда наконецъ самъ Сигизмундъ сталъ домагаться короны Мономаховой, такъ какъ польскіе наѣздники куда въ Россіи ни проникали, производили хищенія, грабежи, насилія, кровопролитіе и убійства: то Русь, хотя не имѣла ни правительства, ни войска, изгнала ихъ и смела съ лица своей земли. Въ отмщеніе за это польскіе наѣздники вздумали утѣшиться

сочиненіемъ мнимыхъ дневниковъ, въ которыхъ, называя русскихъ москалями [1]), изображали какъ ихъ, такъ и нравы и обычаи ихъ, самыми черными красками. Очевидно, что такія сочиненія похожи на изреченіе въ басни Крылова лисицы на счетъ винограда, котораго она, не могши достать, сказала:

Ну чтожъ?
На взглядъ–то онъ хорошъ;
Да зеленъ,—ягодки нѣтъ зрѣлой;
Тотчасъ оскомину набьешь.

Но не смотря на то, что русскіе XIX вѣка не тѣ и не такіе, какими были въ началѣ XVI вѣка, что русскихъ всѣ цивилизованные европейскіе народы называютъ россіянами, или русскими, а не москалями, а россійское государство Россіею, а не Москвою,—записки означенныхъ польскихъ авантуристовъ были читаемы поляками съ увлеченіемъ и питали въ польской молодежи презрѣніе къ русскимъ. Но Нѣмцевичъ дышалъ такою ненавистью ко всему русскому, что и собственными сочиненіями, каковы наприм. Ekloga Kiriłły, Listy Litewskie, вко-

[1]) Нѣтъ сомнѣнія, что слова: москаль и схизматикъ привили полякамъ іезуиты, въ ярости за то, что, при всѣхъ пронырствахъ и козняхъ своихъ, не успѣли они совратить русскихъ въ латинство, заставить ихъ признать главою церкви папу, и подчинить русскую церковь полному своему вліянію и господству: потому что эта церковь, сохраняя символы вѣры и благочиніе, утвержденные вселенскими соборами, самымъ существованіемъ своимъ обличала латинскую церковь въ уклоненіи отъ первобытной вѣры и благочинія вселенской церкви. А что іезуиты насадили въ сердцахъ поляковъ адскую ненависть противъ русскихъ и православной церкви, въ этой истинѣ сознаются сами добросовѣстные польскіе писатели, напр., Каетанъ Козьмянъ утверждаетъ: „Zakon iezuitski wprowadził nas (поляковъ) w wojnę z Rossią za samozwańców. On przez swoie narzędzia, przesladuiąc i nawracaiąc Ruś, sciągnoł bunt kozacki, i następnie na Ukrainie rźezie; On przez nietolerancią pozbawił nasze mjasta fabrikantów, on się przyłożył do okrutnego wyroku za Awgusta III przeciw magistratowi Toruńskiemu.“ Pamiętniki Kajetana Koźmiana. Oddział I, stron. 254.

ренялъ въ польской молодежи злобу и отвращеніе отъ русскихъ. А какъ Нѣмцевичъ исправлялъ въ Царствѣ Польскомъ должность государственнаго секретаря (sekretarza stanu), былъ уважаемъ польскою публикою по его просвѣщенію и дружбѣ съ Чарторижскимъ, то и его пасквильныя противъ русскихъ сочиненія имѣли авторитетный вѣсъ въ публикѣ.

Вообще Нѣмцевичъ въ бесѣдахъ и сочиненіяхъ своихъ неназывалъ жителей Россіи россіянами или русскими, но употреблялъ о нихъ бранное у поляковъ прозваніе москалей. Не утаилось это отъ зоркой наблюдательности Новосильцова. Оскорбленный такимъ умышленнымъ, невѣжливымъ униженіемъ русскихъ, онъ жаловался намѣстнику Царства Польскаго Заіончку, прося его прекратить все это своимъ вліяніемъ на Нѣмцевича. «Зачѣмъ, говорилъ Новосильцовъ, въ настоящемъ положеніи двухъ народовъ, возбуждать между ними раздраженіе. Оно тѣмъ болѣе вредно, что проистекаетъ отъ лица, пріобрѣвшаго особенное уваженіе и вліяніе на мнѣніе публики. Вѣдь русскіе подавили въ себѣ ненависть къ полякамъ, и хотя сдѣлались ихъ побѣдителями, однако ничѣмъ не оскорбляютъ народнаго самолюбія поляковъ, не называютъ ихъ ляхами, какъ въ старину называли ихъ въ Россіи; даже отдаютъ предпочтеніе ихъ цивилизаціи, которой и Карамзизъ не отрицаетъ въ своей исторіи. Русскіе усвоили себѣ виды (weszli w widoki) своего Императора относительно примиренія и соединенія двухъ народовъ подъ однимъ скипетромъ. Просвѣщеннѣйшая сторона русскаго народа сочувствуетъ Государю въ этомъ дѣлѣ: только есть еще немалое число людей въ войскѣ и между русскими аристократами, которыхъ остается склонить къ осуществованію видовъ Императора; такъ какъ они съ завистію смотрятъ на благодѣянія, изліянныя имъ на Польшу, завоеванную кровію русскихъ. Но неуваженіе и оскорбленіе русскихъ поляками, затрудняя политическое и внутреннее положеніе Государя Императора, можетъ удержать или отмѣнить его виды относительно Польши. Тогда сами поляки будутъ виноваты, если лишатся политическаго своего бытія и тѣхъ вольностей, коими одарило ихъ великодушіе Государя Императора». Дѣйствительно весьма удобно было тогда вовсе уничтожить, такъ называемое, Польское Царство и вновь изгладить имя Польши съ географической карты Европы, тѣмъ болѣе, что русская армія еще сіяла

блистательнымъ ореоломъ побѣдъ, одержанныхъ надъ арміями Наполеона на цѣломъ протяженіи отъ Москвы до Парижа.

Замѣчанія Новосильцова вполнѣ убѣдили намѣстника Заіончка въ ихъ справедливости. Въ слѣдствіе сего Заіончекъ пригласилъ къ себѣ для вразумленія Нѣмцевича, съ которымъ до этой поры былъ въ тѣсной дружбѣ, какъ во время конституціоннаго до раздѣла Польши сейма, такъ и во время революціи Костюшки и по освобожденіи Заіончка изъ смолуцкой крѣпости, также въ продолженіи французской революціи и по возвращеніи Нѣмцевича изъ Америки, почему они могли говорить съ собою откровенно, со всею фамиліарностью. Но, будучи оба живаго характера и упорны въ своемъ мнѣніи, обманулись другъ въ другѣ. Намѣстникъ, расказавъ Нѣмцевичу жалобы Новосильцова, признавалъ ихъ основательными: такъ какъ глубоко былъ убѣжденъ, что полякамъ нѣчего ожидать болѣе, какъ только искренно и откровенно придерживаться Россіи и старался въ этомъ убѣдить Нѣмцевича и склонить его къ умѣренности. Но Нѣмцевичъ, всегда мечтавшій о другой будущности Польши, остался при своемъ мнѣніи. Такимъ образомъ рушилась дружба Заіончка съ Нѣмцевичемъ, которому первый запретилъ даже бывать у себя [1]).

Авдій Востоковъ.

(Окончаніе впредь).

---

[1]) Pamiętniki K. Koźmiana Oddz. II, str. 242.

ИСТОРИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ О ПОЛОТСКОМЪ СОФІЙСКОМЪ СОБОРѢ.

Полотскій Софійскій соборъ, на Верхнемъ Замкѣ, въ настоящемъ видѣ построенъ иждивеніемъ б. уніатскаго полотскаго архіепископа Флоріана Гребницкаго и имъ же освященъ въ 1750 г., въ праздникъ Сошествія Св. Духа. Архитектура храма величественна, въ легкомъ готическомъ стилѣ; каменный иконостасъ украшенъ каменною колоннадою смѣшаннаго коринѳскаго ордена. Всѣ внутреннія и внѣшнія части этаго храма, отъ самыхъ колоссальныхъ размѣровъ до малѣйшихъ лѣпныхъ украшеній, гармонируютъ съ цѣлымъ удивительнымъ образомъ; такъ что все носитъ печать геніальнаго художника, котораго имя, къ сожалѣнію, неизвѣстно. Соборъ этотъ, каменный, имѣетъ въ длину 22, а въ ширину 14 саженей. Снаружи, фронтономъ обращенъ на югъ, къ рѣкѣ Двинѣ, отъ которой находится въ близкомъ разстояніи. Фронтонъ этотъ, помѣщенный между двумя стрѣльчатыми, прозрачными, въ готическомъ вкусѣ, башнями, легкостію своею и изяществомъ лѣпныхъ украшеній производитъ въ зрителѣ весьма пріятное впечатлѣніе. Въ башняхъ сихъ помѣщены колокола.

Вопреки обычаю восточной церкви, храмъ этотъ олтаремъ обращенъ на сѣверъ, потому что построенъ уніатскимъ епископомъ для унитовъ, уже въ то время, когда, вопреки первоначальному акту уніи и даже папскимъ булламъ, обряды и обычаи восточной церкви стали они замѣнять латинскими. Онъ построенъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ искони была каменная, каѳедральная церковь, которой восточная часть стѣны вошла даже

въ составъ настоящей, что весьма легко можно замѣтить по древнимъ кирпичамъ.

Существованіе въ Полотскѣ церкви на Верхнемъ Замкѣ, безъ сомнѣнія, современно введенію здѣсь христіанства, которое, должно думать, введено въ этомъ городѣ во время распространенія онаго Владиміромъ св. по всѣмъ *градамъ* россійскимъ [1]), а Полотскъ принадлежалъ къ числу *градовъ* первой степени и данъ былъ въ удѣлъ старшему сыну Владиміра (рожденному отъ Рогнѣды, княжны полотской) Изяславу, извѣстному въ лѣтописяхъ, по своему усердію къ созданію и украшенію храмовъ Божіихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что такой ревнитель по вѣрѣ, въ стольномъ градѣ удѣльнаго и могущественнаго своего княжества, по примѣру Кіева и Новгорода, разрушалъ языческія капища и низвергалъ олтари Перуна, на мѣсто коихъ строилъ церкви Божіи,—конечно, первый храмъ въ Полотскѣ во имя истиннаго Бога создалъ на самомъ видномъ въ городѣ мѣстѣ—Верхнемъ Замкѣ, гдѣ, какъ гласитъ преданіе, находился и княжескій теремъ, а въ послѣдствіи дворецъ православныхъ архіереевъ. Неизвѣстно впрочемъ, какъ именовалась первая церковь въ Полотскѣ и была ли каменная или деревянная. Наименованіе же Софійской получила она въ послѣдствіи, и не ранѣе временъ Ярослава I; ибо извѣстно, что симъ княземъ въ первый разъ, съ именемъ Софіи—Премудрости Божіей, построенъ былъ въ Кіевѣ величественный храмъ, по примѣру константинопольскаго; а въ подражаніе уже Кіеву, стали строить съ симъ именемъ храмы и въ другихъ россійскихъ городахъ, какъ напр. въ Новгородѣ и проч. Такимъ образомъ, нѣтъ сомнѣнія, что созданіе христіанскаго храма въ Полотскѣ, должно отнести ко временамъ княженія въ Полотскѣ Изяслава Владиміровича (около 1000 г.); но построеніе собственно во имя св. Софіи не раньше временъ Ярослава I, и, по всей вѣроятности, не позже учрежденія епископской каѳедры въ семъ городѣ; ибо въ самыхъ древнѣйшихъ историческихъ памятникахъ полотская Софійская церковь всегда называлась каѳедральнымъ соборомъ.

---

[1]) Похвальное слово митроп. Илларіона Владиміру св., напечат. въ Прибавленіи къ переводамъ св. отцевъ, изд. при Моск. Д. Академіи за 1841 г. кн. 2.

О началѣ учрежденія епископіи въ Полотскѣ, мы не имѣемъ никакихъ достовѣрныхъ историческихъ указаній; однакожъ сомнѣваться нельзя, что задолго до 1105 года, когда въ лѣтописяхъ въ первый разъ упоминается полотскій епископъ *Мина*, были уже въ Полотскѣ епископы; ибо невѣроятно, чтобы полотское княженіе, болѣе другихъ независимое отъ Кіева и управляемое сильными, удѣльными князьями, старшими изъ рода св. Владиміра, дотолѣ не имѣло своего епископа, когда во многихъ главныхъ городахъ меньшихъ удѣльныхъ княжествъ, въ то время были уже епископскія каѳедры. Татищевъ кіевскаго митрополита Никифора, родомъ грека, считаетъ произведеннымъ въ этотъ санъ изъ полотскихъ епископовъ, въ 1097 г., на мѣсто Ефрема. Несѣцкій говоритъ, что каѳедра полотскихъ епископовъ, съ церковью и дѣвичьимъ монастыремъ, на Верхнемъ Замкѣ, основаны около 1000 года [1]). Это подтверждаетъ и Стебельскій, прибавляя, что каѳедра полотскихъ епископовъ и церковь на Верхнемъ Замкѣ, основаны или св. Владиміромъ или его сыномъ Изяславомъ [2]).

Мѣстомъ жительства полотскихъ епископовъ былъ Верхній Замокъ, и Софійская церковь, со времени учрежденія епископской каѳедры въ Полотскѣ, постоянно была каѳедральнымъ соборомъ. Преподобная Евфросинія, княжна полотская, правнука Владиміра св., изъ опасенія, чтобы родители ея не попрепятствовали ей исполнить обѣтъ дѣвства, по словамъ сочинителя жизнеописанія ея, ушла изъ родительскаго, княжескаго терема и, подъ покровительствомъ епископа Иліи, долгое время скрывалась въ келіи, устроенной при Софійскомъ соборѣ, называемой *Голубецъ*, гдѣ, пребывая въ постѣ, молитвѣ и подвигахъ милосердія къ страждущимъ ближнимъ, свободное отъ сихъ благочестивыхъ занятій время, посвящала на списываніе священныхъ книгъ для продажи въ пользу нищихъ [3]).

---

[1]) Niesiecki—Korona Polska Tom I. Metropolia Ruska, pag. 92. (изд. лейпцигскаго).

[2]) Stebelski—Dwa swiatła na horyzoncie Połockim. T. I. Żywot S. Eufrozynii i T. II, Chronologia.

[3]) Stebelski—Dwa swatła. T. I, stron. 97 i 98. Четьи Минія за мѣсяцъ май, на 3 день.

По всей вѣроятности можно полагать, что соборъ этотъ во времена Евфросиніи, какъ главная церковь въ Полотскѣ, былъ каменный; но по свидѣтельству польскаго лѣтописца Стрійковскаго, въ слѣдствіе ли ветхости, или какихъ либо другихъ причинъ, около 1222 года на мѣсто онаго построенъ былъ новый, также каменный, о пяти главахъ, крестообразной формы, иждивеніемъ княжившаго тогда въ Полотскѣ князя Бориса Генвиловича, внука литовскаго князя Мингайла, завладѣвшаго полотскимъ княжествомъ вскорѣ послѣ прекращенія здѣсь династіи князей Владимірова дома [1]). Извѣстный ревнитель уніи, полотскій архіепископъ Іосафатъ Кунцевичъ, при возобновленіи этого собора, велѣлъ снять украшавшія оный пять главъ, чтобы, какъ замѣчаетъ уніатъ—базиліянецъ Стебельскій (желая восхвалить ревность къ уніи Іосафата), пересталъ быть для будущихъ поколѣній безмолвнымъ памятникомъ древности православія въ Полотскѣ, [2]) и въ такомъ уже возобновленномъ видѣ существовалъ до половины 18 столѣтія, когда вмѣсто онаго б. уніатскій архіепископъ Гребницкій создалъ, какъ сказано выше, настоящую, замѣчательную въ архитектурномъ отношеніи, церковь.

Безъ сомнѣнія полотскій Софійскій соборъ, какъ главный храмъ въ знаменитомъ нѣкогда и обширномъ полотскомъ княженіи, былъ свидѣтелемъ многихъ достопримѣчательныхъ событій, но, къ сожалѣнію, всеразрушающее время изгладило даже изъ преданія память объ оныхъ. Впрочемъ исторія Полотска временъ позднѣйшихъ отмѣтила, хотя нѣсколько изъ таковыхъ, достойныхъ вниманія для нашихъ соотечественниковъ. Такъ въ 1579 году, храмъ этотъ былъ свидѣтелемъ геройской любви къ Россіи, преданности царю и защиты вѣры тогдашняго полотскаго православнаго архіепископа Кипріана и гражданъ. Когда войска Баторіевы взяли приступомъ городъ и всѣ укрѣпленія кромѣ Верхняго Замка, ожидавшаго такой же уча-

---

[1]) Stryjkowski.—Kronika Litewska T. I, pag. 241 (изданіе варшавское 1846 г.); рукописные документы. въ архивѣ полотскаго Софійскаго собора находящіеся.

[2]) Stebelski.—Dwa swiatła na horyzoncie Połockim. T. I, str. 230—233; Kulczynski Monologium Bazylianskie—Żywot B. Iozefata Miesiąc Pazdziernik.

сти, король защищавшимъ оный предложилъ сдаться; но архіепископъ и воеводы не хотѣли и слышать о семъ: «*страшимся не злобы Стефановой, а гнѣва царскаго,*» отвѣчали они посламъ Баторія и возъимѣли твердое намѣреніе лучше взорвать крѣпость, чтобы погребсти себя въ ея развалинахъ. Но слабый духомъ воевода Петръ Волынскій и стрѣльцы не дали имъ исполнить сего намѣренія и предложили условія Стефану, который, изъ уваженія къ ихъ храбрости и боясь длить время, согласился отпустить и сановниковъ и рядовыхъ въ Россію съ семействами, а желающимъ вступить къ нему въ службу обѣщалъ великія милости. Но твердый архіепископъ и многіе изъ воеводъ и гражданъ не хотѣли воспользоваться милостію короля; они заперлись въ Софійскомъ соборѣ, твердо рѣшившись не сдаться живыми въ руки поляковъ; но извлечены были оттуда силою и представлены Баторію [1]). Король, завладѣвъ Полотскомъ, между прочимъ, приказалъ строить римско-католическую церковь; Софійскую же оставилъ для православныхъ, давъ имъ въ епископы бывшаго святителя витебскаго Ѳеоѳана Рипинскаго, и грамматою утвердилъ свободу православной вѣры [2]). Архіепископа же Купріана, какъ главнаго виновника замедленія сдачи крѣпости, оковавъ въ цѣпи, сослалъ въ ссылку во внутрь Польши [3]). Съ цѣлію же распространенія римской вѣры въ Полотскѣ и по всей Бѣлоруссіи, въ которой, какъ свидѣтельствуетъ самъ Баторій въ своихъ грамматахъ, не было ни *одного* латинскаго костела, учредилъ іезуитскій Коллегіумъ, отдавъ во владѣніе вызваннымъ изъ Вильны іезуитамъ богатыя имѣнія и земли, отнятыя (jure bellico) отъ православныхъ монастырей и церквей, кромѣ имѣній полотскимъ владыкамъ принадлежащихъ [4]). Съ сего времени, древній Полотскъ, удѣлъ племени Владиміра Св., сдѣлался опять достояніемъ

---

[1]) Карамзинъ Т. IX изд. Смирд. 1830 г.; Litwanicor. Soc. Jezu Histor. pag 86—170; сличи Гинденштейнъ pag. 338—352; Разрядн. кн.; Лѣтописецъ графа Толстаго № 123. Листъ 253.

[2]) Zbior Konstytucij . . Tom 2, str. 802 i 911.

[3]) Stebelski. Chronologia str. 151 i Nota †; Stryikowski. Kronika Litewska pag. 773.

[4]) Diploma fundationis Coll. Pol. Soc. Jezu; Jnformacia o fun-

Литвы и Польши и былъ управляемъ королевскими воеводами до царствованія Екатерины II.

---

dacii Collegium Połockiego y dobrach onego. Nieswiż. 1699 г.; Litwanicor. Soc. Jezu Histor. per Rostowski pag. 86—170. *).

*) ПРИМѢЧАНІЕ. Грамата Баторія на учрежденіе іезуитскаго коллегіума въ Полотскѣ имѣетъ заглавіе: Diploma fundationis Collegii Polocensis Societatis Jezu, издана въ Варшавѣ 1582 г. Января 20, напечатана въ Собраніи Конституцій 1582 г. Т. 2, и перепечатана во II томѣ Историч. Актовъ Западн. Россіи 1585 г. Въ ней, между прочимъ, говорится, что къ удивленію короля, онъ не нашелъ ни въ Полотскѣ, ни во всей Бѣлоруссіи ни одного римскаго костела; (сличи: Jnformacia o fundacii Colleg. S. J. Poloc. § 5). Посему, для распространенія святой римской вѣры, учреждаетъ въ Полотскѣ іезуитскій коллегіумъ, на содержаніе котораго отдаетъ, по праву войны, (jure bellico) всѣ имѣнія и угодья православнымъ монастырямъ и церквамъ принадлежащія, которыя и перечисляются въ этой же Граматѣ. Именно:

1.) Дѣвичій монастырь св. Спаса, на рѣкѣ Полотѣ, основанный около 1155 г. пр. Евросиньею, княжною Полотскою.

Мужескіе Монастыри:

2.) Іоанно-Предтеченскій, на Двинскомъ островѣ, основанный около 1399 г. Полотскимъ княземъ Онуфріемъ.

3.) Петро-Павловскій на Верхнемъ Замкѣ, на мѣстѣ называемомъ Волкова Вѣжа, основанный княземъ Михаиломъ, управлявшимъ Полоцкомъ съ 1235 г., по назначенію В. К. Литовскаго Рингольда. Прибывшіе изъ Вильны Іезуиты первоначально поселились въ этомъ монастырѣ и монастырскую церковь обратили въ латинскій костелъ, гдѣ и жили до построенія коллегіума, который, согласно декрету короля Баторія, долженствовалъ быть на Двинскомъ островѣ, на мѣстѣ Іоанно-Предтеченскаго монастыря; но Іезуиты сочли эту мѣстность для нихъ невыгодною, выхлопотали у короля дозволеніе построиться на нынѣшнемъ мѣстѣ, которое тогда находилось внѣ городской черты, и гдѣ существовала кладбищенская церковь св. Николая; городъ же занималъ пространство за рѣкою Полотою, съ одной стороны отъ устья сей рѣки въ Двину, по берегу сей рѣки, почти до нынѣшняго

Софійскій соборъ въ 1705 году былъ свидѣтелемъ и другой, впрочемъ непріятной, характеризующей духъ папства, сцѣны. Императоръ Петръ В., во время пребыванія своего въ семъ году въ г. Полотскѣ, по случаю похода въ Польшу про-

---

хутора Гераквиля, а съ другой по теченію Полоты оканчивался въ полверсты отъ Спаскаго монастыря.

4.) **Михайловскій-Городецкій**, за рѣкою Полотою, гдѣ нынѣ Михайловская, кладбищенская церковь; основанъ князьями: Петромъ и Иваномъ Морожскими.

5.) **Св. Николая** на Лучнѣ (въ 7 верстахъ отъ города, кажется, гдѣ нынѣ церковь Косьмы и Демьяна въ Казиміровѣ).

6.) **Воскресенскій** или Мошенецкій, на Нижнемъ Замкѣ (въ Монцѣ); основанъ княземъ Юріемъ и княгинею Агрефиною, когда — неизвѣстно.

7.) **Троицкій**, упоминается въ вкладной граматѣ полотскаго князя Андрея Ольгердовича, данной сему монастырю, около 1399 г. на бобровые гоны, на р. Звони.

8.) **Косьмо-Демьяновскій.**

9.) **Богородицкій**, на Нижней улицѣ, при устьѣ въ Двину ручья опоясующаго восточный валъ Верхняго Замка.

10.) **Преображенскій** или Заполотскій, при самомъ устьѣ р. Полоты въ Двину.

11.) **Георгіевскій**—въ полѣ.

Кромѣ этихъ, упоминаемыхъ въ вышесказанномъ дипломѣ Баторія, монастырей, въ то время существовали еще монастыри: **Борисо-Глѣбскій**,—только одинъ изъ мужскихъ монастырей пощаженный временемъ, основанный около 1222 г. (въ одно время съ Софійскимъ соборомъ) княземъ Борисомъ Генвиловичемъ, за р. Двиною, на рѣчкѣ Бѣльчицѣ: **Пятницкій**,-находился не въ дальнемъ разстояніи отъ Борисоглѣбскаго, на той же Бѣльчицѣ, обращенный, въ послѣдствіи, въ приходскую церковь и **Вознесенскій**,—упоминаемый въ Судной Граматѣ б. полотскаго православнаго архіепископа Гермогена Хрептовича, 1553 г. Февраля 28.

Изъ существовавшихъ въ Полотскѣ во времена Баторія приходскихъ и другихъ церквей, кромѣ Софійскаго собора, въ томъ же

тивъ Шведовъ, зашелъ однажды въ Софійскій соборъ, съ нѣсколькими сопровождавшими его военными сановниками, съ цѣлію осмотрѣть церковь и видѣть уніятское богослуженіе. Это было во время вечерни. Базиліянцы, совершавшіе богослуженіе, вмѣсто того, чтобы встрѣтить знаменитаго монарха съ подобающею честію, ослѣпленные фанатизмомъ, не впустили его въ олтарь, дерзко замѣтивъ ему, что онъ недостоинъ вступить туда, какъ противникъ вѣры[1]). Великодушный монархъ молчаніемъ презрѣлъ таковое оскорбленіе изувѣровъ и, не сказавъ ни слова, отошелъ отъ олтаря во внутрь церкви, гдѣ, замѣтивъ въ одномъ изъ боковыхъ придѣловъ неизвѣстный ему, болѣе всѣхъ изукрашенный образъ, спросилъ, чей это образъ? На это злочестивцы ругательно отвѣчали: это образъ нашего священномученика *Іосафата*, котораго ваши единовѣрцы, такіе же *схизматики*, *богоотступники* и *мучители*, какъ и вы, убили Таковая дерзкая рѣчь монаховъ привела царя въ справедливое негодованіе. Онъ приказалъ окружавшимъ его людямъ схватить сихъ хульниковъ и подъ стражею доставить въ военный судъ. Но базиліянцы, расчитывая на малочисленность окружавшей царя свиты, вздумали было сопротивляться и громко звали о помощи. Вслѣдствіе чего сбѣжалось къ нимъ изъ монастыря множество вооруженныхъ монаховъ и послушниковъ, пытавшихся отбить плѣнниковъ, и въ этой борьбѣ они ранили нѣсколько царскихъ слугъ, чѣмъ дотого озлобили сихъ послѣднихъ, что и сіи, въ свою очередь, защищаясь съ обнаженными саблями отъ нападающихъ, нѣсколько изъ нихъ убили. Главные виновники оскорбленія Его Величества были казнены смертіею. Это происшествіе базиліянскіе писатели (Ольшевскій, Кульчинскій и Стебельскій) представили въ своихъ сочиненіяхъ въ преувеличенномъ и превратномъ видѣ и, оправдывая дерзкій поступокъ съ благочестивымъ русскимъ царемъ ихъ собратій, оклеветали сего послѣдняго. Но трагическое событіе это изображено въ настоящемъ видѣ въ меморіалѣ, изданномъ въ Вильнѣ 11 Іюля тогожъ

дипломѣ упоминаются слѣдующія: Церковь Срѣтенія, Ц. Св. Николая на Полупятѣ, Ц Вознесенія Христа въ городѣ, Ц. Благовѣщенія въ городѣ, Ц. Св. Димитрія въ Замкѣ, Ц Св. Василія въ городѣ, Ц. Св. Параскевіи, т. е. Пятенки, въ городѣ и друг.

[1]) Schyzmatyk.

1705 года, по повелѣнію Петра В. и собственноручно имъ подписаннымъ. Столь великій монархъ, каковъ былъ Петръ, не имѣлъ никакой нужды прибѣгать ко лжи. Въ чемъ не можетъ не согласиться каждый изъ здравомыслящихъ. [1]).

---

[1]) Меморіалъ этотъ слѣдующаго содержанія, (смотри Исторію уніи Бантышъ-Каменскаго стр. 156). „Хотя Его Царскому Величеству „отъ Генераловъ своихъ, на зимнихъ квартирахъ въ Полоцку бывшихъ, довольно донесено, коимъ образомъ уніятскіе духовные непрестанно съ непріятелями Шведами и Сапѣжинцами имѣютъ тайную „переписку и опасныя намѣренія противу войскъ Царскаго Величества, „въ чемъ они довольные доводы чрезъ перенятыя письма ихъ и предостерегательства отъ доброжелательныхъ имѣютъ; но и явно въ „своихъ проповѣдяхъ (а особливо одинъ изъ нихъ, бывшій подданный „Его Царскаго Величества монахъ, и отступивый вѣры) всегда народъ „Велик. Княж. Литовскаго возбуждали противу войскъ Его Цар. Величества и къ тайному ихъ поборенію, употребляя при томъ явно „поносительныя слова, явно на Высочайшія Особы какъ Его Царск. „Велич. такъ и Его Кор. Велич. Польскаго Августа: однакожъ Его „Царское Величество, уничижая тѣ ихъ злобы, и снося великодушіемъ „своимъ, никакой противности имъ учинить не повелѣвалъ. Но когда „случилось Его Величеству итти мимо ихъ костела (церкви), и желая „видѣть ихъ церемоніи, вошелъ съ нѣсколькими знатными Особами „Двора своего; тогда помянутые злочестивые не токмо Его Величество „съ подобающею честію не пріяли, но паче со всякимъ безчестіемъ, „котораго бы не токмо такому Монарху, но и простомубъ, чести „достойному, снести отъ нихъ невозможно. Ибо егда Его Царское „Величество, желая обрядовъ ихъ церковныхъ видѣть, войти хотѣлъ „во олтарь того костела, то начали оные безчинными словами Его „Величеству говорить: что не достоитъ Ему, яко противнику вѣры, „тамо вступать. Сіе однакожъ Царское Величество по благоутробію „своему снесъ, и ничего не отвѣщая, вышелъ вонъ: и пришедъ къ „нѣкоторому тутже паче прочихъ украшенному образу, вопрошалъ „оныхъ: чей-то образъ? На что сіи злочестивцы ругательно отвѣщали: „что сей образъ священномученика ихъ Іосафата, котораго—де ваши „единовѣрцы, еретики, богоотступники и мучители, какъ и вы, убили.

Здѣсь не мѣсто изображать плачевную картину тѣхъ бѣдствій и гоненій, какимъ подвергались православные жители искони русскаго города Полотска и всей Бѣлоруссіи во весь несчастный для нея періодъ владычества надъ нею Польши, отъ іезуитскихъ происковъ и водворившейся уніи. Скажемъ только, что полотская Софійская церковь, первая изъ православныхъ церквей б. полотскаго воеводства, досталась уніятамъ, въ самомъ началѣ уніи съ измѣною православію полотскихъ епископовъ, изъ коихъ первый Григорій Германъ Загорскій, въ 1595 г., подписалъ опредѣленіе брестскаго собора объ учрежденіи оной, а въ слѣдующемъ 1596 году, въ бретской Св.-Николаевской церкви, прочиталъ всенародно актъ уніи. Но каѳедральный его Софійскій храмъ пережилъ эту унію,—унію недолговѣчную- какъ недолговѣчно все, что только основывается

„За сію мерзскую хулу возъярився, повелѣлъ Его Царское Величество „при себѣ тогда обрѣтающимся людямъ оныхъ хульниковъ и уличенныхъ измѣнниковъ взять, и привесть подъ стражею для осужденія; „самъ же изшедъ вонъ отъ сихъ богомерскихъ. Но оные, видя нашихъ малолюдство, начали симъ Его Царск. Величества людямъ „противитися и кричать о помощи, такъ что еще иные къ нимъ изъ „ихъ причету монастырскаго со оружіемъ пристали, хотя ихъ отбить, „и въ томъ сопротивленіи нѣкоторыхъ изъ Его Царск. Величества „людей ранили; за что оные озлобясь начали сами сихъ злодѣевъ не „щадя рубить, такъ что четыре изъ нихъ противъ воли Царскаго „Величества смертно ранены и померли, избавя себя по осужденію „отъ достойной и смертной безчестной казни. Потомъ же яко Его „Царскаго Величества бывшій подданной и измѣнникъ и вѣры отступникъ, и что еще злѣе, возмутитель народа, какъ выше объявлено, „по уличеніи явномъ сихъ его преступленій, осужденъ на смерть, и „инымъ къ образцу явно яко злодѣй повѣшенъ. Сіе есть тако истинное возвѣщеніе того случая, еже всякому ко извѣстію да служитъ, „дабы клеветники то ко вреду Его Царск. Величества высокой „справедливости и пріятственныхъ въ Рѣчи Посполитой поступковъ „не могли инако разгласити. Еже въ утвержденіе Моею собственною „рукою и печатью подписано, и въ явную печать издать повелѣлъ. „Учинино въ Вильнѣ 1705, Іюля.

на однихъ человѣческихъ расчетахъ, и Промыслу угодно было, чтобы въ немъ, въ 1839 году, 12 Февраля, въ недѣлю Православія, прочитанъ былъ актъ возсоединенія уніатовъ, т. е. возвращенія на лоно прародительской православной вѣры, и совершено было соборнѣ торжественное богослуженіе тремя возсоединенными архіереями: Іосифомъ, архіепископомъ Литовскимъ, [1]) Антоніемъ—Минскимъ, Василіемъ—Оршанскимъ и Мстиславскимъ, [2]) совмѣстно съ древле-православнымъ архіереемъ полотскимъ, епископомъ Ісидоромъ, [3]) и многочисленнымъ древле-православнымъ и возсоединеннымъ низшимъ духовенствомъ.

Недавно (въ 1851 г.) храмъ этотъ возстановленъ, какъ извнѣ, такъ и внутри, на что, по ходатайству нынѣшняго архіепископа, преосвященнаго Василія, отпущено изъ суммъ Св. Сѵнода 13000 р. сер., и былъ торжественно освященъ симъ же архипастыремъ, 28 Октября 1851 года. Въ настоящей Софійской церкви нѣтъ никакихъ памятниковъ священной древности; но въ ней сохранился, извѣстный Крестъ Св. Евфросиніи, положенный здѣсь на сохраненіе инокинями Спасской обители, оставившими оную въ эпоху завоеванія Полотска Іоанномъ Грознымъ и въ послѣдствіи попавшійся, вмѣстѣ съ церковью, въ руки уніятовъ, у которыхъ и находился до ихъ возсоединенія. Съ возстановленіемъ же, въ недавнія времена, сей древней православной обители, почти 300 лѣтъ бывшей въ запустѣніи, и Крестъ этотъ торжественно перенесенъ былъ въ оную, и рукою одного изъ главныхъ виновниковъ сего вожделеннаго возсоединенія, преосвященнаго архіепископа полотскаго и витебскаго Василія, положенъ въ монастырской церкви Св. Спаса, въ которой, по завѣщанію преп. Евфосиніи, долженствуетъ пребывать, доколѣ будетъ существовать основанная ею эта обитель и церковь.

Съ водвореніемъ уніи въ Полотскѣ и съ обращеніемъ Софійской церкви въ уніятскую, она не переставая быть каѳедральнымъ соборомъ полотскихъ архіепископовъ, поступила въ непосредственное завѣдываніе уніятскихъ монаховъ, базиліанцевъ,

---

[1]) Нынѣ митрополитомъ Литовскимъ.

[2]) Нынѣ митрополитомъ Полотскимъ.

[3]) Нынѣ митрополитомъ С.-Петербургскимъ.

поселившихся при сей церкви послѣ трагической кончины въ Витебскѣ архіепископа Іосафата Кунцевича, по приглашенію преемника его, архіепископа Антонія Селявы. Вышеупомянутый архіепископъ Флоріанъ Гребницкій, создавшій своимъ иждивеніемъ настоящую Софійскую церковь, въ тоже время построилъ и для сихъ монаховъ громадный монастырь, состоящій изъ трехъ соединенныхъ, въ видѣ первоначальной латинской буквы его фамиліи Н, корпусовъ. Съ 1811 года, въ немъ помѣщалась уніятская духовная семинарія, нынѣ православная, переведенная въ 1856 году, въ г. Витебскъ. Монахи же базиліанцы, за неповиновеніе власти мѣстнаго архіерея, въ двадцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія, изгнаны были изъ сего монастыря по Высочайшему повелѣнію.

Послѣ убіенія архіепископа Іосафата въ Витебскѣ, тѣло его, на лодкѣ, доставлено было, по рѣкѣ Двинѣ, въ Полотскъ и погребено въ Софійскомъ соборѣ, но черезъ годъ добыто изъ земли, торжественно отпѣто нарочно прибывшимъ изъ Вильны уніятскимъ митрополитомъ Іосифомъ Рутскимъ и положено въ устроенную серебрянную раку. Въ послѣдствіи, во время войны Польши съ Ц. Алексѣемъ Михайловичемъ, рака эта унесена была уніятами изъ Полотска, и хотя, послѣ многолѣтняго странствованія по разнымъ мѣстамъ Литвы и Польши, возвращена была въ Софійскій соборъ, но уже безъ тѣла, которое неизвѣстно куда дѣвалось, а только находился въ ней клокъ волосъ, будто Іосафатовыхъ, и нѣкоторыя вещи изъ его облаченій. Въ нынѣшней церкви построенной архіепископомъ Гребницкимъ, устроенъ былъ особый, по правую сторону, придѣлъ, во имя Іосафата, въ которомъ находился его образъ, помѣщалась эта рака и совершалась, ежедневно, служба.

Усердствуя къ дѣлу уніи, Іосафатъ еще при жизни своей, своимъ иждивеніемъ, устроилъ при Софійскомъ соборѣ деревянный монастырь для уніятскихъ монахинь—базиліанокъ, которыхъ выписалъ изъ Вильны и надѣлилъ его небольшею вотчиною и другими угодьями, къ имѣніямъ полотской архіепископіи принадлежавшими. Монастырь этотъ вѣроятно построенъ былъ на мѣстѣ древняго женскаго монастыря, существовавшаго при Софійскомъ соборѣ еще во времена пр. Евфросиніи. Онъ упраздненъ недавно съ возстановленіемъ Спасскаго мона-

стыря, куда и переведены были монахини базиліянки, изъ коихъ большая часть согласилась на возсоединеніе.

К. Говорскій.

Взглядъ на состояніе унитской церкви въ Бѣлоруссіи со времени возвращенія этой страны къ Россіи.

Непосвященные въ исторію нашей отечественной церкви думаютъ обыкновенно, что недавнее возсоединеніе уніятовъ съ православною церковью началось и окончилось единственно по согласію современнаго высшаго уніятскаго духовенства и по волѣ въ Бозѣ почившаго Императора Николая I; но это не со всѣмъ справедливо. Въ царствованіе этаго великаго монарха вполнѣ созрѣло и совершилось только окончательное возсоединеніе уніятовъ, начало же его скрывается во временахъ отдаленныхъ. Исторія намъ свидѣтельствуетъ, что какъ унія была насильно навязана обитателямъ подпавшей подъ иго Польши юго-западной Россіи, то уніяты при каждомъ удобномъ случаѣ пытались возвратиться въ православную вѣру своихъ предковъ. Въ особенности обнаружили они нерасположеніе къ этой новой сектѣ во время завоеванія Бѣлоруссіи и почти всей Литвы московскимъ царемъ Алексіемъ Михайловичемъ, когда на всемъ пространствѣ этихъ странъ вмѣсто уніи опять возстановлено было древнее православіе. Замѣчательно, что это возстановленіе произведено самими уніятами добровольно и по ихъ просьбѣ у сего побѣдоноснаго, единовѣрнаго ихъ предкамъ царя. Тоже самое явленіе, хотя уже въ меньшихъ размѣрахъ, исторія представляетъ и во время занятія этихъ странъ войсками Петра В. Правда, послѣ возвращенія ихъ къ Польшѣ, польское правительство опять возстановляло унію, въ которой, по ложной политикѣ (какъ это оправдали событія), оно видѣло единственное средство связать тѣснымъ союзомъ многочисленныхъ своихъ русскихъ подданныхъ съ Польшею; но съ одной стороны какая то всегдашняя апатія русскаго народа къ латинству, подавившему въ доблестныхъ нѣкогда полякахъ ихъ славянскую народность, а съ другой неумѣнье, или быть можетъ и нежеланіе римско-католиковъ расположить бѣдныхъ совращенныхъ уніятовъ къ своей вѣрѣ добрымъ съ ними обращеніемъ и любовью

(вмѣсто которой католики всегда къ уніатамъ оказывали презрѣніе), порождали въ сихъ послѣднихъ желаніе возвратиться къ православію Конечно, во времена владычества Польши надъ ними, въ особенности въ эпоху гоненій диссидентовъ, къ коимъ принадлежали и православные, желаніе это уніяты скрывали, по понятнымъ каждому причинамъ. Но съ возвращеніемъ Бѣлоруссіи, а потомъ и другихъ странъ Западной Россіи, къ Россійской Имперіи, желаніе это явно обнаружилось почти повсемѣстно, что мы увидимъ изъ нижеслѣдующаго историческаго очерка состоянія унитской церкви послѣ сего времени.

Вскорѣ по присоединеніи Бѣлоруссіи къ Россіи, Императрица Екатерина II, указомъ 14 Декабря 1772 г., назначила быть въ Россіи римско-католическому епископу, съ подчиненіемъ ему всѣхъ католическихъ въ Россіи церквей и монастырей и имѣть ему пребываніе въ Могилевѣ, а въ Бѣлоруссіи уніятскому архіепископу, съ таковымъ же правомъ надъ уніятскими церквами. Въ 1773 г, Екатерина дѣйствительно приняла римскаго епископа *Богуша—Сестренцевича* и въ слѣдующемъ году снабдила его дипломомъ на ерекцію р. католической епархіи въ Россіи и на заведеніе типографіи въ Могилевѣ (1776). Въ 1782 г. пожаловала его въ архіепископы всѣхъ въ Россіи р. католическихъ церквей и отъ папы испросила ему посвященіе въ этотъ санъ въ С.-Петербургѣ.

Что касается собственно уніятовъ, то лишь только Бѣлоруссія возвратилась подъ скипетръ этой единовѣрной императрицы, какъ открылось ихъ повсемѣстное желаніе возвратиться на лоно прародительской вѣры, и это желаніе преимущественно обнаруживали благоразумнѣйшіе изъ высшаго ихъ духовенства, которое не могло не чувствовать своего неловкаго положенія, когда вмѣсто покровительства со стороны римско-католиковъ претерпѣвали презрѣніе и пренебреженіе, часто большее, чѣмъ неуниты. Тогдашній православный, бѣлорускій епископъ *Георгій Конисскій*, зная хорошо, что тысячи готовы бросить ненавистную унію, при заключеніи трактата о раздѣлѣ Польши, сильно настаивалъ, чтобы въ семъ трактатѣ ограждена была свобода совѣсти, и прямо дозволено было оставлять унію тѣмъ, которые приведены къ ней насиліемъ. Самые уніятскіе, тогдашніе епископы открывались Георгію въ Варшавѣ, что имъ не сладка унія и не легка папская юриздикція. Въ письмѣ своемъ

къ оберъ-прокурору св. сунода Мелиссимо, Георгій, между прочимъ, пишетъ слѣдующее: «Полотскій уніятскій архіепископъ «*Смогоржевскій*, да коадъюторъ епископіи владимірской *Мо-«лодовскій*, также оффиціалъ епископа луцкаго, именемъ его, «имѣютъ со мною частые уговоры, желая оставить папскую «надъ собою юриздикцію, присоединиться, по прежнему, къ «греко-восточной, православной церкви. И то дѣлаютъ они не «сами собою, но и отъ прочихъ братій своей епископовъ; по-«неже на нихъ, яко ученѣйшихъ, всѣ прочіе слагаются. Я «совѣтовалъ имъ, relictis ambagibus (оставивъ двусмышленности), «прямо послать о таковомъ желаніи челобитную къ ея Вели-«честву. Но они опасаются еще рѣшиться на то, сказывая: «учинимъ-де такимъ образомъ crimen contra statum (преступле-«ніе противъ государства).» [1]) Уніятскій епископъ львовскій

---

[1]) Доказательствомъ этаго желанія унитскихъ епископовъ служатъ письма митрополита Смогоржевскаго къ администратору и суффрагану епископу Левинскому, преисполненныя негодованія на римлянъ, стремившихся къ уничтоженію уніи и поправшихъ всѣ права и привилегіи оной. Въ письмѣ отъ 11 Іюля 1786 г., между прочимъ, Смогоржевскій пишетъ: „дойдетъ до того, что Римъ болѣе и болѣе „стремящійся къ униженію уніятскаго митрополита подчинитъ его „подъ власть монастырскихъ поваренковъ (kuchcikow).“ Въ другомъ письмѣ отъ 22 августа тогожъ года, къ вышесказанному Левинскому, жалуется, что базиліяне и римляне внушаютъ уніятскому духовенству, дабы вмѣсто каноническихъ молитвъ и службъ, священники употребляли латинскіе рожанцы (Rosarium B. V. M.) и коронки, и что Римъ, мимо митрополита, дозволялъ базиліянамъ употребленіе омофора, какъ напр. генеральному викарію ордена Корсинскому, и что у митрополита и епископовъ отнята власть разрѣшать нѣкоторые грѣхи. Отъ 27 февраля 1787 г., къ тому-жъ Левинскому, въ концѣ письма, писаннаго на италіянскомъ языкѣ, Смогоржевскій такъ изъясняется: „о выраженіяхъ Рима, въ рѣшеніи по дѣлу Стадницкаго, сегодня не могу васъ извѣстить; скажу только, что Римъ изобрѣлъ доказательства въ пользу самаго скотскаго дѣла (duna bestjalita); но ложь сама собою обнаружится и таковою всегда пребудетъ. Кто не помнитъ тѣ частныя совѣщанія и тайныя шептанія, постоянно доходившія до на-

Леонъ Шептыцкій, не обинуясь, открылся Кониссkому «мы-«де уніяты за вами неунитами еще живемъ; когда васъ като-«лики догрызутъ, тогда примутся за насъ, да и теперь-де въ «ссорахъ называютъ насъ, равно какъ и васъ, схизматиками» [1]. Такимъ образомъ, Кониссkій, убѣдившись о нерасположеніи многихъ уніятовъ къ уніи, испросилъ у россійскаго при вар-шавскомъ дворѣ министра кн. Репнина согласіе на то, чтобы желающіе обратиться къ православію объявили о своемъ же-ланіи письменно въ мѣстныхъ судахъ и спѣшили переходить въ православіе до ратификаціи договора; о чемъ Георгій не-медленно сдѣлалъ извѣстнымъ всѣмъ жителямъ Бѣлоруссіи чрезъ свою могилевскую консисторію. Въ слѣдъ за тѣмъ, не только *осмоловицкая* шляхта, о которой докладывалъ онъ Репнину, но и многіе другіе и цѣлые приходы, иные вмѣстѣ съ священ-

---

шего слуха во время варшавскаго сейма, чтобы увѣрить всѣхъ, что это основано на здравомъ смыслѣ? Римъ пересылаясь обо всемъ въ предъосужденіе восточной іерархіи, даетъ поводъ современникамъ и потомкамъ смѣяться надъ собою. Пусть себѣ выдумываетъ, пусть пи-шетъ, пусть, по своему произволу, что угодно дѣлаетъ въ предъ-осужденіе восточной іерархіи, лишь бы только я не принималъ во всемъ этомъ никакого участія. Однакожъ моя честность и совѣсть заставятъ нѣкогда учинить торжественный и публичный протестъ, дабы меня русское и греческое потомство не имѣло повода въ чемъ либо упрекнуть. Любезный другъ! насиліе и обманъ всегда достойны порицанія, а корыстолюбіе также должно имѣть свои границы. Не думаю, чтобы нашъ король легко оставилъ тѣхъ, которые вѣрно ему служатъ. Но, по добротѣ своей, можетъ статься, легко уступитъ нахальному домогательству, въ особенности, если не будетъ обо всемъ извѣстенъ. Прощай. „Ясонъ митрополитъ русскій.“ (Подлин-ники сихъ писемъ находятся въ полотской духовной консисторіи, связка de unione. Переписку по дѣлу желанія уніятовъ возвратиться въ православіе смотри: Собраніе сочин. Конисскаго: а) письмо его къ Мелиссимо, стран. 219 и къ переяславльскому епископу Гервазію, стр. 224—226; Исторія уніи Бантышъ Каменскаго, стр. 413.

[1]) Исторія уніи Б. К., тамъ-же.

никами своими, въ воеводствѣ мстиславскомъ и повѣтѣ оршанскомъ, также многочисленныя селенія въ повѣтахъ рѣчицкомъ, мозырскомъ и минскомъ, прислали просьбы къ Конисскому съ желаніемъ оставить унію, а другіе католичество, и съ мольбою защитить ихъ отъ гоненій. Георгій препроводилъ объявленіе о томъ къ послу для засвидѣтельствованія. Это было 1768 г. въ Варшавѣ. [1]) А въ началѣ марта Георгій писалъ, что уніятскіе епископы уже подали королю *меморіалъ*, или записку, чтобы, по сношеніи короля съ императрицею, дозволено было войдти въ разсужденія о возвращеніи унитовъ къ греко-россійской церкви [2]). Оберъ-прокуроръ Мелиссимо, по просьбѣ Конисскаго, представлялъ его мысли о семъ предметѣ императрицѣ, вмѣстѣ съ проэктомъ о мѣрахъ къ обращенію унитовъ въ православіе, какъ недавно принявшихъ унію, такъ и наслѣдовавшихъ ее отъ предковъ. Но императрица, по видамъ политическимъ, не согласилась съ мыслями Георгія, и смиренный сей пастырь поручилъ дѣло волѣ Божіей [3]). Еще болѣе открылъ глаза уніятамъ и во многихъ изъ нихъ поселилъ омерзѣніе къ союзу съ римскою церковью распространившійся въ 1786 году *голосъ* или проэктъ о томъ, дабы уніятовъ въ *Польшѣ* и *Литвѣ* совсѣмъ искоренить, преобразивъ ихъ въ законъ или обрядъ римскій Проэктъ этотъ неизвѣстнаго автора написанъ еще въ 1717 году на польскомъ языкѣ, напечатанъ въ 178 г. и тогдаже разосланъ во всѣ воеводства и повѣты, на всѣ предсеймовые сеймики и на самый варшавскій сеймъ, вскорѣ потомъ воспослѣдовавшій [4]). Читая сей махіавельскій проэктъ, дышащій злобою р. католиковъ противъ всего, что только носитъ имя

---

[1]) Въ Исторіи Русской Ц., Филарета, т. V.: письмо къ Репнину 2, стр. 227—229, къ Г. Панину 2,2 31.—Здѣсь же онъ писалъ, что въ повѣтѣ оршанскомъ уже начались мученія за возвращеніе къ православію.

[2]) Тамъ же, письмо отъ 1 марта къ Мелиссимо. 2, 267.

[3]) Проэктъ епископа Георгія помѣщенъ въ Исторіи уніи Бантышъ-Каменскаго, стр. 413—415. Тамъ же находятся двѣ окружныя грамоты архіепископа минскаго и епископа могилевскаго, обнародованныя въ ихъ паствахъ, приглашающія унитовъ къ возвращенію въ прародительскую вѣру.

[4]) Печатный проэктъ сей находится въ архивѣ св. Стнода; ру-

русскаго, могли ли быть уніяты столь слѣпы, чтобы не видѣть и не познать не только своего заблужденія, но и намѣренія р. католиковъ, съ какимъ они ихъ пріобрѣтали въ унію. Дѣятельно проэктъ сей приводимъ былъ польскимъ правительствомъ и латинскимъ духовенствомъ въ исполненіе. Проэктъ, величая унитскихъ епископовъ глупцами и невѣжами, полагаетъ: а) всѣхъ унитскихъ епископовъ подчинить латинскому архіепископу; б) унитскія школы уничтожить; в) помѣщикамъ внушить, чтобы церковныя имѣнія забирали въ свои руки и давали священникамъ немногое, въ видѣ милости; г) священническихъ сыновей, кромѣ старшаго, приписывали бы къ своимъ имѣніямъ въ податное состояніе; д) усилить миссіи; ж) предпочитать неженатыхъ священниковъ женатымъ и симъ послѣднимъ оказывать презрѣніе и проч... Между прочимъ, очевидно, что на основаніи сего проэкта состоялась на варшавскомъ сеймѣ 1764 г. конституція, по силѣ которой сыновья священниковъ православныхъ и уніятскихъ принуждены были вступать въ крѣпостное состояніе, съ цѣлію уничиженія женатаго духовенства. По обнародованіи сей конституціи, уніятское бѣлое духовенство подало въ томъ же году прошеніе къ чинамъ польской рѣчи посполитой объ отмѣнѣ оной. Въ прошеніи этомъ, исчисливъ всѣ права и привилегіи, какими оно пользовалось со временъ Владиміра св. (т. е. когда еще оно было православнымъ), рѣзкими чертами опровергаетъ таковое несправедливое и произвольное нарушеніе сихъ правъ. Въ заключеніе говоритъ, что уніяты отъ р. католиковъ терпятъ большее презрѣніе и униженіе, чѣмъ жиды, цыгане и караимы. Дѣйствительно, презрѣніе къ уніятамъ со стороны религіозныхъ ихъ союзниковъ, римско-католиковъ, доходило до высшей степени: уніятскую вѣру обыкновенно называли *холопскою*, почтительное названіе священниковъ попами р. католики сдѣлали чѣмъ-то ругательнымъ, (забывъ, что и ихъ

кописный же въ архивахъ б. львовской митрополіи и пржемысльской епархіи, а также въ разныхъ монастырскихъ архивахъ и въ частныхъ рукахъ. Въ 1848 году напечатанъ въ числѣ историческихъ актовъ въ Дополненіи къ актамъ историческимъ, изд. археогр. коммиссіею, стр. 221—226 № 81. Въ Вит. Губ. Вѣд. за 1858 г. Въ Вѣстникѣ юго-западной Россіи за $18^{62}/_{63}$ г.

римскій первосвященникъ называется тѣмъ же именемъ, ибо папа (папежъ) происходитъ отъ одного и тогожъ греческаго слова папасъ (отецъ), что и русское попъ): духовенству неженатому давалось всегда и вездѣ преимущество предъ женатымъ, вслѣдствіе чего, всѣ лучшіе приходы и почти всѣ епархіальныя должности находились въ рукахъ инцелибатовъ, т. е. безженныхъ священниковъ. Въ епископы производимы были изъ базиліянъ преимущественно только тѣ, кои по происхожденію были римляне. Науки сдѣлались доступными почти однимъ только базиліянскимъ монахамъ. Они, захвативъ въ свои руки пожертвованныя разными лицами на учрежденіе школъ и семинарій для образованія бѣлаго духовенства имѣнія, доходы употребляли въ пользу своихъ монастырей и новиціатовъ; образованіе же бѣлаго духовенства (до учрежденія главной семинаріи въ Вильнѣ) ограничили обученіемъ славянскому чтенію, нѣкоторымъ церковнымъ обрядамъ, пѣнію и краткому катихизису, съ присовокупленіемъ, инбгда, популярно изложеннаго нравственнаго богословія. Для большаго же униженія сего духовенства, нерѣдко поставляли въ приходскіе священники освобожденныхъ изъ податнаго состоянія, полуграмотныхъ крестьянъ и проч., и проч. Таковое обращеніе р. католиковъ съ уніатами, конечно, не могло связывать тѣснымъ союзомъ любви послѣднихъ съ первыми. Почему природное уніятское духовенство, въ особенности высшее, какъ болѣе образованное, неохотно несло тяжкое иго союза съ папизмомъ (котораго, къ стати замѣтить, со временъ отпаденія папъ отъ единства церкви вселенской, отличительнымъ характеромъ сдѣлалась гордость и высокомѣріе), потому и неудивительно, что. еще въ эпоху паденія Польши. оно неоднажды обнаруживало, какъ мы сказали выше, желаніе возвратиться къ древнему православію. Но желаніе это уніяты стали смѣло приводить въ исполненіе по мѣрѣ возвращенія литовско-русскихъ провинцій къ родной Россіи. Такъ, по возвращеніи Бѣлоруссіи къ Россійской державѣ, дѣйствительно множество бѣлорусскихъ унитовъ, оставивъ добровольно унію, перешли въ православіе, вслѣдствіе чего, съ 1774 по 1783 годъ, 2000 унитскихъ церквей обращено на православіе [1]). Послѣ втораго раздѣла

[1]) Коронный канцлеръ, епископъ познанскій Млодзяновичъ подалъ въ 1774 г. февраля 18, отъ имени сената, жалобу на то,

Польши 1793 г., достались России области: подольская, половина Волыни и минская съ 3 милліонами жителей; тогда же образовалась отдѣльная православная епархія минская, составившаяся большею частію изъ возвратившихся унитовъ въ православіе. Наконецъ, въ слѣдствіе третьяго раздѣла Польши (1796 г.), присоединены къ Россіи области виленская, гродненская и курляндская, съ 1.176.000 жителей. Не смотря на предоставленіе великодушною Екатериною римлянамъ и унитамъ свободы вѣры и правъ (смотри плакаты), не на бумагѣ только,—какъ это бывало въ Польшѣ въ отношеніи православныхъ,—но и на самомъ дѣлѣ, уніяты и теперь, освободившись отъ желѣзной власти польской пропаганды, бросали унію и возвращались къ вѣрѣ отцовъ. Указами 1796 г. объявлено, что уже болѣе милліона унитовъ возвратилось въ православіе и 2300 храмовъ стало его собственностію [1]), а во все правленіе Екатерины православная церковь возвратила къ себѣ отъ уніи и Рима всего до двухъ милліоновъ лицъ. Кровавыя скорби православія прекратились; вмѣстѣ съ тѣмъ, Россія не слышала ни одной жалобы унитовъ на невольное обращеніе (скажемъ словами одного современнаго нашего святителя) ихъ къ православію; покоемъ наслаждались и римско-католики.

Только страсть римскаго духовенства—обращать къ себѣ людей не своего прихода нарушала тишину церкви. Императоръ *Павелъ* (18 марта 1797 г.) вынужденъ былъ выдать указъ въ огражденіе совѣсти крестьянъ, которыхъ помѣщики, по внушенію ксендзовъ, насильно отторгали отъ православія къ уніи или отъ уніи въ латинство. Жалобы унитовъ, а частію православныхъ, на латинскую пропаганду не прекращались. Императоръ ***Александръ I*** выдавалъ указъ за указомъ съ строжайшими запрещеніями оскорблять или обращать унитовъ въ римлянъ, объявляя, что близость уніи къ православію даетъ ей право на особенное покровительство имперіи. Тѣмъ не менѣе, къ концу царствованія его, пропаганда довела унитовъ до край-

---

что будто-бы несправедливо отобрано 1200 церквей для православія отъ унитовъ. (Смотри Истор. росс. церк. арх. Филарета, т. V, стр. 109).

[1]) Указы отъ 12 апр. и 4 іюля 1795 г.

ности. Помѣщики, по ея наставленіямъ, угнетали крестьянъ и оставляли храмы ихъ вѣтрамъ и дождю; сама пропаганда, то прямо переодѣвала унитовъ въ римлянъ, то вытѣсняла изъ унитскаго богослуженія все греческое." [1])

Такимъ образомъ, вслѣдствіе возвращенія въ православіе двухъ милліоновъ унитовъ и обращенія множества изъ нихъ въ латинство, [2]) унитская церковь, со временъ Екатерины, стала входить въ весьма тѣсные предѣлы и подъ конецъ сей эпохи не имѣла даже своего митрополита, а только была управляема однимъ луцкимъ епископомъ; ибо, въ 1795 г., унитскія епархіи: полотская и, минская и виленская митрополія были закрыты, число базиліянскихъ монастырей уменьшено, унитское духовенство подчинено было вѣдомству римской коллегіи. Впрочемъ въ 1798 г. опять возстановлена была полотская архіепископія для унитовъ бѣлорусскихъ, брестская—для литовскихъ губерній, а луцкій епископъ оставленъ для унитовъ волынскихъ; въ 1805 г. отдѣленъ былъ въ римско-католической коллегіи особый департаментъ для унитскихъ дѣлъ и назначенъ президентомъ сего департамента полоцкій архіепископъ *Ираклій Лисовскій*; составлены штаты унитскихъ консисторій; въ 1809 г. возстановлена унитская митрополія, и въ санъ митрополита посвященъ Лисовскій. Этотъ незабвенный архипастырь, оказывая нелицемѣрное расположеніе къ православію, явное обнаруживалъ стремленіе къ возсоединенію съ нимъ всѣхъ унитскихъ въ Россіи церквей и, одушевляясь этою мыслію, энергически дѣйствовалъ къ приготовленію унитовъ къ счастливому сему событію, посредствомъ: а) возстановленія въ своей епархіи обрядовъ восточной церкви, которые унитское духовенство послѣднихъ временъ, въ угодность своимъ епископамъ, возводимымъ въ это достоинство изъ латинскихъ монаховъ и ктиторовъ р. католиковъ, обезобразило введеніемъ чуждаго духу нашей церкви латинизма; б) ослабленіемъ сильнаго вліянія на дѣла вѣры ордена базиліановъ,

---

[1]) Смотри Исторію росс. церкви, арх. Филарета, т. V, стр. 109 и далѣе.

[2]) Римско-католическій митрополитъ Сестренцевичъ, въ могилевской епархіи, цѣлые 8000 унитовъ съ 24 церквами, заразъ, превратилъ было въ латинянъ, но народъ бросилъ и латинъ и унію и перешелъ въ православіе. (Тамъ же, стр. 115).

чрезъ подчиненіе ихъ епископской власти; в) возстановленіемъ духовныхъ училищъ и полоцкой семинаріи для бѣлаго духовенства; д) отдѣленіемъ уніятскаго въ Россіи духовенства отъ юрисдикціи римскаго архіепископа, исходатайствовавъ у русскаго правительства учрежденіе особаго въ римской коллегіи департамента для унитскихъ дѣлъ, который въ послѣдствіи переименовавъ въ самостоятельную коллегію. Совершенно по слѣдамъ Лисовскаго шествовалъ полотскій архіепископъ Красовскій, который за приверженность къ православію пострадалъ чрезъ интриги и козни базиліяновъ, по злобѣ къ нему ускорившихъ даже его кончину, если вѣрить общенародной молвѣ и хвастливому сознанію нѣкоторыхъ членовъ сего бывшаго латино-уніятскаго ордена [1]). Тяжесть римской пропаганды и нарушеніе католиками правъ и свободы восточной церкви чувствовали и громко сознавали благоразумнѣйшіе изъ уніятовъ, даже въ Хелмѣ и Варшавѣ, незадолго до послѣдовавшаго счастливаго возсоединенія уніятовъ. Такъ, въ 1822 году, профессоръ св. писанія варшавскаго университета, уніятскій священникъ Шиманскій, написалъ цѣлую книгу о правахъ и свободѣ греческой церкви и посвятилъ оную уніятскому хелмскому епископу, сильно негодовавшему противъ затѣваемаго партіею Рима, какъ видно изъ сего сочиненія, подчиненія унитскихъ церквей власти римскихъ митрополитовъ. Достойный и ученый профессоръ, въ сочиненіи этомъ, исчисливъ всѣ права и привиллегіи, какія пріобрѣла греко-россійская церковь со времень Владиміра св., фактически доказалъ, что соединеніе въ польскомъ государствѣ членовъ этой церкви съ римскою послужило только къ попранію и лишенію священнѣйшаго ея древняго достоянія, какое она наслѣдовала отъ матери ея— церкви восточной, т. е. величія церковныхъ обрядовъ и каноническаго іерархическаго устройства, чѣмъ, по справедливости, восточная церковь всегда можетъ гордиться предъ западною своею младшею сестрою.

К. Говорскій.

---

[1]) Онъ умеръ въ Жидичинѣ отъ яда, поданнаго ему базиліянскими монахами въ жареномъ голубѣ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ О ЛИТВѢ.

(Соч. П. В. Кукольникова.)

(Продолженіе.)

Василій, получивъ о томъ извѣстіе, послалъ немедленно гонца въ Вильно съ запросомъ: по какому поводу поступлено столь недостойно съ Еленою, и съ требованіемъ, чтобы ей возвращены были свобода, казна, слуги и всѣ знаки должнаго уваженія. Король, узнавъ о прибытіи гонца, тотчасъ приказалъ возвратить ей все требуемое и проводить съ честію въ виленскій дворецъ. Но этимъ не удовлетворилъ Василія, имѣвшаго еще другіе поводы къ разрыву съ Литвою. Сигизмундъ, чувствуя всю важность союза Василія съ Крымомъ, старался преклонить на свою сторону сыновей устарѣлаго Менгли-Гирея, обѣщавъ платить имъ ежегодно по 15 т. червонцевъ. Ахметъ и Бурнамъ Гиреи дѣйствительно ворвались въ бѣлевскія и одоевскія области, но были оттуда выгнаны московскими воеводами. Тогда Василій, узнавъ еще, что Сигизмундъ собираетъ войска для вторженія въ Россію, рѣшился предупредить его и послалъ къ нему складную грамоту, съ исчисленіемъ въ ней всѣхъ причинъ къ объявленію войны. Многочисленное войско, предводимое самымъ государемъ, выступило въ поле въ намѣреніи овладѣть Смоленскомъ; но два похода, предпринятые въ 1513 году, были безуспѣшны. Наконецъ въ третій разъ Василій, осадивъ Смоленскъ, въ 1514 году, и громя его стѣны пушками, заставилъ городъ сдаться. Сологубу, начальствовавшему въ Смоленскѣ, Василій позволилъ возвратиться въ Литву. Онъ прибылъ въ Вильно съ многими королевскими воинами, которыхъ побѣдитель великодушно отпустилъ въ отечество; но Сигизмундъ приказалъ отрубить ему голову, какъ измѣннику.

Въ продолженіи этой войны, 24 января 1513 года, скончалась въ Вильнѣ королева Елена. Она отличалась всѣми добродѣтелями, свойственными ея полу: кротостію, благоразуміемъ, добросердечіемъ и, оставшись вѣрною своей религіи и отечеству, провела всю жизнь въ Литвѣ, посреди обидъ и преслѣдованія. Напрасно подозрѣваютъ литовцевъ въ отравленіи этой достойной государыни. И безъ яда было слишкомъ много причинъ къ сокращенію ея жизни. Къ тому же Сигизмундъ имѣлъ въ ней важный залогъ для благопріятнаго мира съ Россіею, и она сама нѣсколько разъ ходатайствовала въ пользу Литвы передъ отцемъ и братомъ своимъ. Тѣло ея похоронено съ царскою пышностію въ церкви Пречистой Божіей матери, въ которую прежде всего вступила она при въѣздѣ своемъ въ Вильно. Гробъ ея исчезъ вмѣстѣ съ церковью, изъ развалинъ которой сооруженъ, въ послѣдствіи, анатомическій театръ при б. виленскомъ университетѣ. Елена построила на свой счетъ близъ замка домъ для русскихъ гостей; сверхъ того поддерживала русскія церкви, въ которыхъ сдѣлала значительныя улучшенія. Но до сихъ поръ остался послѣ ней одинъ только памятникъ, образъ Божіей матери, который она привезла съ собою изъ Москвы и которымъ благословилъ ее отецъ. Она отдала его въ Пречистенскую церковь, а въ послѣдствіи онъ перенесенъ въ Троицкій монастырь, гдѣ и теперь находится. По свидѣтельству Кояловича, руские считали этотъ образъ столь важнымъ, что хотѣли отдать въ замѣну за него Ѳому Мацкевича и пятьдесятъ другихъ плѣнниковъ, но уговоръ этотъ не состоялся.

Въ это время совершенно измѣнились нравы и обычаи жителей Литвы. Простота и мужество уступили мѣсто стремленію къ познаніямъ и еще болѣе къ пышности, роскоши и изнѣженности; оружіе, которое шляхта всегда при себѣ носила, было только вывѣскою шляхетства и свидѣтельствомъ, что оно пріобрѣтено кровію, между тѣмъ какъ носившіе его съ жадностію искали удовольствій и наслажденій. Пиршества, пьянство и пренебреженіе отеческихъ нравовъ и правилъ вошли въ употребленіе не только въ высшемъ классѣ, но даже между мѣщанами и купцами. Такимъ то образомъ начало въ Литвѣ обнаруживаться просвѣщеніе, принесенное съ запада. Великолѣпіе дворовъ литовскихъ вельможъ представляло нѣчто баснословное: Николай Радзивиллъ, сопровождая короля на съѣздъ въ Прес-

бургъ, кромѣ многочисленной и блиставшей богатою одеждою свиты, велъ съ собою сто музыкантовъ. Богатые купцы и мѣщане, не имѣя права носить оружіе, старались сравняться съ шляхтою роскошью и пышностію. Въ простомъ народѣ, который по бѣдности своей не могъ соперничествовать со шляхтой, невидно было еще никакой перемѣны.

Отнятіе Смоленска возбудило сильное безпокойство и смятеніе во всей Литвѣ. Собрано было войско, чтобы остановить успѣхи русскаго государя. Острожскій, принявъ начальство надъ 35,000 ратниковъ и переправясь черезъ Днѣпръ, вступилъ 8-го сентября 1514 года въ кровопролитное сраженіе съ русскими воеводами между Оршею и Дубровною и одержалъ блистательную побѣду.

Прибывъ обратно въ Вильно и желая принести благодареніе Богу за одержанную побѣду, онъ построилъ на мѣсто сгорѣвшихъ деревянныхъ двѣ каменныя русскія церкви: св. Троицы, гдѣ нынѣ троицкій монастырь, и св. Николая на Большой улицѣ. На постройку этихъ церквей онъ получилъ отъ Сигизмунда особенную привиллегію, потому что постройка новыхъ русскихъ церквей запрещена была еще со времени Казимира. Онъ привелъ съ собою множество плѣнныхъ, которыхъ Сигизмундъ роздалъ папѣ и другимъ государямъ. Императоръ Максимиліанъ отправилъ присланныхъ къ нему назадъ къ Василію.

Однако же побѣда Острожскаго не имѣла важныхъ слѣдствій для Литвы. Сигизмундъ и его полководцы полагали, что Россія, послѣ оршанской битвы, лишилась всѣхъ силъ своихъ, и что войска ихъ могутъ безъ сопротивленія проникнуть въ самую глубину ея. Острожскій, съ шестью тысячами отборнаго войска, отправился для взятія Смоленска, въ которомъ нѣсколько злоумышленниковъ составили заговоръ съ цѣлію впустить Сигизмундово войско въ городъ. Но непріятели Россіи жестоко обманулись, намѣстникъ Васильевъ въ Смоленскѣ, Шуйскій, изумилъ непріятеля неожиданнымъ зрѣлищемъ. Открывъ заговоръ и охвативъ его виновниковъ, онъ приказалъ повѣсить ихъ на стѣнахъ въ виду литовской арміи и встрѣтилъ Острожскаго съ такимъ мужествомъ, что войско его, послѣ напрасныхъ усилій, должно было отступить съ большею потерею.

Дѣятельность Василія вскорѣ вывела еще болѣе изъ заблужденія его непріятелей, почитавшихъ государство его вполнѣ

обезсиленнымъ послѣ оршанской битвы. Изъ Новгорода, Смоленска, Пскова, Стародуба пошли многочисленныя дружины къ границамъ Литвы. Царь московскій вступилъ въ союзъ съ королемъ датскимъ Христіаномъ II и заключилъ наступательный договоръ противу Польши съ магистромъ нѣмецкаго ордена Албрехтомъ брандебургскимъ. Сигизмундъ не былъ ослѣпленъ побѣдою Острожскаго и чувствовалъ вполнѣ тягость положенія изнуреннаго государства. Онъ обратился къ императору Максимиліану, прося его посредничества для примиренія съ Василіемъ. Императоръ отправилъ на этотъ конецъ въ Москву посломъ ученаго и краснорѣчиваго барона Сигизмунда Герберштейна. Василій согласился наконецъ, чтобъ литовскіе послы прибыли въ Москву для переговоровъ. Въ 1517 году послы дѣйствительно прибыли въ Россію, но Василій не велѣлъ впускать ихъ въ Москву, потому что въ тоже время пришла вѣсть о вторженіи литовцевъ въ предѣлы Россіи. Самъ король находился въ Полоцкѣ съ запаснымъ войскомъ. Непріятельскія дѣйствія началъ псковскій воевода Сабуровъ, который безъ вѣдома государя сдѣлалъ набѣгъ на Литву, взялъ и ограбилъ Рославль. Чтобы отомстить псковитянамъ за этотъ поступокъ, Острожскій съ литовскимъ войскомъ и богемскими наемниками устремился къ Опочькѣ въ намѣреніи взять эту ничтожную крѣпость. Но тамъ начальствовалъ Василій Михайловичъ Салтыковъ, котораго имя заслуживаетъ помѣщенія въ исторіи. Не смотря на многочисленность непріятеля и слабыя укрѣпленія города, онъ геройски встрѣтилъ Острожскаго и отбилъ всѣ его приступы. Наконецъ, не ограничиваясь защитою, онъ сдѣлалъ вылазку, умертвилъ множество непріятелей и воеводу Сокола, у котораго отнялъ знамя. Русскіе воеводы Шуйскій, Оболенскій-Телепневъ и Иванъ Лятскій, стремясь со всѣхъ сторонъ на помощь Опочькѣ, разбили на голову 14-ти тысячный отрядъ, посланный на помощь Острожскому, забрали всѣ непріятельскія пушки и плѣнили воеводъ. Острожскій, видя приближающееся къ нему русское войско, бѣжалъ отъ стѣнъ Опочки, не могши даже спасти своихъ стѣнобитныхъ орудій, коими завладѣлъ Солтыковъ. Обративъ въ бѣгство Острожскаго и истребивъ большую часть литовской рати, россіяне загладили пораженіе подъ Оршею. Василій, по полученіи о томъ извѣстія, позволилъ посламъ прибыть въ Москву. Совѣщанія начались въ присутствіи Гербер-

штейна. Не могши согласиться на требованія Василія, послы выѣхали нисчѣмъ изъ Москвы, и посредничество императора осталось безъ дѣйствія.

Война съ Россіею началась съ новымъ ожесточеніемъ. Союзникъ Василія, великій магистръ, нагрянулъ на Литву съ сѣвера, съ другой стороны московскіе воеводы Шуйскій, Горбатый, и Курбскій распространили опустошенія до Вильна. Другая рать подъ начальствомъ Годунова, Елецкаго и Засѣкина осадила Полоцкъ, выжгла его предмѣстія и взяла внѣшнія укрѣпленія. Третья рать подъ начальствомъ Ѳеодора, племянника царя казанскаго Алегама, также опустошала Литву. Магистръ совѣтовалъ Василію перенести войну въ Самогитію, завоевать эту изобильную хлѣбомъ и беззащитную область, а потомъ перейдти въ Мазовію, и соединясь съ нимъ, ударить въ самое средоточіе силъ Сигизмудовыхъ. Этотъ умный, но отважный планъ не былъ приведенъ въ исполненіе. Сигизмундъ, заключивъ съ Василіемъ перемиріе на шесть мѣсяцевъ, обратился со всѣми силами на магистра и заставилъ его просить мира. Происки въ Крыму и слѣдствія ихъ, измѣна царя казанскаго, и опустошительное нашествіе Магметъ-Гирея на Россію, отвлекли вниманіе и силы Василія отъ Литвы и дали ей время возстать изъ пепела и развалинъ. Узнавъ о слѣдствіяхъ нашествія Магметъ-Гирея, но не имѣя возможности воспользоваться ими по причинѣ недостатка въ войскѣ и деньгахъ, Сигизмундъ отправилъ посольство въ Москву съ предложеніемъ мира. Не могши согласиться въ условіяхъ мира, заключили только перемиріе на пять лѣтъ съ 22 декабря 1522 года. Смоленскъ остался за Россіей, границею обоихъ владѣній назначены Днѣпръ, Ивака и Меры. Такъ окончилась десятилѣтняя война между Василіемъ и Сигизмундомъ. Несравненно выгоднѣе для короля былъ миръ съ магистромъ Альбрехтомъ Брандебургскимъ. Сигизмундъ призналъ его наслѣдственнымъ владѣтелемъ орденскихъ городовъ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ призналъ надъ собою владычество польскихъ королей и управлялъ своими владѣніями въ качествѣ вассала Польши. Сигизмундъ далъ Пруссіи гербъ чернаго орла съ изображеніемъ начальной буквы своего имени S.

Наступила блистательнѣйшая эпоха царствованія Сигизмундова. Онъ приступилъ къ подвигу, которымъ Литва опередила

соединившееся съ нею государство, считавшееся древнѣе и образованнѣе ея. Онъ приказалъ собрать всѣ распоряженія своихъ предшественниковъ, равно какъ и всѣ учрежденія и обычаи, вошедшіе въ силу закона, и составить изъ нихъ уложеніе, дополнивъ его нѣкоторыми новыми постановленіями, соотвѣтственными тогдашнимъ государственнымъ нуждамъ. Уложеніе это, написанное на русскомъ языкѣ, обнародовано было въ 1522 году подъ именемъ *Литовскаго Статута.*

Остановимъ въ этомъ мѣстѣ на нѣсколько времени повѣствованіе о прочихъ событіяхъ въ государствѣ, и пройдемъ вкратцѣ исторію законодательства въ Литвѣ. Этотъ предметъ стоитъ того, чтобы заняться имъ особенно. Для этого должно будетъ намъ выйдти на время не только изъ предѣловъ описываемаго нами царствованія, но даже изъ предѣловъ II-го періода нашихъ замѣтокъ.

Не будемъ касаться законодательства языческой Литвы, въ особенности до тѣхъ поръ, пока она начала входить въ тѣснѣйшія сношенія съ Русью, тѣмъ болѣе, что, по этой части, историки не доставили намъ достаточныхъ свѣдѣній. Неизвѣстно даже существовали ли какіе нибудь законы въ Литвѣ въ то время. Впрочемъ если и существовали, то они извѣстны были однимъ жрецамъ (кревамъ), кои были не только хранителями священныхъ предметовъ религіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ истолкователями воли боговъ. Такъ какъ волѣ боговъ сопротивляться невозможно, то изреченія жрецовъ считались приговорами, кои должно было приводить въ исполненіе. А потому жрецы были настоящіе судіи. Креве-Кревейто (Судія судей) былъ верховный начальникъ сословія жрецовъ, слѣдственно верховный судія, котораго опредѣленія считались непреложными. Сами владѣтельные князья обязаны были исполнить ихъ свято. Впрочемъ власть князей въ управленіи ихъ удѣлами, была неограничена. Въ важнѣйшихъ только государственныхъ случаяхъ они обращались за совѣтами къ Креве-Кревейтѣ.

Съ XII столѣтія и начинаетъ измѣняться этотъ порядокъ вещей, и дѣла управленія въ Литвѣ принимаютъ совершенно иной видъ. Безпрерывныя войны, въ коихъ начальство надъ войскомъ принадлежало князьямъ, постепенно усиливали ихъ власть и ослабляли вліяніе жрецовъ. Еще болѣе обширности получила власть князей съ начала XIII столѣтія, по завоеваніи

многихъ русскихъ областей, доставившихъ князьямъ сильныя дружины, состоявшія изъ однихъ христіянъ, на которыхъ ни сословіе языческихъ жрецовъ, ни самъ Креве-Кревейто, не имѣли никакого вліянія. При ихъ помощи, князья менѣе обращали вниманія на жрецовъ, а наконецъ свѣтская власть совершенно отдѣлилась отъ духовной. Возникла княжеская дума, безъ сомнѣнія заимствованная отъ Руси, отъ которой Литва начала перенимать обычаи и даже порядокъ управленія. Въ это время составился въ Литвѣ особенный классъ бояръ, родъ древняго литовскаго дворянства, обязанный исправлять военную службу, за данныя ему земли, и находившійся въ ленной зависимости отъ своихъ князей. Они оставались въ такомъ видѣ въ Литвѣ до тѣхъ поръ, пока не составилась въ ней шляхта, по образцу польской, которая начала презирать бояръ, давая ихъ названіе своимъ дворовымъ людямъ. Оттого и произошло впослѣдствіи раздѣленіе бояръ на отчичей и вольныхъ, панцерныхъ путниковъ и служковъ, о которыхъ упоминается въ древнихъ актахъ и Литовскомъ Статутѣ.

Упомянуто было выше, что Гедиминъ ввелъ феодальную систему. Въ послѣдствіи времени при Ольгердѣ, а особливо при Витовтѣ, ленники превращены были въ намѣстниковъ, коихъ назначеніе зависѣло отъ безусловной воли великаго князя. Хотя многіе историки утверждаютъ, что до временъ Сигизмунда I Литва не имѣла никакого законодательства, но подъ этими выраженіями можно разумѣть только то, что она не имѣла полнаго уложенія, то есть собранія законовъ. Но не естественно, чтобы государство, образовавшееся, распространившее свои предѣлы и утвердившее свое могущество, не имѣло другихъ законовъ, кромѣ естественныхъ, какъ то сказалъ о немъ папа Иннокентій IV. Эти естественные законы были, безъ сомнѣнія, мѣстныя постановленія, освященные временемъ обычаи, а можетъ быть законы и обычаи сосѣдственной Руси, къ чему наиболѣе содѣйствовало присоединеніе къ Литвѣ обширныхъ русскихъ областей. Извѣстно, что литовцы перенимали отъ сосѣдственной Руси все, что находили для себя полезнымъ. Не одна статья Русской Правды могла войти въ литовское законодательство, а потомъ и въ Статутъ, потому что нѣкоторыя подробности въ обоихъ уложеніяхъ имѣютъ между собою разительное сходство.

Въ числѣ древнѣйшихъ судовъ, учрежденныхъ въ Литвѣ,

историки полагаютъ *коповые*, заимствованные отъ русскихъ (родъ повальнаго обыска). Для открытія вора, убійцы или иного преступника, скрывшагося отъ рукъ правосудія, собирали на граничныхъ курганахъ *(коповискахъ)* совѣтъ, составленный изъ мѣстныхъ жителей, достойныхъ довѣрія, и называемый *копою*. Постановленія такой копы утверждалъ въ позднѣйшее время Гродскій судъ.

Особеннаго вниманія достойно одно постановленіе, укоренившееся въ Литвѣ съ самой глубокой древности,—такъ называемое *положеніе шапки въ доводъ съ рублемъ грошей*. Это было нѣчто въ родѣ поруки, залога, вклада, употребляемаго на Руси, гдѣ жалующійся представлялъ въ судъ извѣстную сумму денегъ, съ тѣмъ, что ежели дѣло его окажется несправедливымъ, то онъ теряетъ ее, если же дѣло выиграетъ, получаетъ ее обратно, и противная сторона должна представить такое же количество денегъ въ пользу судіи. Это русское обыкновеніе перешло въ Литву съ такимъ измѣненіемъ, что не только жалующемуся, но и обвиненному, въ особенности, когда также имѣлъ претензію, позволено было представлять вклады, всыпавъ рубль грошей въ шапку, которая у литовцевъ могла имѣть еще какое нибудь символическое значеніе. Нарбутъ, найдя въ одномъ документѣ выраженіе: «люди добрые, вѣры годные, полагали шапки« и проч., утверждаетъ, что это была въ Литвѣ древнѣйшая форма свидѣтельства или присяги, при чемъ свидѣтель, извѣстный своими безукоризненными свойствами, снявъ шапку и положивъ ее на столъ передъ судіею, произносилъ: »какъ эту шапку кладу въ твои руки, такъ готовъ я положить голову мою въ залогъ справедливости моего показанія«. Если это дѣйствительно такъ происходило, то въ этой формѣ соединены два обыкновенія: древнее русское—представленіе вкладовъ, и литовское — положеніе шапки съ присягою.

Къ числу чиновниковъ древней Литвы принадлежали тіуны и децкіе. Званіе тіуновъ видимо перешло изъ Руси, гдѣ ихъ было нѣсколько родовъ. Въ Литвѣ находились только высшіе и деревенскіе. Первые назначаемы были изъ высшаго сословія, завѣдывали имѣніями царствующихъ, были судьями жителей, находившихся въ ихъ округахъ и сборщиками государственныхъ податей. Деревенскіе, назначаемые изъ простаго народа, смотрѣли за порядкомъ въ селеніяхъ и деревняхъ. Также заим-

ствованно въ Литву изъ Руси учрежденіе децкихъ. Они первоначально развозили приказанія князей и наблюдали за ихъ исполненіемъ, имѣли надзоръ за мелкою монетою, наконецъ начали мѣшаться въ судебныя дѣла. Злоупотребленія ихъ возбудили жалобы шляхты, по просьбѣ которой Казимиръ ограничилъ кругъ ихъ дѣйствій. Въ царствованіе этого государя воеводы имѣли уже собственныхъ децкихъ.

Первые памятники писанныхъ законовъ въ Литвѣ находимъ въ привиллегіяхъ, издаваемыхъ великими князьями, коими дарованы были разныя права и преимущеcва городамъ, сословіямъ, а иногда и цѣлымъ областямъ. Изъ такихъ документовъ извѣстнѣйшими были 1) привиллегія Ягайлы 20 февраля 1387 года, о преимуществахъ лицамъ, принимавшихъ римско-католическое исповѣданіе. 2) Актъ Городельскій 1413 года. 3) Земская привиллегія Казимира Ягелона 1457 года, коею даны разныя права и преимущества духовенству и шляхтѣ съ освобожденіемъ послѣдней отъ всякой подати, также свобода располагать своимъ имѣніемъ, обезпечено вдовѣ свободное обладаніе недвижимымъ имѣніемъ, возобновлено право выдавать дочерей за мужъ безъ согласія царствующаго, предоставлено право выѣзда за границу для образованія себя и т. п

Вѣроятно эта привиллегія дана была только для жителей собственной Литвы, потому что преемники Казимира давали такія же другимъ областямъ. Александръ далъ подобную привиллегію землѣ дрогицкой и Сигизмундъ I бѣльскому повѣту и воеводствамъ витебскому, волынскому и кіевскому. Кромѣ того Александръ далъ еще двѣ привиллегіи Литвѣ и Жмуди. Въ первой обѣщалъ не перемѣнять постановленія, утвержденнаго думою, не ставить никому во зло противное мнѣніе въ думѣ, а государственные доходы съ согласія думы обращать на надобности государства. Во второй, сравнялъ жмудиновъ въ правахъ съ прочими жителями Литвы, позволилъ имъ охотиться въ лѣсахъ, уничтожилъ пересуды и виновщизны, освободилъ ихъ отъ постройки замковъ, обѣщалъ не посылать децкихъ за Невяжу и утверждать выбираемыхъ ими воеводу, старосту и тіуновъ.

Мало по малу образовалось въ Литвѣ народная представительность. Это дѣло шло съ величайшею медленностію и препятствіями. Главнѣйшее сопротивленіе происходило со стороны

литовской аристократіи, которая, будучи прозорливѣе и дальновиднѣе низшей шляхты, опасалась подвергнуть отечество свое тѣмъ безпорядкамъ, смятеніямъ и своевольству, какимъ подвержена была, отъ уравненія правъ шляхты, Польша. По этой самой причинѣ, основательные литовскіе вельможи съ такимъ усиліемъ противились окончательному соединенію двухъ государствъ болѣе 180 лѣтъ. Низшая литовская шляхта, мало безпокоясь о благѣ общественномъ и даже не имѣя надлежащаго о немъ понятія, употребляла постоянныя усилія къ пріобрѣтенію личныхъ выгодъ. Завидуя правамъ и вольности польской шляхты, стремилась упорно къ тому, чтобы сравняться съ нею, и ссылаясь безпрестанно на актъ Городельскій и другія постановленія, о коихъ сказано выше, громко домагалась ихъ исполненія.

Для предохраненія крестьянъ отъ притѣсненій и указанія средствъ къ усовершенствованію сельскаго хозяйства, изданы Сигизмундомъ I два устава въ 1529 году. 1) *О дворахъ* для Литвы, а преимущественно для виленскаго и трокскаго повѣтовъ, въ руководство содержателямъ имѣній и чиновникамъ. 2) Для простаго народа земли жмудской, въ которомъ указаны средства обезпеченія крестьянъ отъ злоупотребленій старосты и тіуновъ, обозначены обязанности крестьянъ, и указанъ путь къ законному ихъ удовлетворенію, въ случаѣ обиды. Несравненно важнѣе было постановленіе Сигизмунда Августа, обнародованное въ 1557 году подъ названіемъ: *Устава на волоки Господаря Короля его Милости.* Этотъ важный уставъ отличается глубокою практическою мудростію, заключаетъ въ себѣ постановленія весьма удобныя къ исполненію и бросаетъ яркій свѣтъ не только на управленіе казенныхъ имѣній въ Литвѣ, но и на всю хозяйственную часть въ государствѣ. Сигизмундъ Августъ издалъ также *Уставъ о лѣсахъ, инструкцію землемѣрамъ* и положилъ основаніе учрежденію почтъ.

Всѣ эти памятники законодательства изданы были на особенные случаи, или въ пользу какого нибудь отдѣльнаго сословія. Первое общее уложеніе вышло въ Литвѣ въ 1492 году подъ названіемъ *Судебника Казимира Ягеллона.* Оно заключаетъ въ себѣ по большей части законы уголовные, въ особенности наказанія за воровство и насилія, а также нѣсколько распоряженій на счетъ граничныхъ споровъ, наконецъ о пода-

тяхъ и бобровой ловлѣ на тѣхъ рѣкахъ, гдѣ берега боярскіе граничатъ съ княжескими.

Наконецъ въ Литвѣ вышло полное и систематическое собраніе законовъ. Этимъ подвигомъ, какъ сказано выше, Литва опередила Польшу, не смотря на преимущества ея въ просвѣщеніи и древности гражданской образованности. Литовцы подъ опекою великихъ князей достигли скоро и удобно этой благодѣтельной цѣли, къ которой поляки стремились безпрестанно и съ величайшими усиліями, но всегда безуспѣшно. Въ Польшѣ ослабѣла уже власть короля, а шляхта не имѣла духа согласія; предпочитала свои преимущества полезнымъ узаконеніямъ и гражданскому порядку, между тѣмъ какъ Литва, пользуясь только правомъ совѣтовать на своихъ сеймахъ, не осмѣливалась останавливать намѣреній и дѣйствій великихъ князей. А потому въ Литвѣ, до конца царствованія Ягеллоновъ и даже нѣсколько позже, преобладалъ порядокъ, который въ Польшѣ уже пересталъ быть извѣстенъ. Литовцы, поддерживая въ продолженіи 66 лѣтъ благодѣтельныя намѣренія своихъ государей, трудились надъ составленіемъ полнаго Уложенія.

Въ 1522 году, какъ сказано выше, собраны въ одну книгу всѣ распоряженія прежнихъ государей и древніе обычаи, вошедшіе въ силу законовъ, и приведены въ систематическій порядокъ. Это уложеніе, разсмотрѣнное въ 1524 году, принято было всѣми литовскими чинами, утверждено королемъ и получило обязывающую силу съ 1-го января 1530 года. Это собраніе законовъ, извѣстное подъ названіемъ перваго или стараго Статута Литовскаго, состояло изъ XIII главъ или раздѣловъ, писано было въ подлинникѣ, равно какъ и всѣ вышеупомянутыя узаконенія, на русскомъ языкѣ, и по приказанію Сигизмунда переведено въ послѣдствіи сначала на латинскій, а потомъ уже и на польскій языки.

Уложеніе это оказалось неполнымъ. Нашлись пропуски и недостатокъ въ опредѣленіи судебнаго дѣлопроизводства. А потому въ 14 лѣтъ послѣ обнародованія перваго Статута, Сигизмундъ Августъ назначилъ для дополненія его 10 коммиссаровъ, изъ коихъ одна половина была греко-россійскаго, а другая римско-католическаго исповѣданія. Они составили 10 новыхъ статей разнаго содержанія. Кромѣ того продолжались дополненія на пяти сеймахъ до 1564 года, въ которомъ уло-

женіе утверждено королемъ. Этотъ второй Статутъ, также какъ и первый, никогда не были напечатаны.

Рѣшительное соединеніе Литвы съ Польшею на люблинскомъ съѣздѣ повлекло за собою многія перемѣны въ законодательствѣ, и требовало новаго пересмотра и дополненія Статута. Нѣкоторыя его распоряженія должно было совершенно исключить, какъ противныя уніи. Для этого назначено 14 коммиссаровъ подъ предсѣдательствомъ виленскаго епископа Валеріана Протасевича. Коммиссія занялась прилежно этимъ дѣломъ, но Сигизмундъ Августъ не дождался его окончанія. Стефанъ Баторій приказалъ дополнить Статутъ еще десятью статьями, объясняющими права суда, также помѣстить въ немъ дарованное имъ право выбора судей. Наконецъ при новомъ учрежденіи литовскаго трибунала нашлось множество новыхъ предметовъ, кои должно было включить въ новое уложеніе. Такимъ образомъ Литовскій Статутъ, столько разъ исправляемый и пополняемый, утвержденъ былъ наконецъ Сигизмундомъ III 28 января 1588 года и напечатанъ на русскомъ языкѣ въ Вильнѣ, въ типографіи Козьмы и Льва Мамоничей. Уложеніе это, извѣстное подъ названіемъ третьяго Статута, сохранило въ здѣшнемъ краѣ обязательную силу до 2 сентября 1840 года, а съ тѣхъ поръ замѣнено русскимъ Сводомъ Законовъ. Законодательство Литвы составляетъ несокрушимый памятникъ преобладанія русскаго элемента въ Литвѣ. Никто не можетъ въ томъ сомнѣваться, что законы издаются для руководства въ государствѣ всѣмъ гражданамъ безъ исключенія и согласно съ обстоятельствами того времени, въ которое издаются. А потому очевидно, что природные литовцы имѣли въ употребленіи не иной какой языкъ, какъ только русскій, на которомъ написаны ихъ законы и ведено судебное дѣлопроизводство во всемъ государствѣ. Убѣдительнѣйшимъ тому доказательствомъ служатъ самыя слова Статута, раз. IV, въ арт. I. »Писарь земскій долженъ писать всѣ бумаги, выписи и позывы по русски, словомъ и буквами русскими, а не на иномъ какомъ языкѣ и иными словами. Далѣе, въ арт. 37, сказано: »Воеводы и судовые старосты имѣютъ особенно каждый изъ нихъ по своему мѣсту выбрать и опредѣлить въ судъ въ помощь себѣ намѣстника, или подстаросту, гродскаго судію и писаря, людей честныхъ, благонравныхъ, достойныхъ, знающихъ законы и русскую гра-

моту изъ дворянъ въ томъ же повѣтѣ и уроженцевъ великаго княжества Литовскаго«. Не очевидно ли свидѣтельствуютъ эти статьи, сколь нуженъ былъ въ Литвѣ русскій языкъ. Наконецъ, ежели городу Вильнѣ, столицѣ и средоточію великаго княжества, дано было множество привиллегій, написанныхъ не на иномъ какъ на русскомъ языкѣ, изъ чего должно вывести самое естественное заключеніе, что столица имѣла необходимую нужду въ русскомъ, а не въ иномъ языкѣ;—то что сказать о тѣхъ областяхъ, въ которыхъ съ самыхъ древнихъ временъ господствовали народонаселеніе, вѣра и языкъ русскіе, которыхъ одна сила оружія присоединила къ великому княжеству, и которыхъ усилія пристрастныхъ польскихъ патріотовъ и іезуитовъ старались представить свѣту въ видѣ коренныхъ литовскихъ областей? Всѣ эти свидѣтельства и множество другихъ имъ подобныхъ, которыя встрѣчаемъ на всякомъ шагу въ памятникахъ литовскаго законодательства, ясно убѣждаютъ въ томъ, что русскій элементъ имѣлъ съ самаго начала ощутительный перевѣсъ надъ литовскимъ во владѣніяхъ великаго княжества.

Возвратимся теперь къ царствованію Сигизмунда I.

Сигизмундъ женатъ былъ на Бонѣ Сфорчи, дочери Іоанна Галіацо, герцога медіоланскаго. Эта хитрая, корыстолюбивая и мстительная женщина была причиною многихъ домашнихъ огорченій для Сигизмунда и неудовольствій въ государствѣ. Онъ имѣлъ отъ нея одного сына Сигизмунда Августа, который въ 1529 году, въ присутствіи отца, матери, литовскихъ вельможъ и народа, провозглашенъ, въ каѳедрѣ св. Станислава, великимъ княземъ литовскимъ. Поляки не смѣли обнаружить своего неудовольствія, что этотъ актъ былъ совершенъ безъ ихъ участія. Впрочемъ Сигизмундъ Августъ не могъ еще заняться государственными дѣлами по причинѣ малолѣтства. Онъ имѣлъ всего въ то время 9 лѣтъ. Безразсудная привязанность къ нему матери удаляла его отъ занятій науками и воинскихъ упражненій, забавляла дѣтскими игрушками и довела до такой степени изнѣженности, что онъ прежде времени состарѣлся. Благонамѣренные государственные люди съ негодованіемъ смотрѣли на то, что надежда обширнаго государства, которое могло поддержать себя однимъ оружіемъ, тратитъ время посреди женщинъ и дѣтей, въ забавахъ и заня-

тіяхъ, несвойственныхъ не только будущему государю, но даже вообще взрослому мальчику. Ропотъ обнаружился въ народѣ. Просили короля и домогались на сеймахъ, чтобы поручить наслѣдника престола достойнымъ воспитателямъ. Но Бона, овладѣвъ душою своего стараго мужа, не хотѣла отпустить отъ себя сына до шестнадцатилѣтняго возраста. Тогда уже съ трудомъ согласились отдать его умному и опытному гнѣзненскому кастеляну Петру Опалинскому, который старался ознакомить его съ наукою управлять государствомъ и познавать людей. Сигизмундъ Августъ, съ самаго начала своего образованія, обнаруживалъ большіе успѣхи, но прежнія впечатлѣнія не остались безъ дѣйствія. Вскорѣ молодой государь оказалъ страсть къ удовольствіямъ, за которою явилось утомленіе, отвращеніе отъ дѣлъ, въ особенности отъ стана, а наконецъ изнѣженность, ослабленіе тѣла и бездѣйствіе.

Въ 1533 году умеръ царь московскій Василій Іоанновичъ. Сигизмундъ отправилъ пословъ въ Москву для заключенія мира съ новымъ правительствомъ, но посольство это не имѣло успѣха.

(Виленск. Вѣст.)

(Продолженіе слѣдуетъ).

XXX.

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ ИЗЪ ЗАДНѢПРОВСКОЙ УКРАИНЫ, ПОМѢЩЕННОЙ ВЪ 52 № ДНЯ 1863 г.

Отрадно, весьма отрадно встрѣчаться съ статьею, полною живаго интереса, съ заявленіемъ народныхъ нуждъ, вопіющихъ объ удовлетвореніи и требующихъ глубокаго изслѣдованія и добраго совѣта, направленнаго, если не къ совершенному подавленію и уничтоженію зла, то по крайней мѣрѣ къ ослабленію его и измѣненію къ лучшему. Читая подобныя проявленія мысли и чувства русскаго гражданина, желающаго добра своему отечеству и предлагающаго радикальные способы къ улучшенію его, не нарадуется душа,—особенно, если каждая мысль обдумана зрѣло, каждое желаніе прочувствовано любящимъ сердцемъ и если все это зиждется на незыблемыхъ основахъ, на несомнѣнныхъ жизненныхъ данныхъ. Но съ другой стороны, если вы встрѣтите статейку, написанную, или совершенно безцѣльно, говорящую обо всемъ съ плеча,—или же, что еще хуже, если она написана съ нечистыми, задними мыслями, завитыми въ современные quasi принципы прогресса, въ модныя идеи о народномъ образованіи; если всѣ эти аномаліи испорченнаго духа судорожно навязываются вниманію благосклоннаго читателя,—вы съ негодованіемъ отворачиваетесь отъ подобнаго злоупотребленія слова. А намъ часто, къ сожалѣнію, приходится читать подобныя вещи,—должно быть отъ того, что, пользуясь нѣкотораго рода свободою мнѣній, стали писать всѣ, умѣющіе совершать процессъ писанія, или, какъ выражается Давыдовъ:

И полѣзли изъ щелей
Мошки да букашки.

Прочитали и мы недавно, въ своемъ захолустьи, статью (помѣщенную въ 52 № Дня 1863 г.), трактующую о системѣ народнаго образованія. Авторъ ея (г. Чалый) начинаетъ съ того, «что еще до обнародованія Высочайшаго манифеста 19 «февраля, призвавшаго милліоны крѣпостнаго люду къ бытію «(какъ будто этого люду прежде не было!), чувствовалась по- «требность образованія народныхъ массъ.» Такой нуждѣ прежде всего, по его мнѣнію, стали удовлетворять воскресныя школы; а потомъ «почти одновременно съ ними и духовенство наше, «соревнуя доброму дѣлу, энергически принялось за обученіе сельскаго населенія.» Намъ извѣстно изъ оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ свѣдѣній, что край, о которомъ говоритъ авторъ, уже имѣлъ около 300 школъ, открытыхъ духовенствомъ и нѣкоторыми помѣщиками еще въ періодъ 1858—1860 годовъ, а потомъ, и именно въ концѣ 1859 г., открыты воскресныя школы. А у автора это дѣло стоитъ какъ-то на оборотъ и поставлено оно черезъ-чуръ лукаво, чтобы не сказать хуже. Ошибка на счетъ инниціативы (а она много значитъ!) не осталась у автора одинакою: разомъ съ нею стоитъ слишкомъ лестная и слишкомъ субъективная аттестація воскресныхъ школъ. Всякому извѣстно, что такое были, или, по крайней мѣрѣ, чѣмъ хотѣли сдѣлать ихъ нѣкоторые люди, самозванно выдвинувшіеся на первый планъ картины и съ обычною имъ безцеремонностью толкнувшіе въ сторону благонамѣренныхъ дѣятелей. Но авторъ смотритъ иначе на полу-свое созданіе. Участвуя въ учрежденіи воскресныхъ школъ и проводя тамъ свои черезчуръ прогрессивныя идеи, авторъ хочетъ доказать, что воскресныя школы удовлетворяли потребностямъ народнаго образованія. Мы понимаемъ идеи ваши объ этихъ потребностяхъ. Онѣ ясно выразились еще тогда, когда вы произносили рѣчь при погребеніи милаго вамъ Тараса (Шевченка). Рѣчь эта, сколько помнится, была въ бемольномъ тонѣ. Она плакала обо всемъ томъ, что другихъ, русскихъ патріотовъ, по вашему мнѣнію, пугаетъ, а именно: въ ней намекалось, и о козаччинѣ, и о волѣ, и о многомъ другомъ [1]). Говоря о школахъ, откры-

[1]) Чтожъ тутъ авторъ находитъ удивительнаго, когда Шевченка

тыхъ духовенствомъ, авторъ, быть можетъ, нехотя сказалъ правду, что «духовенство принялось энергически за дѣло народнаго образованія.» Если такъ,—за чѣмъ же вы, г. авторъ, ниже выражаетесь, что эти школы, полныя рутины, безсмыслія, крайне не состоятельны.» Рутина, какъ и всякій застой, не можетъ быть ни причиной, ни результатомъ энергической дѣятельности, а развѣ апатіи, бездѣятельности, спячки; а безсмысліе, замѣченное будто бы вами въ церковно-приходскихъ школахъ, какъ мнѣ кажется, обнаруживаетъ только состояніе вашего собственнаго духа въ моментъ наблюденія этихъ школъ, если вы ихъ наблюдали. Какъ таки допустить безсмысліе тамъ, гдѣ все живетъ и *энергически* дѣйствуетъ? Въ такомъ случаѣ, какъ это часто бываетъ въ горячности или энергіи, можетъ быть односторонность, увлеченіе; но не безсмысліе. Помилосердствуйте г. Чалый! Вы или донкихотствуете, или мы васъ не можемъ понять.

Наконецъ вы говорите о несостоятельности церковно-приходскихъ школъ. «Извѣстно, говорите вы, что первые опыты «народнаго образованія не удались; какъ воскресныя школы по «своему ложно-понятому прогрессу, такъ и церковныя приход-«скія школы по своей застарѣлой рутинѣ на дѣлѣ оказались «несостоятельными.» Наконецъ то вы сознались, что воскресныя школы далеко не идеалъ, хотя долго думали противное, пока онъ, этотъ идеалъ

Не разцвѣлъ и отцвѣлъ,
Въ утрѣ пасмурныхъ дней,—

ложно-понятаго прогресса. Но пока о воскресныхъ школахъ довольно,—онѣ уже не существуютъ. Мы хотимъ разсмотрѣть церковно-приходскія школы, которыя г. Чалый называетъ несостоятельными. Странное дѣло! Какъ же это могло случиться, что состоятельный элементъ народнаго образованія, слава Богу, мало-по малу крѣпнетъ, принимаетъ характеръ состоятельный, сильный, стойкій? Это видитъ каждый, кто не одержимъ неду-

---

отпѣвали въ кіево-подольской Рождественской церкви многія другія лица изъ разныхъ сословій и націи, въ томъ числѣ и поляки и кромѣ г. Чалова говорили рѣчи даже лица, принадлежащія къ сословію вполнѣ консервативному. Ред.

гомъ отрицанія, или кто не увлекается мечтою сдѣлать въ три года народъ, ничему неучившійся, умнѣе самаго г. Чалаго.

Еще несостоятельнѣе причина несостоятельности церковно-приходскихъ школъ, указываемая г. Чалымъ: она, по его мнѣнію—въ безсознательномъ «чтеніи часослова и псалтиря.» Вы, г. Чалый, по видимому, такъ мало знакомы, даже кабинетно, съ церковно-приходскими школами, съ ихъ положеніемъ, что не знаете прямой и простой причины несостоятельности этихъ школъ. Эта причина,—въ недостаткѣ средствъ, необходимыхъ для школы, или лучше для обученія «земледѣльческихъ дѣтей,» а слишкомъ грубое или невѣжественное отношеніе ваше къ псалтири можетъ быть объяснено только тѣмъ, что вы, должно быть, или знакомы съ часословомъ только по наслышкѣ, или не знаете его прямо, по нерадѣнію, по равнодушію къ содержанію его. Между прочимъ, скажите Бога ради, что тамъ безсмысленнаго? Мы думаемъ, что, читая эту вдохновенную книгу, даже невозможно остаться безсмысленнымъ. Если есть тамъ славянскіе термины и фразы, требующія объясненія и непонятныя отъ непонятности предмета; то учитель обязанъ устранять и всегда устраняетъ эту темноту. И въ результатѣ этого обученія, какая богатая пища воспринимается умомъ и сердцемъ дитяти, какое обиліе *премудрости открывается младенцамъ*, быть можетъ, недовѣдомое господамъ Чалымъ.

Состоя въ должности причетника и проходя въ тоже время должность учителя сельской приходской школы, я знаю ихъ, конечно, лучше г. Чалаго, и чтобы, подобно ему, не стрѣлять холостыми зарядами голословной полемики,—стану на твердой почвѣ фактовъ, увѣряя всѣхъ и отвѣчая чѣмъ угодно и предъ кѣмъ угодно за ихъ несомнѣнность и непреувеличенность. Я перебралъ всѣ способы и методы при обученіи здѣшнихъ мальчиковъ и очень хорошо знаю, что они понимаютъ. Такъ разъ при чтеніи, по букварю Студитскаго, фразы: *пѣтухъ громко поетъ*, я спросилъ, кто это такой *пѣтухъ*? Всѣ они отвѣчали, что это пята на ногѣ, и только два сказали, что это *пивень*. Очевидно, если вы встрѣчаете и встрѣчали гдѣ либо мальчиковъ—школярей сельскихъ, непонимающихъ какого либо мѣста изъ часослова; то это не есть еще признакъ безсмысленности и безсознательности чтенія. Содержаніе часослова выработано самою душею человѣка. Оно составляетъ насущную

потребность слабаго и изнемогающаго человѣка, и потому мальчикъ, какъ ни мало развитъ, весьма многое понимаетъ изъ читаемаго. Что же касается фразъ и оборотовъ славянской рѣчи; то, переложивъ задаваемый урокъ на тотъ языкъ, на которомъ вы все объясняете вашимъ ученикамъ, или лучше на тотъ языкъ, на которомъ они лучше и удобнѣе могутъ понимать васъ, и урокъ изъ часослова и съ чего бы то ни было, поймется скоро. Только Бога ради, не говорите къ нимъ тѣмъ языкомъ, который сочиненъ разными господами для покойной, скоропостижно умершей, зарождавшейся малороссійской литературы; иначе дѣти ничего не поймутъ! Я давалъ своимъ ученикамъ (лучшимъ разумѣется) читать украинскія повѣсти: Чумакъ, Сонъ, о. Андрій и др., и они скоро отъ нихъ отказались, прося давать имъ что нибудь «*руськое, гражданьськое,*» какъ болѣе для нихъ полезное, нужное и даже понятное. Тогда какъ противъ изученія часослова и псалтири я не встрѣчалъ никогда, нигдѣ, никакого возраженія,—и даже замѣтилъ въ нихъ охоту къ чтенію этихъ книгъ. Правда, мальчики съ трудомъ усвояютъ объясненіе нѣкоторыхъ мѣстъ не только часослова или псалтири, но и всякой вообще отвлеченности; впрочемъ я скоро убѣдился, что при обученіи сельскихъ мальчиковъ необходимы, кое-какіе особенные, своеобразные пріемы. Если приведутъ къ вамъ мальчика въ школу,—пожалуста, не заставляйте его сразу заучивать буквы по какому бы-то ни было методу. Я пробовалъ всѣ методы: дѣлалъ *о* и *х* посредствомъ пальцевъ, *ф*, взявшись въ бока руками, и писалъ эти буквы на доскѣ, и процессъ чтенія шелъ удачно; въ послѣднемъ случаѣ даже удачнѣе, потому что написанное на доскѣ сберегалось, для справокъ и провѣрки очерка буквъ съ книгою, далѣе, чѣмъ буквы, составленныя какимъ либо другимъ, хотя хитрымъ, но эфемернымъ и для многихъ буквъ не пригоднымъ способомъ. Но пониманіе читаемаго все таки шло весьма и весьма трудно. При объясненіи урока мальчики большею частію могли повторять послѣднія слова фразы; такъ, наприм., когда я, говоря своимъ ученикамъ о сотвореніи міра, читалъ по методу изложенному священникомъ Соколовымъ въ Учителѣ 1861 г., это мнѣ кажется самый лучшій методъ, изъ всѣхъ, какіе у насъ есть, оканчивалъ фразу словами: «и такъ міръ, какъ видите дѣти, сотворенъ Богомъ изъ ничего; большинство

ихъ, стоя (во время объясненія молитвъ и св. исторіи мои ученики вопреки моему желанію, сами по себѣ вокругъ меня стояли) и какъ бы слушая, повторяли слово: *изъ ничего*. О чемъ я говорилъ вамъ, спрашиваю я; они преспокойно отвѣчали: *изъ ничего*. Я понялъ, что такіе отвѣты, есть слѣдствіе того, что мы сразу, лишь только пришелъ мальчикъ въ школу, даемъ ему читать азбуку. Мальчикъ, такимъ образомъ, привыкаетъ повторять за нами и наконецъ убѣждается, что знаніе пріобрѣтается только точнымъ повтореніемъ сказаннаго *учителемъ*, а какъ въ фразѣ, особенно періодѣ словъ много и мальчикъ не успѣетъ всѣхъ ихъ замѣтить и заучить, то и—повторяетъ послѣднее слово фразы. Такое простое наблюденіе навело меня на совершенно другой методъ (быть можетъ и слишкомъ своеобразный), а именно: читать практически логику. Позвольте передать самый процессъ этихъ уроковъ. Я беру какой нибудь предметъ, не существующій въ школѣ, а только представляемый учениками; напр., я спрашиваю какого нибудь ученика: у васъ есть гуси? Есть, отвѣчаетъ тотъ. А у васъ есть, спрашиваю другаго? Нѣтъ, отвѣчаетъ онъ. Однако вы знаете, что называется *гуской*? Знаемъ. Хорошо, раскажи мнѣ, спрашиваю я кого нибудь, какая *гуска* (гусь),—такая какъ этотъ шкафъ? Нѣтъ, отвѣчаетъ онъ. А какая жъ?—Это *птыця така зъ пирьемъ*, и т. д. и т. п. Я увѣренъ, что вы знаете къ чему дѣло клонится,—я просто-на просто стараюсь призвать въ работу не одну память, а больше мысль. Эта мысль, призванная къ работѣ (быть можетъ у иного, первый разъ съ роду), трудится этакъ недѣли двѣ; потомъ я перехожу къ буквамъ. Но и тутъ необходима таже мыслительная дѣятельность, какъ необходима она и при первоначальномъ изученіи алгебры. Необходимо, чтобы мальчикъ не только усвоялъ чертежъ буквы; но и понималъ ее въ связи съ словомъ человѣческимъ. Для этого съ логикою нужно читать ему кое-какъ и риторику. Правда это трудно и даже очень трудно для обоихъ сторонъ; но за то, подобное начало есть залогъ и основа самыхъ успѣшныхъ результатовъ.

Приготовленный, такимъ образомъ, мальчикъ, начиналъ учить молитвы и, когда побѣждалъ нѣсколько трудности процесса чтенія, принимался за писанье. При письмѣ, онъ копировалъ цифры, ознакомившись съ которыми, приступалъ къ

ариѳметикѣ, такъ что у насъ шли разомъ три занятія: молитвы, чистописаніе и ариѳметика. Молитвы удовлетворяли главной цѣли мальчика, какъ христіанина, онъ могъ молиться, по книжкѣ, и молился съ сознаніемъ читавшаго и съ усердіемъ, что я видѣлъ ежедневно въ школѣ при очередномъ чтеніи утреннихъ и вечернихъ молитвъ [1]). При этомъ мальчикъ пріучивался между прочимъ и къ чтенію. Самыя лучшія въ этомъ родѣ руководства, я нахожу кіевскіе лаврскіе букварн. Въ нихъ за молитвами слѣдуетъ краткій общепонятный и богатый содержаніемъ катихизисъ [2]). По окончаніи катихизиса, мы приступали къ св. исторіи ветхаго завѣта и географіи, какъ предметамъ взаимодѣйствующимъ, а потомъ уже къ часослову. Часословъ изучался такъ, что ученикъ обязанъ былъ въ день посвящать одинъ часъ на изученіе и пониманіе какого нибудь псалма,—большею частію изъ часовъ. Когда мальчикъ уже читаетъ въ церкви, онъ видитъ свою передовую, льстящую его и родителей его самолюбію, цѣль, и осуществленіе ея; у него является новая энергія, новое соревнованіе. Исторія ветхаго завѣта, географія, часословъ, ариѳметика и чистописаніе идутъ сподручно. Я употреблялъ на каждый изъ этихъ предметовъ каждый день, около часу. Къ тому еще я давалъ ученикамъ на домъ русскія пьесы Пушкина, Жуковскаго и др. и басни Крылова и Хемницера, и они, по вечерамъ и утрамъ (*досвиткамъ*), прочитывали ихъ у себя дома, за работою своихъ домашнихъ. Когда они, почти одновременно поканчивали всѣ эти предметы обученія, я начиналъ съ ними св. исторію новаго завѣта и этимологію русскаго языка (Березницкаго); затѣмъ орѳографію (писали подъ

[1]) Нужно обращать вниманіе, чтобъ они переставали молиться Богу такъ, какъ ихъ учатъ матери,—нужно выбивать изъ ихъ памяти молитвы въ родѣ слѣдующей: ослаби, остави, отпусты, препусты, недайся, поправся, яко человѣколюбецъ, алилуя, алилуя, алилуя и проч. и проч.

[2]) Я знаю,—мнѣ возразятъ насчетъ титлъ. Мы ихъ не учили. Въ этихъ букваряхъ есть для упражненія въ чтеніи слова безъ титлъ, по изученіи которыхъ, мы приступали къ молитвамъ и, на словахъ: Тр҃ца и друг. я говорилъ прямо Троица, объясняя при этомъ, какъ это можетъ выдти.

диктовку въ школѣ мѣста изъ рѣчей Спасителя) и, наконецъ, мы приступали къ синтаксису и реторикѣ. Въ послѣднемъ случаѣ мы разбирали по слогу сказку «о Еруславѣ Лазаревичѣ»; кромѣ того я давалъ ученикамъ прочитывать по нѣскольку разъ какую нибудь сказку или исторію и мои ученики потомъ записывали по памяти содержаніе этихъ сказокъ и разсказовъ на бумагѣ. Эти упражненія выходили очень удовлетворительны. Св. исторія новаго завѣта оканчивалась періодомъ апостольскимъ и я переносилъ взоръ моихъ учениковъ чрезъ $8^1/_2$ вѣковъ, на исторію Руси, пользуясь учебникомъ Ушакова. Вмѣстѣ съ тѣмъ я уже знакомилъ дѣтей съ нѣкоторыми физическими явленіями и законами природы и съ популярною геометріей. Послѣ вечернихъ молитвъ, прочитанныхъ очереднымъ ученикомъ, мы пѣли церковныя пѣсни, приготовляя по одной на каждую литургію, пока не выучили всей. Это явленія, самыя достовѣрныя, которыя можетъ и повѣрить кто угодно въ моей школѣ; но болѣе чѣмъ половина церковно-приходскихъ школъ лучше той, въ которой я учительствую; въ этомъ я вполнѣ увѣренъ. Если такъ, то гдѣ видѣлъ г. Чалый «одно безсознательное чтеніе часослова и псалтыри»! Если иногда, дѣйствительно, и приходится давать преимущество часослову и псалтыри предъ другими книгами; то это, съ одной стороны потому, что эти книги, какъ священныя и богодухновенныя болѣе необходимы и полезны для нашего поселянина, чѣмъ разсказъ «о сѣрой кобыли» или исторія «московськаго потрета» Основяненка. Хотя г. Чалый и говоритъ что «въ послѣдніе годы, крестьяне такъ выросли, что уже не «удовлетворяются однимъ знаніемъ славянской грамоты», но развѣ мы ставимъ эту грамоту рубикономъ обученія въ сельскихъ школахъ? Какъ видите, мы не забываемъ и другихъ предметовъ популярнаго знанія. Упираемъ же нѣкоторымъ образомъ на языкъ церковно-славянскій какъ потому, что это знаніе всего нужнѣе для простолюдина, такъ и потому, что въ этомъ знаніи выдается успѣхъ ученика всенародно, при чтеніи имъ въ церкви. Всякъ видитъ, что дитя его, уже кое-что знаетъ, что оно не даромъ ходитъ въ школу,—говоря, что «не кабинетно знакомы съ жизнью простолюдина,—жителя заднѣпровской Украины»,—обратили ль вы, г. Чалый, вниманіе на то, какъ рады наши простолюдины,—между которыми я родился и воспитался (въ г. Черкасахъ), жизнь которыхъ и семейная и обще-

ственная мнѣ знакома, лучше васъ,—какъ они рады, когда ихъ дѣти поютъ и читаютъ въ церкви по часослову и псалтири. Слѣдили ль вы за взоромъ поселянъ, за ихъ физіогноміями, полными восторга, за тѣмъ жаднымъ вниманіемъ, съ какимъ ловятъ они каждое слово молитвы или псалма, когда его читаетъ мальчикъ изъ среды ихъ самихъ? Ихъ восторгъ не рѣдко проявляется невольными, полукомическими ухватками и гримасами Поселянамъ пріятнѣе слушать, когда читаютъ ихъ дѣти, внуки, нежели самъ *дьякъ*, особенно старикъ, отъ частаго повторенія одного и того же, обмоловшій, такъ сказать, свой языкъ и въ самомъ дѣлѣ, читающій или не внятно или непонятно. Звонкій, дѣтскій голосокъ, говоритъ громко и сладко уму и сердцу отца, матери, плѣняетъ ихъ простыя, набожныя, любящія души ни съ чѣмъ, несравненною мелодіей. Короче: вамъ, г. Чалый такъ только кажется, мерещится, что въ нашихъ церковно приходскихъ школахъ все идетъ, по застарѣлой рутинѣ, все несостоятельно, безсмысленно, тогда— какъ самое дѣло доказываетъ противное, наглядно уличаетъ васъ *въ сочинительствѣ*...

Укоривъ духовенство въ несостоятельности школъ имъ открытыхъ и пріемахъ преподаванія, г. Чалый, поставляетъ ему въ примѣръ и образецъ подражанія немногія школы, заведенныя въ кіевской губерніи вѣдомствомъ министерства народнаго образованія, которыя, по его мнѣнію, «удовлетворяя всѣмъ условіямъ сельскаго быта (какъ это—и рыболовлѣ и земледѣлію и проч. и проч.?), вполнѣ соотвѣтствуютъ (вотъ какъ!) запросу крестьянъ на образованіе». Полно—такъ ли, г. Чалый?! Къ чему писать автопанегирики, слишкомъ рѣзко противорѣчащіе дѣйствительности! Если бы намъ неизвѣстны были эти школы; быть можетъ, мы вамъ повѣрили-бъ. Но, намъ приходилось посѣщать нѣкоторыя изъ этихъ школъ, съ цѣлью научиться разнымъ пріемамъ и методамъ преподаванія. Такъ я былъ 29 января 1864 г. въ Б.......ской школѣ, гдѣ кромѣ казенщины и, кое какого отсутствія недостатка въ матеріальныхъ средствахъ ничего, не замѣтилъ особеннаго. Каждаго почти ученика и каждую ученицу я спрашивалъ расказать то, что они читали въ то время, но они, къ сожалѣнію, ничего не отвѣтили. Правда, одинъ изъ учениковъ кое-что отвѣчалъ, но отвѣтъ былъ чисто казенный. Такъ на вопросъ, кто таковъ

былъ Іеремія (жизнь котораго онъ въ ту пору читалъ), спрошенный отвѣчалъ: «это былъ человѣкъ большой и умный.» Мнѣ хотѣлось знать, насколько эти дѣти въ сравненіи съ моими учениками знакомы съ географіей,—я взялъ глобусъ и кое что спросилъ ихъ. Болѣе, вѣроятно, бойкій изъ нихъ отвѣчалъ, что это маленькая земелька, которая до обѣда вертится перпендикулярно, а послѣ обѣда горизонтально. Такой отвѣтъ озадачилъ меня, я полюбопытствовалъ услыхать отъ мальчика хоть объясненіе словъ: горизонтально и перпендикулярно, но онъ затруднялся отвѣтомъ, а учитель (новый Коперникъ) тоже не могъ, какъ видно, помочь невѣдѣнію ученика. Я хотѣлъ кое-что разъяснить ученикамъ по этому предмету,—да вспомнилъ пословицу: «съ своимъ уставомъ въ чужой монастырь не ходи....» Былъ я, по непредвидѣнному случаю, и въ В......скомъ училищѣ, гдѣ въ ту пору былъ учителемъ нѣкто К., кіевскій мѣщанинъ. Въ прошедшіе контракты онъ былъ сидѣльцомъ въ рыбномъ балаганѣ, а до выступленія на педагогическое поприще лѣтомъ удилъ рыбу на приднѣпровской пристани въ Кіевѣ; въ зимнее же время,—бродилъ по Кіеву, да дрался съ женой каждый день: не смиренъ, выходитъ, въ хмѣлю. Я его знаю потому, что мнѣ суждено было занимать въ домѣ его матери квартиру цѣлый годъ. Неужто, подумалъ я, педагогическая школа могла развить такого человѣка и исправить его нравственность за 6 мѣсяцевъ? И вотъ, при встрѣчѣ съ отцемъ одного изъ учениковъ я узналъ, что сынъ его «знае пысаты лычбу, та ще-де-«що, Богъ его святый знае й що.» Между прочимъ на вопросъ, какъ онъ молится Богу? отецъ отвѣчалъ, «*та ще молыця материному Богу,*» т. е. такъ, какъ мать научила. Да й якъ же винъ, хочь бы й самъ вчытель буде ихъ вчыты молыця,—колы, ма буть, чы й самъ вміе.—Хтожъ у васъ учителемъ? спросилъ я.—Якійсь зъ Кіева наданный, та тильки, пробачайте въ симъ слови, пье та зъ жинкою коверзуе.» Нѣтъ спору, что забота министерства объ образованіи народа весьма благодѣтельна, по своему намѣренію, но на самомъ дѣлѣ народъ не слишкомъ доволенъ выполненіемъ условій и пріемовъ, (чиновничьихъ чисто), насилующихъ народную массу ея желанія, ея чувства. Кромѣ того, что я сказалъ и еще скажу по этому поводу, считаю здѣсь не лишнимъ указать еще на весьма резонную и переполненную фактами статью Г. Е. Крижа-

новскаго, помѣщенную въ 11 кн. (1863 г. III отд.) юго-западнаго Вѣстника.

И вы г. Чалый еще рыскуете сказать, что «если бы всѣ «церковно-приходскія школы какими нибудь судьбами доведены «были до такой нормы (сохрани Богъ!); то онѣ далеко не «удовлетворяли бы вопіющимъ потребностямъ южно-русскаго «народонаселенія (серьезно?), для котораго въ настоящую минуту «необходимо болѣе широкое образованіе, нуженъ болѣе надежный «оплотъ противъ наплыва чужой и притомъ болѣе цивилизова-«ной??!!! національности». Ну ужъ позвольте усумниться! Неужели вы думаете, что окончившій курсъ семинаріи, какъ сельскій учитель, не больше сдѣлаетъ, чѣмъ исключенный изъ семинаріи или гимназіи конечно не напрасно? Каждый почти изъ нихъ пропитанъ на сквозь идейками бродячого нигилизма, которыми щеголяетъ теперь молодое поколеніе по разнымъ публичнымъ мѣстамъ. Эта забракованная учебнымъ вѣдомствомъ молодежъ, по изгнаніи изъ училища, наслаждается полнымъ просторомъ въ теоріи и на практикѣ: для нихъ законъ не писанъ. Пройдетъ этакъ мѣсяца два три, и изгнаный школьникъ, или же солдатъ, лакей, кучеръ, неразъ отличившійся, съ пяныхъ глазъ, храбростію въ кулачномъ бою между товарищами,—переводитъ на деньги послѣднія средства: одежду, постель, книги и т. п. вещи и, спустивъ послѣднія въ трубу (техническое выраженіе), прибѣгаетъ подъ покровъ министерской педагогіи и, получивъ очень выгодное денежное обезпеченіе, отправляется куда нибудь педагогомъ, съ надеждами приготовиться въ университетъ на свѣжемъ деревенскомъ воздухѣ и т. п. И смѣхъ и плачь! До какой »нормы« доведутъ эти личности, народныя школы, а Богъ вѣсть. Вотъ тотъ «болѣе надежный оплотъ противъ «наплыва чуждой и притомъ болѣе цивилизованной національ-«ности!» Намъ кажется, что этотъ оплотъ, скорѣе способенъ *сплачиваться* съ разными офиціалистами при барскихъ дворахъ, которые болѣе и скорѣе всего, какъ поляки или ренегаты, возсочувствуютъ изгнаннику изъ русскаго «московскаго» вѣдомства и протянутъ ему свои національныя объятія, нарядивъ его въ какого нибудь *мана*. Въ такихъ ласкахъ и въ такомъ случаѣ, изганникъ-педагогъ, можетъ сдѣлаться какъ личность офиціальная-казенный учитель, рычагомъ пропаганды въ средѣ народа; и если *нелишенъ* способности болтать и хитрить; то,

пожалуй, успѣетъ и посѣять какіе нибудь плевели. Но половина ихъ (всѣхъ ихъ, слава Богу, еще только 20 человѣкъ), имѣютъ одно лишь поползновеніе.... Не оплотъ ли они съ этой стороны противъ безнравственности и полонизма?

Если вы находите »оплотъ« въ этихъ личностяхъ; то, позвольте сказать нѣсколько словъ и мнѣ, какъ причетнику и учителю, что нашъ братъ, говоря безъ самохвальства, далеко надежнѣе этого оплота. Насъ не поймаетъ, насъ не купитъ никакая пропаганда ни полонизма, ни хохломаніи, ни нигилизма и либерализма. Правда, мы не въ силахъ уловить всѣхъ затѣй пропаганды, но за то мы хоть сами не пропагандируемъ. Мы сообщаемъ народу то, что знаемъ и что можетъ служить ему въ прокъ, — знакомимъ, при случаѣ, его съ волею Монарха и правительства на столько, на сколько сами ее понимаемъ. Въ школахъ мы учимъ часослову и псалтири, пѣть въ церкви, писать, считать, расказываемъ св. исторію, катихизисъ, преподаемъ географію и русскій языкъ; собщаемъ порой ученикамъ что нибудь и больше,—программы, опредѣленной у насъ еще нѣтъ, но главное въ нашихъ школахъ то, что мы не научимъ ничему худому, не испортимъ ни ума, ни сердца дитяти. А поживемъ, поучимъ долѣе, научимъ и больше. Народъ вѣдь и чрезъ сто лѣтъ еще не узнаетъ всего того, что мы знаемъ и чѣмъ считаемъ себя обязанными съ нимъ подѣлиться. Не станемъ спорить, что въ педагогическомъ училищѣ, при гимназіи, ученики могутъ, и должны оказать лучшіе успѣхи, имѣть больше познаній, учителя люди образованные, спеціалисты? Но къ чемуже, г. Чалый, вы сравниваете свою при гимназіи школу, съ другими, открытыми министерствомъ народнаго образованія въ гимназіи? Странное сравненіе! Не всѣ же Наполеоны и Александры Македонскіе!.... Но я въ все-таки знаю навѣрное, что и въ вашей школѣ не дадутъ всего того, что даютъ многія школы, заправляемыя духовенствомъ.

Мы, какъ-то увлеченные идеею народнаго образованія, привыкли навязывать народу наше собственное сознаніе необходимости образованія его; тогда какъ большинство его, еще относится къ этому дѣлу безразлично, или же съ различными предубѣжденіями. Вы говорите, что крестьяне приходили къ вамъ въ квартиру,... а я самъ, не хвалясь скажу, ходилъ почти цѣлую осень къ нимъ въ дома, и то съ трудомъ могъ

собрать десятка полтора мальчиковъ. Чѣмъ объяснить подобныя крайности? Конечно, онѣ много зависятъ отъ обстоятельствъ школы и обстановки поселянъ. Въ иной деревнѣ народъ богаче, а въ другой бѣднѣе; въ иной больше жителей и школа стоитъ въ центрѣ села, а въ другой, разбросанной по горамъ, лугамъ и хуторамъ, сообщенія трудны; слѣдовательно меньше должно быть желающихъ и могущихъ посѣщать школу. Правда, народъ теперь больше чѣмъ прежде сознаетъ пользу образованія; но этихъ сознающихъ, къ сожалѣнію, еще мало, и рѣдко вы между ними встрѣтите, чтобы личности, выдѣлившіяся изъ ихъ среды образованіемъ, были подмогою въ трудныхъ обстоятельствахъ семьи и не были бы омелою на дубѣ, чужеядным растеніемъ, каковы къ сожалѣнію, наши палатскіе волостные писари и другіе чиновники сельскіе. Большинство крестьянъ, съ понятіемъ *сдѣлать сына человѣкомъ*, соединяетъ именно эти должности, со всѣми ея привиллегіями и недостатками. Шельменки не изъ среды народа выходятъ такими; а получаютъ уроки путемъ наблюденія за продѣлками закаленныхъ въ крючкодѣйствѣ секретарей, столоначальниковъ и другихъ чаркодуевыхъ и грошолуповыхъ. У крестьянъ государственныхъ имуществъ образовалось даже убѣжденіе, что образованіе поселянина, есть средство къ его чиновности и обогащенію; они слишкомъ далеки отъ той мысли, что образованіе есть условіе экономическаго и политическаго благополучія въ быту сельскомъ, есть нравственное, а не чиновничье облагороженіе человѣка—христіанина. По сношенію и взаимному дѣлежу убѣжденій, похожее мнѣніе образовалось и въ умахъ крестьянъ—собственниковъ. Очевидно, на насъ лежитъ прямая обязанность прежде всего поколебать такое причудливое и казенное убѣжденіе народа, не ясно еще сознающаго всю силу тяготѣнія надъ нимъ Шельменковъ и тщесность формированья ихъ изъ своихъ дѣтей. И къ сожалѣнію ученики палатскихъ училищъ, получаютъ иногда такой взглядъ на образованіе въ самомъ училищѣ. Мы всѣ трудящіеся въ дѣлѣ народнаго образованія, должны клеймить всякаго изъ своихъ сотрудниковъ, если его занятіе по школѣ состоитъ, или въ приготовленіи Шельменковъ, или, какъ это было очень недавно въ одномъ изъ палатскихъ же училищъ въ м. Р., гдѣ наставникъ М. Б. приказывалъ носить въ школу живыхъ корешковъ за неисполненіе приказанія строго взыскивалъ съ уче-

никовъ. Принесенныя кошки, тутъ же въ училищѣ вѣшались и по снятіи съ нихъ кожи, оставляли ихъ на шубы наставника и наставницы, состоявшихъ между собою въ интимныхъ отношеніяхъ. Да, нашъ долгъ собща клеймить уродовъ въ семьѣ нашей, обличать, изгонять изъ своей среды, согласно божественной заповѣди; *измите злаго отъ васъ самихъ*, вмѣсто того, чтобы пятнать и безчестить, безъ всякаго повода и основанія цѣлое сословіе и вѣдомство изъ предубѣжденія или изъ неудовольствія къ нему за его честность, консерватизмъ и бодростояніе на стражѣ неприкосновенности, цѣлости православія и стойкой защиты Христова стада отъ подкрадывающихся къ нему волковъ и медвѣдей. Правило не безъисключенія; но заключать отъ исключенія къ правилу, отъ частнаго къ общему слишкомъ не логично. Теперь особенно, когда характеръ прогрессивныхъ идей принимаетъ колоритъ демократическій, болѣе чѣмъ неумѣстна такая жалкая враждебность къ тому, что не я. Такъ-то, г. Чалый! Во всякомъ дѣлѣ и во всякой вещи есть различныя стороны, есть лице и изнанка. Или у васъ, по пословицѣ, можетъ быть, и шилю брѣетъ, а у насъ такъ и бритва не беретъ?

Духовенство принялось за дѣло народнаго образованія энергически и, слава Богу, пока еще не ослабѣваетъ въ своемъ честномъ и безкорыстномъ подвигѣ, хоть большинство его стѣсняется недостаткомъ матеріальныхъ средствъ къ благосостоянію школы. Оно уже сдѣлало очень много, и если ему мѣшать не станутъ, я глубоко убѣжденъ, что, въ самое короткое время, оно доведетъ до гораздо лучшей нормы свои церковно-приходскія школы, чѣмъ кто либо другой, какіе либо другіе. Вѣдь мы до сихъ поръ не упоминали еще о священникахъ, получившихъ полное семинарское образованіе, образованіе далеко шире и спеціальнѣй образованія гимназическаго. Они все таки и по своему положенію и по образованію, безконечно лучше, способнѣе, надежнѣй и благонамѣреннѣе вышеуказанныхъ педагоговъ, которыхъ вы, должно быть шутя, называете оплотомъ нашей народности; тогда какъ самая-то народность эта имъ менѣе извѣстна, чѣмъ мнѣ доисторическій бытъ Карѳагена.

Указывая »на прошедшіе опыты польскихъ іезуитовъ, за»думавшихъ полонизацію южно-русскаго народонаселенія, и по»тому напиравшихъ на духовную, умственную и нравственную

народную силу, » вы даже въ этомъ важномъ историческомъ подвигѣ, въ этой борьбѣ папизма съ православіемъ, и сключаете духовенство. Хотя явно и не анаѳематствуете его; но за то и неупоминаете о немъ; тогда какъ только оно одно, съ своею незабвенною кіевскою академіею, было стражемъ и оплотомъ отъ наплыва происковъ и идей іезуитской пропаганды. Вы, кажется, »слона-то и не примѣтили«!.... Съ той поры и до послѣдняго времени сколько перенесло наше духовенство, особенно сельское, вмѣстѣ съ народомъ, отъ вліянія полонизма! Обратимъ вниманіе на недавнее прошедшее. Помѣщикъ католикъ, какъ деспотъ, гнетущій своихъ крестьянъ, имѣлъ доселѣ силу и голосъ, заглушавшій голосъ приходскаго священника. О! если бы намъ были извѣстны дѣла консисторскихъ и не консисторскихъ архивовъ, какъ много расказалибъ онѣ намъ поучительнаго, трогателнаго. Поля, эрекція, усадьбы церковныя, которыми пользовалось сельское духовенство съ самой давней поры, все когда-то перешло въ руки помѣщиковъ. Ябеды и клеветы на сельскихъ священниковъ, старавшихся по силамъ облегчить тяжелый крестъ крестьянъ, [1]) лишали ихъ мѣстъ и нерѣдко доводили до эпетимій. Чувствительные уроки исторіи полонизаціи здѣшняго края, прочувствованы сельскимъ духовенствомъ гораздо сильнѣе, чѣмъ кѣмъ либо другимъ. Многіе и многіе постыдно поддались пропагандѣ; а туземное духовенство непоколебимо устояло и до конца Россіи устоитъ въ православіи и русской народности. Но вы, г. Чалый, все обошли мимо, не потому что вы всего этого не знали, а быть можетъ, изъ какихъ нибудь заднихъ цѣлей.

Въ пору развитія такихъ высокихъ предначертаній, каковы задачи нашего времени, нужно, говорите вы »дѣйствовать дружно, энергически«, и тутъ же обвиняете духовенство за его энергію. Сейчасъ же, продолжаете вы, что при такой обстановкѣ дѣлъ, каковы дѣла наши »никакому личному самолюбію »не должно быть мѣста... сословная вражда и предразсудки »должны исчезнуть. Всякій, кто чѣмъ можетъ, долженъ дѣй»ствовать, по мѣрѣ силъ и способностей, имѣя въ виду одну »цѣль: господство русской народности. Школа, проповѣдь, кни»га, статья, денежное пособіе учащимся, все пойдетъ въ

---

[1]) Крестъ и крестьянинъ,—замѣчательное созвучіе! Ред.

дѣло...» Все это истины общеизвѣстныя; но зачѣмъ же вы-то сами затѣваете эти сепараціи, эту кастическую вражду? Зачѣмъ даете просторъ вашему личному самолюбію? Мы дескать прогрессисты, а духовенство рутина, несостоятельность и безсмысліе. Духовенство себѣ учило и просвѣщало искони народъ русскій потому, что это его дѣло, потому что ученье его совпадало съ нуждами и симпатіями народными. Но какъ же ему-то одному предоставить честь народныхъ учителей! Начнемъ мы просвѣщеніе *народное*? Во что бы то ни стало и намъ нужно учить народъ. Но такъ какъ школы народныя существуютъ уже чуть ли не во всякой деревни; то нужно закидать эти школы грязью, чтобъ имѣть основаніе для открытія какихъ-то другихъ. Не такою ли логикой руководитесь вы г. Чалый? Жалкая логика! Говоря о школахъ, проповѣдяхъ, денежныхъ пособіяхъ, дорогихъ и важныхъ въ настоящую пору, вы въ тоже время съ необъяснимымъ презрѣніемъ относитесь къ духовенству, тогда какъ оно все это выполнило прежде другихъ добросовѣстно, не въ теоріи или совѣтѣ, а на самомъ дѣлѣ. Странное сочетаніе отрицаній!

Вы призываете всѣхъ и каждаго, чтобы «всякій по мѣрѣ «силъ и способностей своихъ дѣйствовалъ чѣмъ только можетъ «къ господству русской народности», но (такъ видно изъ контекста) лишь бы только не духовенство. Оно должно быть для васъ, что солнечный свѣтъ для совиныхъ глазъ.

Возбудить и правительство и общество къ посильному пожертвованію на степендіи для крестьянскихъ дѣтей, имѣющихъ поступить въ гимназію, »въ лицѣ которыхъ въ непродолжи»тельное время выростетъ грозная сила, способная бороться съ »враждебными ей стихіями, и не только пожертвованія на »степендіи для будущихъ гимназистовъ крестьянъ, но и по»жертвованія школами, проповѣдями, книгами и т. п. необходимо со стороны общества, чтобъ было гдѣ и на чемъ приготовлять ихъ для поступленія въ гимназію, вотъ, кажется задача статьи. Но какимъ образомъ сюда вошли: и духовенство съ своею застарѣлою рутиною, крайнею несостоятельностію въ дѣлѣ народнаго образованія, навязывающее крестьянскимъ мальчикамъ одно безсмысленное чтеніе часослова и псалтири, и кіевская педагогическая школа, приготовляющая извѣстный намъ уже »оплотъ противъ наплыва чуждой народности« и опасенія автора

вісчеть высказанныхъ имъ мѣръ къ улучшенію народнаго образованія и еще кое-что другое? Если бы мѣры, высказанные г. Чалымъ, не имѣли за собою заднихъ мыслей, онѣ были бы хороши, хоть и не новы. Но г. Чалый отъ чего-то боится за нихъ. «Пользу мѣръ, высказанныхъ мною (говоритъ онъ) «могутъ отвергать, или кабинетный ученый, никогда не жив- «шій съ народомъ, или человѣкъ, по своимъ сословнымъ «предразсудкамъ, загораживающій дорогу къ общечеловѣчес- «кому образованію земледѣльческому классу, (слогъ г. Чалаго) «изъ боязни, чтобъ (ы) дворяне не остались безъ куска хлѣба, «или (,) наконецъ, какой нибудь донкихоствующій, всероссій- «скій патріотъ, страдающій мѣстною болѣзнію, извѣстною подъ «именемъ *хохлофобіи*, которому постоянно мерещу(а)тся «какія-то опасныя тенденціи, заднія мысли, сепаратизмъ, казач- «чина, и т. п. страхи».

«Эгоистичныя разсчеты и близорукія сужденія людей, всѣхъ «этихъ трехъ категорій, по моему мнѣнію, (нечего сказать— «компетентное и безпристрастное мнѣніе!) не заслуживаетъ «серьёзнаго опровержения.»

Оставляя въ покоѣ первыя двѣ категоріи людей; такъ какъ первая и въ самомъ дѣлѣ далека отъ житейскаго быта поселянъ, а другая не безъ Простаковыхъ, мы хотимъ остановить нашу мысль на «донкихотствующихъ всероссійскихъ патріотахъ, «которымъ мерещутся тенденціи, сепаратизмъ, казатчина и т. «п. страхи.» Не смѣемъ думать, чтобъ авторъ подразумѣвалъ въ послѣдней категоріи литературныхъ борцовъ противъ хохломановъ и хохломаніи; но нельзя и думать иначе. Потому что, если кто, то именно они, эти борцы противъ хохломановъ и другихъ равныхъ *мановъ*,—могутъ назваться этимъ именемъ,—они берегутъ русскую народность, они горячо сочувствуя единомыслію своего широкаго отечества, зорко подмѣчаютъ всякую рознь его недѣлимыхъ, всякую привизну направленій, отъ ихъ взора не укроется никакая *манія*, они какимъ-то особымъ чутьемъ сразу и безъ промаха попадаютъ въ цѣль, подмѣтятъ всякій сепаратизмъ, всякую пропаганду, будь она ляхоманская или хохломанская. И подмѣченные страхи, не страшны для нихъ, а для кого либо другаго; потому что они метко и безпощадно разятъ всѣхъ пропагандистовъ. Если подъ именемъ «донкихотствующихъ, всероссійскихъ патріотовъ», вы, г. Чалый, разу-

мѣсте именно антимановъ, враговъ всякой злотворной пропаганды, въ томъ числѣ и хохломаніи; то вы, мимо своей воли, показываете лицевую сторону своего товара,—и ваша статья походитъ на ту украинскую свитку, для которой и чернаго сукна недостало и бѣлаго было мало. Вы, очевидно, неравнодушны къ этимъ патріотамъ; вамъ хотѣлось бы, чтобъ они не были всероссійскими, вы относитесь къ нимъ горячо, вы бранитесь; слѣдовательно вы неправы,—слѣдовательно эти патріоты, сражаясь съ принципомъ, нечаянно ранили и его защитниковъ вообще и попали въ самый чуткій нервъ, въ самое больное мѣсто вашего духа—вчастности. Задавшись серьезнымъ и весьма важнымъ вопросомъ и рѣшивъ его односторонне и даже эгоистично,—вы таки не умолчали о томъ, о чемъ больше всего печалитесь и что составляетъ квинтъ-эссенцію вашихъ думъ, услаждающихъ или печалящихъ вашу козацкую душу. Оставьте, ради Бога, въ покоѣ эту стародавнюю покойную козатчину! Она, какъ все періодическое и эфемерное, какъ подвижная стѣна окраины или Украины, не могла существовать долго и самостоятельно, должна была сдвинуться съ мѣста, вмѣстѣ съ передвиженіемъ самой окраины. А окраина эта очутилась чуть—не въ центрѣ нашего отечества. Оторванная была отъ родной всероссійской семьи несчастными обстоятельствами, тяготившими надъ нею и сѣверовосточною Россіею, она хотѣла найдти гдѣ нибудь опору для своего существованія. И вотъ, прежде всего, она попробовала собственныя силы, а такъ какъ онѣ были слабы, а всякая посторонняя помощь положительно вредна; то лучшаго исхода козатчина не нашла, какъ возвратиться къ семьѣ родной. Вѣрьте, что Богданъ Хмельницкій далеко обнялъ взоромъ будущее Малороссіи; онъ хорошо понялъ опасность ея положенія между сосѣдями, каковы, съ одной стороны, поляки, съ другой татары, а съ третьей нѣмцы. Онъ ясно видѣлъ, что не опершись на Великороссію, Малороссія не можетъ спасти ни своей вѣры, народности, ни политическаго бытія, что ея жизнь, ея сила—въ единовѣрной и единокровной съ нею сѣверо-восточной Россіи. Но многіе мечтатели не видятъ этого, не знаютъ, имѣютъ коекакія отрывочныя и превратныя понятія о быломъ здѣшняго края, сами плачутъ и заставляютъ другихъ плакать о мнимомъ счастіи своихъ предковъ—мучениковъ, строютъ воздушные замки, а тѣхъ, которые видятъ въ нихъ людей нравственно-боль-

ныхъ, которые зорко слѣдятъ за каждымъ шагомъ ихъ пропаганды, упрекаютъ въ томъ, что этимъ людямъ мерещились, то сепаратизмъ, то козатчина и т п., тогда какъ всѣ эти лица мерещатся только поклонникамъ и сотрудникамъ «Меты» и прочимъ хохломанамъ.

До открытаго возстанія шляхты, думали и говорили не разъ и мы, а особенно поляки, что ихъ демонстраціи—ребяческія затѣя, такъ что почти одинъ Юго-западный Вѣстникъ, говорилъ противное. Большинство общества смотрѣло на эти затѣи сквозь пальцы, надѣясь въ случаѣ крайности, обратиться къ силѣ. А между тѣмъ поляки и всѣ ополяченные субъекты, довольные подобнымъ воззрѣніемъ общества и слабостью его надъ собою опеки, старались еще сильнѣе поддержать, лестью и другими пропагандирующими пріемами, въ русскомъ обществѣ такое мнѣніе о польскихъ манифестаціяхъ, подготовляя въ тоже самое время ружья и пули противъ Россіи. Администрація почти также смотрѣла на то явленіе, надѣясь, должно быть, на русскія силы, такъ что польская революція застала насъ почти врасплохъ. Такъ въ одномъ изъ циркуляровъ администраціи говорится: «мы давно слышали, что въ краѣ водятся по- «ляки, мечтающіе отложиться отъ Россіи, слышали; но намъ не «вѣрилось, насъ предупреждали (найболѣе юго-западный Вѣст- «никъ), что готовится попытка возстанія, но мы сомнѣвались, «и вотъ наконецъ, къ крайнему изумленію, она дѣйствительно «состоялась.»

Правда, мы побѣдили, какъ и должно быть, поляковъ, но мы побѣдили однихъ только повстанцевъ; а полонизмъ все таки тлѣетъ среди насъ и, наряжаясь, быть можетъ, въ хохломанію и другіе видимые и невидимые маскарадные костюмы. Но теперь кому бы то ни было трудно предъ нами сберечь такъ ловко свое инкогнито, какъ прежде, мы сдѣлались зорче и осторожнѣе, а администрація и того больше. Хотя она допускаетъ пока хохломановъ и хохломанію даже къ общественной дѣятельности, но мы вполнѣ увѣрены, что попытка хохломановъ перейдти отъ пропаганды къ дѣйствіямъ не застанетъ администрацію неготовою къ ея подавленію. Да и мы съ своей стороны не слишкомъ будемъ полагаться на честность людей, увѣряющихъ насъ, что мы «гоняемся за одними» яко бы «сепаратическими призраками» (см. День 1864 г. № 6. Отвѣтъ

Костомарова Волницу). Смотрѣли мы разъ сквозь пальцы на одинъ сепаратизмъ, и будетъ съ насъ. Мы ясно видимъ причину, почему вамъ угодно было назвать насъ донкихотствующими всероссійскими патріотами, гоняющимися за одними призраками тенденцій, сепаратизма, казаччины и т. п. Что затѣи хохломановъ, пока еще продуктъ больнаго воображенія, это съ одной стороны правда,—но что онѣ существуютъ, это аксіома. Юго-западный Вѣстникъ имѣетъ такъ много данныхъ для подтвержденія этой аксіомы, что сомнѣваться въ ней теперь значитъ,— закрывать умышленно глаза, затыкать уши, чтобы не видѣть того, что дѣлается вокругъ насъ, не слышать, что говорятъ намъ. Одно уже то, что тѣло Шевченка встрѣчали и провожали такъ шумно, наговорили въ стихахъ такъ много мечтательныхъ вещей; одно уже то, что я имѣю честь полемизировать теперь съ г. Чалымъ, доказываетъ то, что хохломанія—не миражъ, а сражающіяся съ нею не Донкихоты. Я не утомляю вниманія читателей повтореніемъ того, что извѣстно всѣмъ, а только, какъ человѣкъ, живущій въ средѣ туземнаго простолюдья, скажу, что кромѣ заявленныхъ уже Вѣстникомъ фактовъ несомнѣнности существованія хохломанской пропаганды, я подмѣтилъ кое-какіе, еще не преданные гласности. Вотъ наприм.; какую пѣсню пустила эта пропаганда въ ходъ между народомъ:

Вже билше литъ двисти
Якъ козакъ въ неволи....

. . . .

Далѣе козакъ вызываетъ долю изъ водъ днѣпровскихъ; но, вѣроятно, эти воды оказались глухи къ его зову, и вотъ, пѣсня начинаетъ проклинать Богдана (Хмельницкаго),—безсмертнаго Богдана, осчастливившаго Малороссію, и называетъ убійцею Украины. Наконецъ поэтъ подслушиваетъ разговоръ, между вѣтромъ и пустынными лугами Днѣпра, призывающій козака отъ плуга къ ножу, подобно Зализняку, на месть москалю..... Но нѣтъ, не могу продолжать этой гнусной пѣсни, хотя, къ сожалѣнію, знаю все ея содержаніе.... Другая начинается куплетомъ:

Ой изъ за горы, ой изъ за кручи,
Да рыплять мажи йдучи;
А по переду коваченько,

Выгукуе йдучи:

Украино! Украино!...... Этотъ козаченько къ чему только не призываетъ Украину?! Третья пѣсенька есть пародія на могильные сходки, уже отпечатанные въ «Метѣ.» Слава только Богу, что пѣсни хохломановъ очень туго распространяются въ народѣ. Нашъ малороссъ, вопреки желанію хохломановъ, всегда старается заучить гдѣ нибудь великорусскую пѣсеньку,—или отъ солдатъ, или отъ великороссійскихъ мужичковъ,—извощиковъ, плотниковъ, офеней и т. п., извѣстныхъ у насъ въ народѣ подъ общимъ именемъ: *кацаповъ*; а у хохломановъ,—подъ именемъ москаливъ. Но одни только хохломаны держатся теоріи Духинскаго и другихъ ляхомановъ и называютъ Великороссію Москвою, а великороссовъ москалями; туземный народъ не такъ ихъ называетъ, какъ мы уже сказали. Съ именемъ Москва, народъ соединяетъ представленіе столичнаго города, знакомаго ему по разнымъ историческимъ преданіямъ; а особенно по войнѣ 1812 года, гдѣ много изъ нашихъ земляковъ, заднѣпровскихъ украинцевъ, участвовало въ милиціи. Москалемъ же у народа называется и родной отецъ и братъ и сынъ, коль скоро онъ солдатъ, и вообще военный человѣкъ. При этомъ названіи хохломаны,—какъ ублюдки польской пропаганды, какъ орудіе Мѣрославскихъ, одною изъ причинъ этого искаженія названій считаютъ слѣпое подражаніе жонду. Не полагайтесь паничи въ свиткахъ и безъ свитокъ, на неразвитость нашего народа! Онъ хорошо знаетъ,—откуда вѣтеръ вѣетъ. Вѣрьте, что онъ не хочетъ и слушать вопіющаго въ пустыни козака, отрицательно киваетъ головой на зовъ донкихотствующаго прощалыгу,—сѣтующаго на берегахъ Днѣпра.

Впрочемъ это уже отчасти поняли и гг. хохломаны. И вотъ они заходятъ съ другой стороны, со стороны народнаго образованія. Дайте, говорятъ они, намъ для образованія «крестьянскихъ дѣтей, и въ лицѣ ихъ выростетъ въ непродолжительное время грозная сила, способная бороться съ враждебными ей стихіями (какими, чьими?). Благодѣтели, подумаешь!... Но чтобы никто не мѣшалъ имъ образовать нарѣчіе по своему, они, т. е. гг. хохломаны стараются сначала устранить отъ народнаго образованія духовенство, которое, по мнѣнію хохломановъ, оказалось «несостоятельнымъ по своей застарѣлой (?) рутинѣ. Потомъ намекаютъ «на кабинетныхъ ученыхъ никогда

не жившихъ съ народомъ, и какъ бы лишнихъ для него; заговорили наконецъ и о «донкихотствующихъ всероссійскихъ патріотахъ, которымъ мерещутся какія то (?) опасныя тенденціи, заднія мысли, сепаратизмъ, казаччина и т. п. страхи.» Думая, что уничтожили всѣхъ этихъ котрагентовъ хохломаніи, вы, г. Чалый, возмечтали, что вы уже единственный просвѣтитель народа и, вѣроятно, про себя шептали нашу малорусскую поговорку:

Мы-то кислыци,
Зъ насъ-то квасъ!

Толкуйте себѣ гг. хохломаны, что угодно; но бойтесь, чтобы не попасть, подобно ляхамъ, въ ту самую яму, которую вы копаете другимъ!......

Сельскій учитель Мартиніанъ Словачевскій.

21 марта, 1864 года.

ЮГО-ЗАПАДНЫЙ ПОЛЬСКІЙ МИРАЖЪ.

ПОВѢСТЬ.

(Продолженіе.)

ГЛАВА V.

Печаленъ былъ старикъ Мондровскій, послѣ того какъ оставилъ шумную толпу въ залѣ и очутился въ своемъ кабинетѣ; онъ сѣлъ въ кресло и задумался. Мысли его безпорядочной толпою туманили голову. Рожденный въ богатствѣ, одаренный отъ природы упругою волею и обширнымъ умомъ, въ продолженіи всей жизни своей, онъ привыкъ видѣть стройную гармонію желаній своихъ съ явленіями жизни и своимъ положеніемъ, и никогда, ни въ чемъ не встрѣчалъ неудачи. Политика, въ продолженіи многихъ лѣтъ, отошла было у него, какъ и у сосѣдей его, на второй планъ; только ксендзы, получивъ тайную инструкцію изъ Рима, и эммиссары, тайно подсылаемые въ Россію заграничными политическими интригантами, тамъ и здѣсь, нашептывали о католицизмѣ, о гибнущей отчизнѣ. Шопотъ этотъ не доходилъ еще до уха Мондровскаго; ксендзы знали его правила и потому Мондровскому не приходилось еще входить съ сосѣдями въ полемики на счетъ политики, и старикъ по прежнему былъ всѣми любимъ и уважаемъ. Въ практической жизни, Мондровскій всегда высказывалъ такой вѣрный тактъ и такой свѣтлый умъ, что, въ случаѣ нужды, всѣ обращались къ нему за совѣтовъ, и ежели кому изъ сосѣдей прійдется бывало повздорить другъ съ другомъ или затѣять дѣло, то непремѣнно обѣ стороны являлись на судъ къ Мондровскому. »Панъ Мондровскій, такъ думаетъ, панъ Мондровскій такъ ска-

залъ«, говаривали въ случаѣ спора сосѣди старики, и большинство непремѣнно являлось на сторонѣ его мнѣнія. Съ своимъ семействомъ и съ домашними Мондровскій былъ всегда снисходителенъ и ласковъ; но въ замѣнъ того требовалъ, чтобы воля его была исполняема. Такъ въ продолженіи многихъ десятковъ лѣтъ жилъ старый Мондровскій въ своихъ Мондровицахъ, и только въ послѣднее время онъ началъ замѣчать, что вокругъ него, и даже въ собственномъ его домѣ, происходитъ что-то не ладное, секретное.

Вообще принято сравнивать поляковъ съ французами. Это сравненіе не совсѣмъ удачно. Французы, правда, восторженны и вслѣдствіе того слишкомъ воспріимчивы; но исторія доказала, что они способны, даже въ минуты увлеченія, задумывать и, какъ бы по вдохновенію, совершать великія дѣла. Поляки же просто легковѣрны, самонадѣянны, испорчены вѣками буйства и своеволія и заражены, какъ чумой, сентиментальностью и пестротою миражей. Ежели они предпринимали и предпринимаютъ какое либо дѣло, то вовсе не потому, что соразмѣрили средства съ цѣлями, обдумали дѣло, но что они надѣются упрямствомъ и стеченіемъ благопріятныхъ обстоятельствъ преодолѣть препятствія; коноводы ихъ обыкновенно увѣряютъ, что дѣло легкое, и легкомысленная толпа увѣрена, что стоитъ только пожелать, и будетъ совершенъ такой подвигъ, который превзойдетъ всеобщія ожиданія! Въ политической жизни, они были и, думаю, всегда будутъ чистыми дѣтьми, забавляющимися мыльными пузырями Пока потрясающіе результаты заслуженныхъ бѣдствій свѣжи еще въ ихъ памяти, небольшое число людей, подобныхъ Мондровскому, еще трезво относится къ дѣлу Польши и вліяетъ на страсти толпы. Но прошли года, паны отдохнули отъ грозы, разжирѣли на счетъ гуманности русскаго правительства и пота холоповъ,—и нашъ честный старикъ, какъ я уже сказалъ, началъ замѣчать, что вокругъ него происходитъ что-то не доброе.

Издыхающій на западѣ, неугомонный католицизмъ, хватаясь какъ утопающій за соломенку, внимательнѣе прежняго вперилъ въ Польшу свои жадные взоры. Пользуясь этимъ, заграничные интриганты и голодные авантюристы, тоже принялись за доходную профессію, а соскучившееся по своимъ селамъ шляхетство и радо было новизнѣ, попавшей въ тактъ ея сим-

патій и антипатій. Россія между тѣмъ немножко вздремнула; пошли въ ходъ тайными путями запрещенныя брошюры, памфлеты, книги, паны начали сеймовать, группироваться, толковать, шумѣть, почитывать контрабанды, увѣрять другъ друга, что готовится чудо, и что Духъ Святый снишелъ на Богомъ любимый польскій народъ. Польша свѣтъ, Польша краса и чудо природы, Польша это солнце, вокругъ котораго вращаются другія планеты, вопилъ между прочимъ одинъ изъ пановъ; жаль только, наивно замѣчалъ онъ, что человѣчество, по слѣпотѣ своей, не видитъ этого свѣтозарнаго солнца. Паписты, духовенство, интриганты и голодные авантюристы, возбуждали и поддерживали эти экзальтаціи и, раздувая пламя, дули, конечно, въ ту сторону, съ которой предвидѣлось имъ болѣе поживы, и раздули они большой огонь—на пагубу своимъ жертвамъ, на славу и торжество своимъ противникамъ!!

Печаленъ былъ старикъ Мондровскій, оставивъ шумную толпу въ своей залѣ. И много было причинъ задумываться и горевать ему? Онъ ясно видѣлъ безуміе шляхты, нелѣпость ея миража. Жаль было ему безразсудныхъ, но все таки близкихъ его сердцу, гибнувшихъ собратій, жаль было ему и самаго себя, но всего болѣе жаль было любимыхъ дочери и племянника? Но какъ помочь горю? Чѣмъ спастись? Долго думалъ Мондровскій, и вдругъ счастливая мысль блеснула въ умѣ его; онъ видимо повеселѣлъ.

— Поѣзжайте дѣти въ Полины, сказалъ онъ на другой день поутру дочери и племяннику. Развлекись немного, Ядвига, смѣясь, добавилъ онъ.

Неожидавшая этого сюрприза, Ядвига обрадовалась и, безъ труда убѣдивъ Генриха, немедленно отправилась съ нимъ и съ Терлецкой въ путь. Лишь только они уѣхали, Мондровскій приказалъ слугамъ укладывать вещи и объявилъ имъ, что завтра утромъ онъ, со всѣмъ семействомъ, ѣдетъ на долго изъ Мондровицъ. Онъ и не замѣчалъ въ хлопотахъ, какъ шло время. Занятый разумными распоряженіями, Мондровскій и не замѣтилъ, какъ племянникъ его вошелъ въ кабинетъ. Войдя въ комнату, Генрихъ стоялъ въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ позади дяди, не говоря ни слова, но старикъ случайно обернулся и съ удивленіемъ увидѣлъ его.

— Что такъ рано, спросилъ Мондровскій, глядя на блѣднаго какъ полотно Генриха?

— Меня вытолкали изъ Полинъ, отвѣтилъ съ горечью Терлецкій.

— Генрихъ, Богъ съ тобой! Что же случилось, спросилъ торопливо удивленный старикъ?

— Отчасти я самъ виноватъ, сказалъ, для успокоенія дяди, Генрихъ. Я вспомнилъ о вчерашнемъ кабачномъ обращеніи Волинскаго и, въ минуту досады, наговорилъ ему дерзости — онъ приказалъ вытолкать меня.

— Кто жъ осмѣлился поднять на тебя руку, и какъ въ своемъ домѣ допустилъ до такого скандала этотъ глупецъ Полинскій.

— Дерзкій Крукъ первый толкнулъ меня, къ нему присоединилися молодые Дубовскіе, а тамъ и многіе другіе Полинскій и гости его, какъ бараны, подчинились этому рѣзнику Волинскому. Вотъ до чего мы дожили, съ горечью добавилъ Генрихъ, насъ съ позоромъ толкаютъ изъ домовъ нашихъ сосѣдей!

— Будь ты проклятъ, діавольскій ксендзъ! Всему то ты виной, проговорилъ Мондровскій, какъ бы подслушавъ сказанные за нѣсколько часовъ предъ тѣмъ старымъ судьей слова.

— Генрихъ дрожалъ отъ стыда и досады. Успокойся, Генрихъ, сказалъ замѣтившій его волненіе Мондровскій. Правда, что дѣла слишкомъ плохи, но мы постараемся по возможности поправить ихъ. Остановить возстаніе, какъ я вижу, уже поздно. Жаль мнѣ бѣдныхъ сосѣдей, но что же дѣлать,—мы ихъ уже не вразумимъ. А какъ своя рубашка всего ближе къ тѣлу, то намъ слѣдуетъ подумать о самихъ себѣ. Путаться въ безумное дѣло, что ни пой себѣ Ядвига.... О, бѣсовъ ксендзъ!

Вспомнивъ объ Ядвигѣ, Мондровскій вспомнилъ и о Бронскомъ, и перебивъ самъ себя, погрозилъ кулакомъ по тому направленію, гдѣ, по его мнѣнію, теперь находился ксендзъ.

— Будь ты проклятъ! Всему ты виновенъ, добавилъ онъ. Немного успокоившись, Мондровскій продолжалъ.

— Что тамъ ни пой себѣ Ядвига, а я не намѣренъ путаться въ это безумное дѣло и тебѣ, Генрихъ, не позволю. Чтобъ избѣжать столкновеній съ сосѣдями, мы всѣ трое уѣзжаемъ за-границу.

— Къ сожалѣнію, дядюшка, это для меня невозможно, сказалъ, потупя голову, Генрихъ.

— Не безпокойся, паспортъ выдадутъ. Да и они не посмѣютъ тронуть насъ.

— Не въ томъ дѣло. Я и самъ не поѣду.

— Ты не исполнишь моего желанія, спросилъ съ упрекомъ и съ удивленіемъ Мондровскій?

— Вы знаете, дядюшка, какъ я уважаю васъ, но, къ сожалѣнію, я не завишу болѣе отъ себя. Сегодня въ Полинахъ совершена была присяга, я тоже присягнулъ.

Молодой человѣкъ замолчалъ, а старикъ до того былъ пораженъ извѣстіемъ Генриха, что, въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ, не могъ проговорить ни слова.

— Не такой благородности я ожидалъ отъ тебя за мои попеченія, сорвалось наконецъ съ языка Мондровскаго! Услышавъ этотъ упрекъ, Генрихъ вздрогнулъ.

— Дядюшка, я много виноватъ предъ вами.... Ахъ, еслибы вы знали всю правду!

— Что еще? Неужели и Ядвига?

— Женщины не присягали.

— Что-жъ еще случилось?

Въ глазахъ Генриха видно было колебаніе. Старикъ устремилъ на него пристальный взглядъ, Генрихъ не выдержалъ этого взгляда.

— Я и Ядвига мы любимъ другъ друга, сказалъ онъ. Она такъ восторженна... Могъ ли я не исполнить ея воли?

Опять повеселѣлъ Мондровскій.

— Милый Генрихъ, сказалъ онъ, мнѣ бы слѣдовало крѣпко пожурить тебя и Ядвигу за ваше секретничанье предо мною, но я прощаю вамъ. Не забудь, впрочемъ, что твоя мать давно уже подмѣтила ваши чувства и подѣлилась своимъ открытіемъ со мною. Но такъ какъ давнишнимъ моимъ желаніемъ было соединить васъ, то я и смотрѣлъ на ваши отношенія сквозь пальцы. За вашу скрытность, я хотѣлъ было до поры до времени помучить васъ и нарочно сказалъ твоей матери, что я никогда не соглашусь на вашъ бракъ. Но теперь не до шутокъ и я больше всѣхъ радуюсь вашему счастію, милыя дѣти. Мы поѣдемъ въ Римъ, получимъ тамъ разрѣшеніе св. отца, и вы об-

вѣнчаетесь. Подойди же и обними меня, другъ мой! Но Генрихъ стоялъ какъ истуканъ, не двигаясь съ мѣста.

— Что-жъ ты, спросилъ съ удивленіемъ Мондровскій?.. Слеза выступила на глазахъ молодаго человѣка; онъ по прежнему стоялъ неподвижно.

— Генрихъ! или ты обезумѣлъ отъ радости?

— Увы, дядюшка! Не видать мнѣ болѣе счастья на этой землѣ! Ядвига не согласится ѣхать, я тоже не могу нарушить присяги.

— Ахъ, я старый безумецъ! проговорилъ, ударивъ себя по лбу, Мондровскій. Въ минуту увлеченія я забылъ, что честные люди не нарушаютъ присяги. Иди туда, куда влечетъ тебя злая судьба твоя. Иди, Генрихъ, лети въ пропасть и сложи тамъ свою буйную, неразумную голову! О, діавольскій ксендзъ! будь проклятъ ты! Проклинаю и тебя, старый грѣховодникъ, нашъ изуверскій католицизмъ!

Но, какъ бы испугавшись собственныхъ словъ своихъ, шестидесятилѣтній старецъ вскочилъ съ своего кресла и готовъ былъ бѣжать далеко-далеко отъ зараженнаго, по его мнѣнію, богохульными словами мѣста.

ГЛАВА VI.

Въ одиннадцать часовъ вечера Ядвига возвратилась изъ Полинъ.

— Гдѣ папинька, спросила она, выходя изъ экипажа, гдѣ, Генрихъ?

— Кажется ушли въ садъ.

Ядвига заглянула въ кабинетъ отца и увидѣла старика одѣтымъ, но лежащимъ въ постели. Ядвига подошла къ рукѣ отца, тотъ далъ ей руку, но не перекрестилъ, вопреки всегдашнему обыкновенію.

— Вы нездоровы, папенька, спросила Ядвига? Мондровскій молчалъ.

— Или вы все еще не довольны мной, спросила съ волненіемъ дочь?

— Я не такъ то здоровъ, Ядвига.

— Что же съ вами?

— Пустяки, это пройдетъ; старикъ опять замолчалъ.

Не смотря на экстазъ, въ которомъ Ядвига была въ продолженіи нѣсколькихъ дней, она понимала, однакожъ, сколько

была виновата предъ отцемъ: ей было неловко, и въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ въ комнатѣ царствовало глубокое молчаніе.

— Сядь возлѣ меня, Ядвига, сказалъ наконецъ Мондровскій.

Ядвига сѣла возлѣ отца и опять оба молчали. Въ душѣ старика происходила борьба. — Много перечувствовалъ онъ въ эти нѣсколько минутъ!

— Бѣдное дитя мое, въ раздумьи произнесъ отецъ! Ядвига ожидала упрековъ, и слова отца тронули ее.

— Папенька, я много виновата предъ вами, проговорила она.

— Я тебя прощаю, Ядвига, но впредъ, прошу тебя, будь благоразумнѣе, дитя мое, говорилъ старикъ, гладя дочь по головѣ.

Ядвига поцѣловала руку отца.

— Ядвига! мнѣ нужно поговорить съ тобой, сказалъ, какъ бы собравшись съ силами, Мондровскій. Я старъ уже и мнѣ пора привести въ исполненіе мои завѣтныя мысли. Я бы хотѣлъ, чтобы ты была женой Генриха. Я говорилъ съ нимъ объ этомъ; чувства ваши для меня не секретъ. Но теперь время трудное, о свадьбѣ нельзя и думать, а когда кончится безумная затѣя нашихъ собратій, захочешь ли ты быть женой нашего честнаго Генриха? Ядвига покраснѣла, прильнула къ рукѣ отца и осыпала ее горячими поцѣлуями.

— Довольно-довольно Ядвига. Я радъ, что наши мысли согласны. Теперь уйди, я не такъ-то здоровъ, мнѣ нужно отдохнуть.

Счастливая дочь еще разъ обняла отца и вышла, а старый Мондровскій продолжалъ думать свою горькую думу.

Весело трепетало сердечко Ядвиги, когда она направилась, по выходѣ изъ кабинета отца, въ обширный садъ, чтобы отыскать своего Генриха. Будь, что будетъ и когда бы ни было, думала она, но все-таки отецъ согласенъ, чтобы я сдѣлалась женою любезнаго Генриха. Забыла Ядвига о патріотизмѣ, и о ксендзѣ Бронскомъ, и Волинскомъ и упивалась блаженною мыслію, что наконецъ явно и торжественно она прижметъ къ груди своей милаго, добраго, прекраснаго Генриха! Побѣжала Ядвига по извилистымъ дорожкамъ мондровскаго сада. Генрихъ, Генрихъ! кричала она. Гдѣ ты, Генрихъ? Сюда-сюда мой другъ, ко мнѣ! Но Генрихъ не шелъ—, онъ былъ далеко. Слуги *нечаянно* по

ошибкѣ обманули Ядвигу, сказавъ, что Генрихъ ушелъ въ садъ. Печальный, выйдя отъ дяди, онъ отправился въ ближайшее поле, чтобы хоть немного уже успокоеннымъ придти къ Ядвигѣ въ садъ на свиданіе, въ полночь, съ утра еще условленное. Напрасно звала восторженная Ядвига своего Генриха. Но вдругъ на поворотѣ одной дорожки она увидѣла какую-то черную фигуру. Не смотря на лунную ночь, Ядвига сначала не узнала, кто былъ предъ ней.

— Кто тутъ? спросила Ядвига, и сердечко ея забилось уже робкимъ чувствомъ.

— Это я, польская Іоанна д'Аркъ!

— Кто ты, спросила Ядвига?

— Божественное существо! Неужели вы не узнаете меня?

— Ксендъ Бронскій! Какими судьбами?

— Проѣзжая чрезъ Мондровицы, я завернулъ сюда, чтобы хоть минуту подышать тѣмъ воздухомъ, которымъ дышутъ ангелы.

Ксендзъ Бронскій, по обыкновенію, лгалъ; подъѣзжая къ Мондровицамъ, онъ встрѣтилъ въ полѣ Генриха и когда тотъ, свернувъ съ дороги, побрелъ прямо полемъ, то подкутившій ксендзъ, дождавшись, когда Генрихъ скрылся изъ виду, на основаніи извѣстныхъ благочестивому канонику соображеній, оставилъ свою бричку за селомъ и пѣшкомъ отправился въ садъ.

— Оставьте въ сторону шутки, ксендзъ каноникъ, а скажите лучше, что вы тутъ дѣлаете, спросила Ядвига.

— Божественная Ядвига, краса дѣвъ польскихъ! Я пришелъ въ садъ въ надеждѣ встрѣтить въ немъ ту, которая своимъ героизмомъ столько разъ плѣняла меня.

Ксендзъ подумывалъ уже о томъ, какъ бы плѣнить Ядвигу, предложивъ ей должность адъютанта въ отрядѣ, когда она неожиданными словами остановила его.

— Но вѣдь княгиня въ Полинахъ, какъ будто съ простодушіемъ, сказала она.

— А, ревность! подумалъ ксендзъ, а между тѣмъ замѣчаніе Ядвиги какъ кипяткомъ обдало его.

— Не вспоминайте о старой дурѣ, проговорилъ онъ, забывъ свой высокопарный языкъ. Вы одни, ахъ, нѣтъ, вы и Польша, вы двоица души моей!

И ксендзъ взялъ Ядвигу за руку и слегка пожалъ ее.

— Милый ксендзъ Бронскій! О политикѣ мы не будемъ болѣе толковать,—я устала, да, думаю, и вамъ пора отдохнуть, сказала Ядвига, отнимая у ксендза руку.

— Нѣтъ, Ядвига, я не прощусь такъ съ тобой, воскликнулъ пламенный ксендзъ, опять хватая за руку Ядвигу. Ты краса природы! Ты свѣтъ очей моихъ.

— Нѣтъ не вашихъ, перебила, кокетничая Ядвига.

— А чьихъ же?

— Разумѣется, моего жениха Генриха. Сегодня мы помолвлены.

Не кипяткомъ, а полузамерзшей водой на этотъ разъ слова Ядвиги окатили влюбленнаго въ земную дѣву слугу Божьяго.

— И вы любите его, сказалъ ксендзъ?

— Уже два года!

Словно змія ужалила сердце влюбленнаго ксендза.

— Поздравляю, сказалъ онъ. Жаль только, что, кажется, пана Терлецкаго повѣсятъ.

— Что? Вы съ ума сошли, ксендзъ каноникъ.

— Нѣтъ, я не сошелъ съ ума, но вашъ Генрихъ всегда былъ глупъ, да и теперь оказался глупцемъ. Онъ наговорилъ сегодня въ Полинахъ пану коммиссару много дерзостей и тотъ приговорилъ его къ висѣлицѣ.

— Моего Генриха приговорили къ висѣлицѣ? Вы уже вполнѣ сумашедшій, вскричала съ досадой Ядвига.

Но ксендзъ не слушалъ и съ бѣшенствомъ убѣжалъ отъ нея. Панна Ядвига давно замѣчала, что ксендзъ Бронскій дѣлаетъ ей глазки и, лишь только они останутся вдвоемъ, не на шутку волочится за ней. Правду сказать, она за это не очень и сердилась. И теперь она сочла угрозу ксендза не болѣе какъ вспышкою ревности, но все-таки слова его безпокоили ее и она опять обошла весь садъ въ надеждѣ найдти Генриха. Но поиски Ядвиги и на этотъ разъ были безуспѣшны. Она пошла къ бывшей въ концѣ сада калиткѣ, въ надеждѣ увидѣть, наконецъ, входящаго въ нее Генриха. Но едва успѣла, счастливая въ этотъ вечеръ на приключенія, героиня наша усѣсться подъ деревомъ не въ далекѣ отъ калитки, какъ увидѣла, что къ ней подошелъ панъ Волинскій.

Дорога отъ Полинъ въ Новодиновъ, какъ это мы уже знаемъ, проѣзжала чрезъ Мондровицы, и лишь только ксендзъ кано-

какъ, послѣ неудачныхъ своихъ похожденій, миновалъ ворота, какъ увидѣлъ, что ѣдущій тоже въ Новодивовъ, въ каретѣ князя Полинскаго, панъ Волинскій поровнялся съ нимъ.

— Что вы тутъ дѣлаете, спросилъ, увидѣвъ пѣшаго ксендза, Волинскій?

— Гуляю, отвѣчалъ лаконически ксендзъ.

— О, какъ я вижу, милый ксендзъ, вы практикуетесь въ старинныхъ нашихъ варшавскихъ похожденіяхъ! Нельзя ли подѣлиться?

Слова эти сказаны были такимъ заискивающимъ тономъ, что пьяному ксендзу захотѣлось прислужиться своему, еще болѣе пьяному, старому товарищу, и онъ сказалъ:

— Я думаю, пане Волинскій, что вы тоже не прочь припомнить себѣ Варшаву? Вѣдь вы такъ давно уже въ дорогѣ.

— Гдѣ же теперь хорошенькая Ядвига, спросилъ неожиданно Волинскій?

Услышавъ этотъ вопросъ, Бронскій закусилъ губы и началъ что-то шептать пану Волинскому на ухо. Нѣсколько минутъ спустя, Ядвига увидѣла пана коммиссара входящимъ въ садъ.

— Панъ Волинскій! могла только проговорить удивленная Ядвига.

— Къ вашимъ услугамъ, милая панна! Я пришелъ, чтобы во первыхъ—попросить у васъ тѣхъ хорошенькихъ цвѣточковъ, которые вы мнѣ предлагали по утру, а во вторыхъ поцѣловать вашу хорошенькую ручку.

— Вы... здѣсь, въ такую пору...., проговорила протяжно и съ удивленіемъ Ядвига!

— Чѣмъ же пора не хороша? И сухо, и тепло, и мы можемъ усѣсться на травѣ. Ахъ, да! Вотъ кстати и лавочка, сядемъ-те!

И панъ Волинскій, усѣвшись, безъ церемоніи началъ усаживать возлѣ себя Ядвигу. Совершенно противуположныя чувства волновали нашу героиню. Съ одной стороны ей было стыдно и страшно, но въ тоже время пріятно щекотала ея самолюбіе мысль, что идолъ общества, благородный спаситель отечества, удостоиваетъ ее своимъ вниманіемъ и бесѣдой.

— Что-то дѣлается теперь въ Варшавѣ, начала было Ядвига?

— А чортъ съ ней — съ политикой! Не вѣчно же все думать о ней да о ней! Дайте ка лучше вашу хорошенькую

ручку. Не нравился Ядвигѣ этотъ оборотъ рѣчи, а между тѣмъ Волинскій ухватилъ ее за руку.

— Что вы дѣлаете, пане комиссаръ, говорила Ядвига, слегка отнимая руку?

— Любуюсь вами, ангелъ мой, отвѣтилъ Волинскій, нагло заглядывая Ядвигѣ въ глаза.

Еще болѣе не понравился Ядвигѣ этотъ взглядъ и этотъ тонъ, и она уже судорожно начала вырывать свою руку изъ рукъ Волинскаго.

— Не отнимайте руки, душа моя! Какая же вы хорошенькая, лепеталъ Волинскій и, въ припадкѣ нѣжности, погладилъ Ядвигу по подбородку.

— Пане коммессаръ, что съ вами, воскликнула, вырвавъ руки и вскакивая съ скамейки, испуганная Ядвига!

— Ну не сердитесь, не сердитесь, красавица! Сядьте, и Волинскій потянулъ Ядвигу за кринолинъ.

— Jezus Maria! завопила Ядвига. Что это вы съ ума сошли, пане Волинскій? Экій наглецъ, сказала съ негодованьемъ наша героиня и толкнула пана коммиссара своимъ кулачкомъ въ грудь вовсе не подѣвичьи.

— Э, миленькая! да вы, какъ я вижу, несговорчивы! Ну, къ чему притворяться скромницей! Я вѣдь знаю обо всемъ и о вашихъ тайныхъ свиданіяхъ по ночамъ. Не нужно быть скупой, а нужно дѣлиться своими сокровищами, какъ говоритъ ксендзъ Бронскій, и со всѣми ближними.

Пьяный панъ коммиссаръ говорилъ это скороговоркой, а между тѣмъ обнималъ Ядвигу.

— Jezus Maria! вопила громче прежняго Ядвига, барахтаясь въ объятіяхъ Волинскаго.

— Напрасоно трудишься, душка, сказалъ ей герой варшавскихъ кофеень.

— Ради Христа, воскликнула Ядвига, спасите, кто въ Бога вѣруетъ!

— Поцѣлуй, душка, сказалъ Волинскій, но видя, что ему не сладить съ Ядвигой, закричалъ:

— Да ты, какъ я вижу, упрямица! Постой-же, мы тебя усмиримъ! Сюда, ксендзъ каноникъ!

Еще минута, и съ Ядвигой случилось бы несчастіе. Но

въ тотъ моментъ, когда ксендзъ входилъ уже въ садъ, изъ глубины его кто-то назвалъ Ядвигу и она узнала голосъ Генриха.

— Кто тутъ, спросилъ Волинскій, выпуская однакожъ свою жертву изъ рукъ.

— Генрихъ, Генрихъ! спаси меня, кричала Ядвига!

— Опять этотъ щенокъ! Ну быть же ему на висѣлицѣ, съ бѣшенствомъ проговорилъ Волинскій.

Ксендзъ каноникъ, лишь только услыхалъ голосъ Генриха, выскочилъ изъ сада, а Ядвига, устрашенная угрозой Волинскаго и, вѣроятно, вообразивъ, что приговоръ его сейчасъ же будетъ исполненъ, при помощи ксендза, прыгнула въ калиткѣ и заперла ее на ключь. Ядвига еще ничего не сказала Генриху объ ея приключеніяхъ съ ксендзомъ и Волинскимъ, она только прижалась къ нему и молча дрожала; но Генрихъ, увидѣвъ коммиссара, въ одну секунду понялъ все.

— Такъ ты, бродяга, осмѣливаешься обижать дѣвицу, грозно сказалъ онъ, оставивъ Ядвигу и подступая къ Волинскому!

— А, панъ Терлецкій заступается за свою любовницу! Не горячись! Не забудь, что ты приговоренъ уже къ висѣлицѣ, сказалъ Волинскій, надѣясь напугать Генриха.

Пока панъ коммиссаръ говорилъ это, Генрихъ тѣснилъ его, а тотъ пятился назадъ.

— Пане Терлецкій! не смѣй драться, проговорилъ дрожащій отъ трусости Волинскій.

Но слова эти только ускорили атаку, и коммиссаръ варшавскаго комитета почувствовалъ прежде свистъ въ воздухѣ, а потомъ лѣвая щека его ощутила слишкомъ сильное прикосновеніе къ ней правой руки Терлецкаго. Услужливое эхо разнесло по саду звукъ исторической пощечины; Волинскій на три шага отлетелъ отъ раздраженнаго юноши и грохнулся о землю. Поднявшись на ноги, панъ Волинскій пробовалъ было сопротивляться, но скоро убѣдился, что и двумъ Волинскимъ не совладѣть съ сильнымъ и страшнымъ въ гнѣвѣ Генрихомъ.

— Ну будетъ, сказалъ онъ; пошутили, и дѣлу конецъ! Но Генрихъ и не думалъ шутить и, поваливъ варшавскаго героя на землю, топталъ его ногами.

— Ксендзъ каноникъ, спасайте! вопилъ коммиссаръ.

Напрасно ксендзъ изо всей силы трясъ калитку, она была

крышка и не поддавалась, а высокій заборъ сада утыканъ былъ сверху остроконечными гвоздями.

— Будетъ уже, пустите, душечка, пане Терлецкій! Ну— право я васъ и не думалъ вѣшать, а только попугалъ, произнесъ Волинскій, а между тѣмъ кровь его лилась прежде битвы съ москалями по лицу на славу отчизны. Страшенъ былъ молодой Терлецкій; панна Ядвига заступилась наконецъ за коммиссара.

— Ради Бога, пусти этого жалкаго негодяя, сказала она!

— Не мѣшайся, Ядвига, прошу тебя, отвѣтилъ Генрихъ. Между тѣмъ Волинскій почувствовалъ, что его не бьютъ болѣе и что сильная рука Генриха уже не давитъ его за горло.

— Ты пойдешь со мной въ домъ, сказалъ Волинскому Генрихъ.

Генрихъ оставилъ Волинскаго и тотъ поднялся на ноги.

— Иди впередъ, командовалъ въ свою очередь недавнему командиру Терлецкій, иначе ты уйдешь.

— Я не могу идти съ вами, простоналъ, опомнившись, Волинскій.

— Ежели ты не пойдешь сію же минуту, то я позову людей и прикажу связать тебя и отправить въ полицію.

— А присяга, закричалъ изъ за калитки ксендзъ!

— Я отправлю въ полицію не эмиссара, а дерзкаго вора и разбойника, отвѣтилъ Генрихъ. Ну, маршъ впередъ!

— Перекиньте мнѣ черезъ заборъ на сохраненіе бумажникъ съ народной кассой, а то, чего добраго, бунтовщикъ Мондровскій отниметъ его, закричалъ озаренный счастливою мыслію, ловкій ксендзъ.

Но Волинскій не слыхалъ ксендза и машинально подвигался къ дому. Ядвига пошла въ свою комнату, а Генрихъ повелъ своего арестанта въ кабинетъ, къ дядѣ. Бѣдный герой со страху дрожалъ какъ въ лихорадкѣ. Онъ думалъ, что Мондровскій передастъ его полиціи или, по крайней мѣрѣ, прикажетъ отдуть на конюшнѣ. Старикъ не спалъ еще и онъ былъ пораженъ, увидѣвъ входящими къ себѣ Генриха въ нежданной компаніи съ паномъ коммиссаромъ.

— Каюсь, ей Богу, каюсь, пане Мондровскій, проговорилъ Волинскій, входя въ комнату. Ей ей это все меня ксендзъ каноникъ вооружалъ противъ васъ.

— Что все это значитъ, спросилъ старикъ?

— Ради Бога, простите, умолялъ коммиссаръ и ползкомъ подвигался уже къ Мондровскому.

Но Генрихъ остановилъ его; онъ разсказалъ коротко дядѣ о похожденіяхъ Волинскаго и указывая на него, сказалъ:

— Онъ теперь въ нашей власти, и мы можемъ хоть на время остановить погибель нашихъ сосѣдей; быть можетъ, они опомнятся, пока этотъ бродяга будетъ сидѣть у насъ подъ арестомъ.

Лучь надежды на одно мгновеніе блеснулъ въ умѣ Мондровскаго, но старый изувѣръ—католицизмъ взялъ свое.

— Поздно уже, Генрихъ! Всѣ они присягнули такъ же какъ и ты! Будь, что будетъ, но я непринимаю на свою совѣсть отвѣтственности за нарушеніе нашими соотечественниками присяги!

— О, жалкій фанатизмъ! подумалъ Генрихъ, а между тѣмъ сказалъ:

— Простите, дядюшка! Въ минуту увлеченія я и забылъ, что честные люди не нарушаютъ присяги.

Какой бы, казалось, прекрасный былъ случай вспомнить этимъ изувѣрамъ прежде вѣрность присягѣ своему законному правительству. Но католицизмъ дѣлалъ свое дѣло, и они даже не вспомнили объ этой святой, законной и обязательной присягѣ.

Панъ Волинскій хотѣлъ было идти, но, по требованію Мондровскаго; былъ остановленъ и, пославъ за своей сумкой въ экипажъ, выдалъ Генриху патентъ на должность адъютанта при начальникѣ округа и письменное свидѣтельство, что онъ признаетъ Генриха самымъ ревностнымъ патріотомъ, такъ что если бы даже самъ онъ, Волинскій, захотѣлъ оклеветать его, то это было бы сдѣлано только изъ личностей. Копіи этихъ бумагъ на всякій случай оставлены были Мондровскому.

ГЛАВА VII.

— Що це буде, говорилъ однажды, стоя возлѣ корчмы, крестьянинъ мѣстечка Москалевки, нынѣ Данилевой, куму и сосѣду своему Якиму?

— А що куме, спросилъ Якимъ?

— А то бачьте, що ляхи щось показылыся, та зкрутылыся (побѣсились, да обезумѣли), отвѣтилъ Иванъ.

— Нехай казятся, трасця ихъ матери (лихорадка ихъ матери), флегматически замѣтилъ Яким.

— Нехай казятся, повторилъ Иванъ, а мы подумаемо, добавилъ онъ.

— Подумаемо повторилъ и Якимъ и предложилъ Ивану зайдти въ корчму и выпить по чаркѣ.

Выпили чарку, выпили *другу*, выпили третью, какъ выразился Шевченко, на *подтугу*, а четвертой выпить не успѣли.

— Ляхи идутъ, ляхи идутъ! Они у воротъ уже, закричалъ вбѣжавшій въ корчму молодой паробокъ.

— Ой-вей, завопилъ арендаторъ жидъ!

— Трасця ихъ матери, проговорилъ Иванъ.

— Ихъ чортова сыла; якъ макомъ усіяно, вопилъ паробокъ.

Жиды и жиденки начали собирать и прятать свои пожитки.

— Трасця ихъ матери, повторилъ и Якимъ.

— Пійдемъ, куме, въ хату, сказалъ Иванъ и оба вышли изъ корчмы.

Выйдя на улицу и загнувъ за уголъ корчмы, наши кумы—пріятели увидѣли вдали приближавшихся къ мѣстечку повстанцевъ. Якиму, несмотря на его флегматическій характеръ, такъ же какъ и вбѣжавшему за нѣсколько минутъ предъ симъ въ корчму паробку показалось, что ляховъ «якъ макомъ усіяно», но менѣе трусливый и болѣе смѣтливый Иванъ Дышлевый сразу увидѣлъ, что ихъ неболѣе трехъ сотъ человѣкъ. Впереди банды ѣхалъ начальникъ ея, панъ Кривицкій. Это была та шайка, командиромъ которой назначенъ былъ князь Полинскій; но князь за нѣсколько дней предъ началомъ возстанія улепетнулъ за границу; къ этому храброму отступленію, кромѣ политическихъ соображеній, побудило поведеніе его сіятельной половины. Онъ давно подозрѣвалъ шашни ея съ ксендзомъ Бронскимъ и началъ дѣятельно слѣдить за ней, а неосторожность княгини помогла ему перемѣнить предположеніе на глазовидное убѣжденіе. Въ одинъ прекрасный день онъ нашелъ свою супругу въ объятіяхъ ксендза каноника, сдѣлалъ изъ этого громкую исторію, и подъ предлогомъ спасенія чести своей жены, тотъ часъ послѣ этого скандала, улизнулъ за границу. Сосѣдъ по имѣнію князя, панъ Кривицкій, назначенъ былъ на его мѣсто.

Панъ Кривицкій егозливый по натурѣ, участвовалъ въ революціи 1831 года, счастливо увернулся отъ катаржной

работы, потомъ, въ 1838 году, найденъ въ спискѣ Конарскаго и сосланъ въ Сибирь. Манифестомъ 1856 г. онъ былъ прощенъ и, въ знакъ благодарности великодушному Монарху, является теперь во главѣ взбунтовавшейся противъ Него новоградвол-ской шляхты. Мондровскій былъ въ родствѣ съ Кривицкимъ и не разъ, въ минуты откровенной бесѣды, когда панъ Кривицкій слишкомъ ужъ разшумится, бранитъ проклятыхъ москалей,—напоминалъ Кривицкому объ его письмахъ изъ Сибири, въ которыхъ онъ не могъ нахвалиться добродушіемъ и гостепріимствомъ русскихъ, равно какъ и о подаваемыхъ имъ изъ ссылки просьбахъ къ русскому правительству, въ которыхъ онъ, панъ Кривицкій, умолялъ о помилованіи, закрѣпляя эти мольбы торжественными клятвами, сознаніемъ своей преступности и обѣщаніемъ во всю жизнь не принимать участія въ польскихъ затѣяхъ и остаться до гроба приверженцемъ правительства. Панъ Кривицкій возражалъ Мондровскому, что сибиряки—вовсе не москали; если же, къ сожалѣнію, будетъ доказано, что они точно москали, то хоть они и оказывали, изъ подобострастія къ его ясневельможной личности, нѣкоторыя услуги, все-таки они, потому уже, что—москали, неболѣе какъ собаки. Что касается прошеній, то панъ Кривицкій утѣшалъ себя тѣмъ, что цѣль оправдываетъ средства. Какъ бы то ни было, мы видимъ теперь пана Кривицкаго начальствующимъ бандой и гордо, съ осанкою побѣдителя, въѣзжающимъ въ м. Москалевку. Онъ ѣхалъ на бѣломъ дорогомъ конѣ; на немъ былъ пестрый, изысканный, полумаскарадный костюмъ и бѣлое перо на шляпѣ. Рядомъ съ Кривицкимъ, ѣхалъ адъютантъ его—Генрикъ Терлецкій, тоже на дорогой, арабской лошади. Немного позади начальства, толпилось безпорядочной кучей около пятидесяти пановъ; но за то на всѣхъ была изысканная одежда, дорогое оружіе, а подъ ними прекрасныя лошади въ богатой збруѣ. За панами, почти рядами, тянулась на тощихъ клячахъ мелкая шляхта и челядь панская. Почти половина шляхты были очень молодые люди, и нѣкоторые изъ нихъ, казалось, недостигли еще и пятнадцати лѣтняго возраста. У всѣхъ же вообще было дрянное, почти негодное для войны оружіе. Позади отряда плелось около десятка большихъ крытыхъ кибитокъ, называемыхъ здѣсь краковскими бричками и

церковь — приводить народъ къ присягѣ. Но ксендзъ-парохъ остался по прежнему не преклоненъ: онъ не только не шелъ, но и снова началъ убѣждать пана Кривицкаго не дѣлать глупостей и приказать, чтобы повстанцы разбрелись, по живу по здорову, по домамъ. Убѣдившись, что съ ксендзомъ-парахомъ трудно сладить, Кривицкій пригласилъ его для откровенной бесѣды въ домъ. Отецъ Александръ съ охотой согласился. Войдя въ комнату, тонкій польскій дипломатъ сообщилъ священнику, что поляки вовсе не желаютъ зла своимъ руссинскимъ землякамъ, но, надѣясь напугать отца Александра, онъ замѣтилъ, что если ксендзъ будетъ упорствовать, то буйная шляха, чего добраго, надѣлаетъ ему бѣды. Но отецъ Александръ не испугался угрозы, и на всѣ убѣжденія пана Кривицкаго твердилъ, что бѣды ему никто не сдѣлаетъ, а между тѣмъ пригласилъ гостя выпить водочки и закусить. Но панъ Кривицкій отказался и съ досадой возвратился на крыльцо. Желая возстановить хоть сколько нибудь свою репутацію передъ шляхтой и русскими, панъ Кривицкій, обращаясь къ крестьянамъ, сказалъ:

— Ксендзъ-парохъ не совсѣмъ здоровъ сегодня, я пріѣду къ вамъ другой разъ, и тогда онъ приведетъ васъ къ присягѣ.

— Не вѣрте, — лжетъ, закричалъ отецъ Александръ, небывать тому, чтобы я приводилъ васъ къ мятежнической присягѣ. У насъ есть законный, благовѣрный Государь Александръ Николаевичъ, которому мы разъ уже присягнули, которому не измѣнимъ ни предъ какими угодно пытками, и о благоденствіи котораго молимся въ церкви. Вообще я васъ убѣждаю, что-бы вы не довѣрялись ляхамъ, а то они впутаютъ васъ въ бѣду...

— О, шельма попъ! крикнулъ Крицкій и приказалъ крестьянамъ возвратиться на площадь, а между тѣмъ самъ съ своей свитой возвратился на квартиру.

— Мужество и непоколебимость отца Александра объясняется сознаніемъ долга, твердостью характера, яснымъ понятіемъ о безхарактерности окружавшихъ его пановъ, личнымъ знакомствомъ со многими изъ нихъ и, наконецъ, тѣмъ, что все таки, въ случаѣ опасности, ему стоило сдѣлать движеніе, ударить въ набатъ, и его прихожане по-русски раздѣлались бы съ непрощеными гостями.

Отрядъ все еще былъ въ сборѣ, и многіе изъ храбрыхъ воиновъ, въ видѣ развлеченія, стрѣляли въ цѣль и рѣдко въ нее

попадали. Кривицкій позвалъ волостнаго и подъ страхомъ смертной казни приказалъ ему, чтобы сто человѣкъ изъ молодыхъ крестьянъ присоединились завтра утромъ къ его арміи, а громаду велѣлъ распустить. Прійдя домой, волостной опять собралъ сходку; крестьяне покачали головами, а все таки вспомогательный отрядъ былъ готовъ далеко еще до разсвѣта. Проснувшись, панъ полковникъ приказалъ вооружить русиновъ нарочно приготовленными для нихъ топорами и косами.

ГЛАВА IX.

Шайка собралась перваго мая; втораго числа пану Кривицкому удалось счастливо склонить на свою сторону евреевъ и крестьянъ, а третье мая былъ тоже не менѣе удачный день. Съ ранняго утра панъ полковникъ собралъ на военный совѣтъ всѣхъ пановъ своего отряда. Паны собрались и, порядочно выпивъ и закусивъ, принялись за сеймованье. Военный совѣтъ начался тѣмъ, что паны стали приставать къ пану Кривицкому, чтобъ онъ сказалъ, какой будетъ каждый изъ нихъ имѣть чинъ, и, слѣдовательно, какъ имъ титуловаться. Панъ Кривицкій хотѣлъ было извернуться тѣмъ, что чиновъ раздавать не можетъ, потому что неимѣетъ на то приказа; но паны возразили, что пану полковнику незачѣмъ стѣсняться этимъ пробѣломъ инструкціи, потому что варшавскій комитетъ вѣроятно не откажетъ-же наградить ихъ за оказанныя отчизнѣ услуги чинами. Требованіе чиновъ было такъ настоятельно, что панъ Кривицкій вынужденъ былъ удовлетворить честолюбію панства, обѣщалъ исходатайствовать подтвержденіе панскихъ чиновъ посредствомъ уполномоченнаго комитетомъ пана Волинскаго, который обѣщался скоро прибыть къ отряду. Споръ о томъ, кому изъ пановъ какой имѣть чинъ и какъ титуловаться каждому пану, продолжался болѣе часа. Богатый, но скупой, панъ Якубскій говорилъ, напримѣръ, что тотъ долженъ быть старше чиномъ, кто владѣетъ большимъ количествомъ земли; но мотоватый панъ Грецкій утверждалъ, что имѣетъ болѣе заслуги тотъ, кто пожертвовалъ большимъ кушемъ въ пользу народнаго дѣла, а панъ Пановскій возражалъ имъ обоимъ и увѣрялъ, что количествомъ земли или денежными пожертвованіями заслуги военныя опредѣлять не приходится, а слѣдуетъ

считать болѣе достойнымъ того, кто показалъ болѣе ревности въ истребленіи москалей, къ числу которыхъ, украдкой отъ Кривицкаго, онъ причислялъ тоже и русинскихъ схизматиковъ. Соскучился панъ Кривицкій производствомъ въ чины На-конецъ оно было кончено: подполковниковъ оказалось семь, маіоровъ одинадцать, капитановъ двадцать, поручиковъ восемъ, а пять молоденькихъ паничиковъ остались только прапорщиками. Изъ остальныхъ двухъ сотъ шестидесяти девяти человѣкъ, одинъ былъ прикомандировавшійся къ отряду, вольнопрактикующій лѣкарь и, конечно, ксендзъ Бронскій. Человѣкъ сорокъ экономовъ (прикащиковъ) и писарей назначены были унтеръ-офицерами, а остальные помѣщены въ составленномъ тутъ же спискѣ рядовыми.

Окончивъ самое важное занятіе, паны принялись толковать о вещахъ менѣе значительныхъ, и панъ Кривицкій предложилъ собранію рѣшить, гдѣ занять отряду военную позицію: остаться ли въ Москалевкѣ, или отойдти въ отстоящее отъ Москалевки на десять верстъ имѣніе княжны Полинской, мѣстечко Ляховку? Мнѣніе большинства пановъ и самаго пана Кривицкаго склонялось въ пользу Ляховки. Тому было много причинъ. Во первыхъ, Ляховка мѣстечко большое, въ немъ есть костелъ, гдѣ благочестивые католики будутъ имѣть возможность помолиться и просить Бога, чтобъ онъ даровалъ имъ скорую и блистательную надъ презрѣнными москалями побѣду; во вторыхъ, Москалевка мѣстечко малое, въ немъ нѣтъ ни винъ, ни турецкаго табаку, ни хорошихъ и свѣжихъ продуктовъ. Вотъ и вчера евреи, несмотря на все свое усердіе, угостили отрядъ прегадкимъ обѣдомъ и гнилой говядиной, оправдываясь тѣмъ, что въ Москалевкѣ не ожидали посѣщенія ясне вельможныхъ пановъ. Наконецъ Ляховка лучше Москалевки уже и тѣмъ, что Москалевка своимъ названіемъ напоминаетъ ненавистныхъ собакъ— москалей. Но Терлецкій и бывшій въ службѣ русской подпоручикъ, а теперь произведенный Кривицкимъ прямо въ подполковники, панъ Измѣнскій, предпочитали Москалевку Ляховкѣ. По ихъ мнѣнію, въ Москалевкѣ была болѣе выгодная военная позиція. Ляховка, говорили они, построена на открытой безлѣсной плоскости, а въ Москалевкѣ можно съ фронту прикрыться, разобравъ мостъ, рѣкой, и если москали прійдутъ съ той стороны, то, пока они переправятся черезъ рѣку, отряду будетъ

время приготовиться къ бою; потомъ, пройдя рѣку, москалямъ нужно будетъ пробираться шаговъ около пяти сотъ низменной мѣстностью а поляки въ это время будутъ стрѣлять по нихъ, занявъ господствующія надъ этою низменностью возвышенія, на которыхъ построена Москалевка. Важно еще и то, робко добавляли многіе, что въ случаѣ чего... то есть, въ случаѣ, Боже упаси, чего впрочемъ не можетъ случиться, въ случаѣ, какъ бы сказать, ну хотя бы въ случаѣ необходимаго, по стратегическимъ соображеніямъ, блистательнаго отступленія, можно будетъ укрыться въ находящемся стылу Москалевки лѣсу. Услыхавъ слово отступленіе, все шляхетство пришло въ негодованіе; не хотѣли болѣе и слушать трусливыхъ тактиковъ и рѣшили идти въ Ляховку.

Послѣ обѣда панъ Кривицкій отдалъ приказаніе готовиться къ походу и Терлецкій вышелъ было уже, чтобы распорядиться сборомъ квартировавшаго по корчмамъ отряда, какъ неожиданное происшествіе остановило распоряженіе пана полковника. Вотъ что случилось. Лишь только Терлецкій, выйдя изъ квартиры Кривицкаго, повернулъ за уголъ ратуши, какъ увидѣлъ, что по плотинѣ скачетъ Гершко изо всей силы въ своей бѣдѣ (двуколкѣ), страшно размахиваетъ руками, а вся фигура стараго жида выражаетъ олицетворенную тревогу и ужасъ. Улица отъ плотины къ площади шла подъ гору, и лишь только Гершко въѣхалъ въ мѣстечко и замахалъ еще болѣе руками, какъ стоявшіе равнодушно до того времени у дверей своихъ домовъ евреи тоже засуетились и потомъ бѣгомъ бросились за Гершкомъ. Квартировавшіе по этой улицѣ поляки присоединились къ жидамъ и тоже бѣжали съ выраженіемъ такой же тревоги. По мѣрѣ своего приближенія къ центру мѣстечка, толпа росла болѣе-и-болѣе, подобно снѣговой глыбѣ, катящейся съ горы и увеличивающейся въ объемѣ Терлецкій никакъ не могъ сначала понять, чтобъ это значило, но наконецъ, когда толпа приблизилась уже къ нему настолько, что вопли ужаса могли доходить до ушей Терлецкаго, крикъ: »москали, москали«! объяснилъ ему все. По собраннымъ поляками свѣдѣніямъ, нашихъ войскъ небыло ближе пятидесяти верстъ отъ Москалевки, потому Терлецкій весьма удивился нечаянному приходу ихъ. Между тѣмъ Гершко поскакалъ прямо къ квартирѣ пана Кривицкаго; многіе поляки опрометью бросились за нимъ.

— Ой-вей, гвалтъ! Москали, москали! кричалъ Гершко выскочившему на улицу пану Кривицкому.

— Ну-что-жъ? Мы побьемъ ихъ, отвѣчалъ самонадѣянно блѣдный панъ Кривицкій, гдѣ ты ихъ видѣлъ, прибавилъ онъ?

— Охъ, видѣлъ—видѣлъ, ясне вельможный пане! Собственными глазами я ихъ видѣлъ.

— Да гдѣ же? Говори, ради Бога, торопили Гершка паны. Гершко былъ такъ взволнованъ, что въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ нельзя было отъ него добиться толку, и только тогда, какъ панъ Пановскій вылилъ ему на голову ведро воды, Гершко пришелъ въ себя и разсказалъ все, что зналъ о видѣнныхъ имъ москаляхъ.

— Я хотѣлъ поѣхать по дѣламъ своимъ, говорилъ онъ, вздрагивая, въ Ляховку, но верстахъ въ пяти оттуда, на поворотѣ изъ Мондровицъ, изъ этой рощи вышли москали. Пыль подняли они столбомъ. Боясь, чтобы здѣсь не вышло драки между ними и вами и чтобы вы, стрѣляя, не сожгли мѣстечка, я такъ перепугался, что, сломя голову, прискакалъ обратно въ мѣстечко.

— А много ихъ, спросилъ панъ Пановскій?

— Ай много, вопилъ Гершко!

Панъ Кривицкій не слушалъ болѣе и приказалъ скорѣе собирать отрядъ, а самъ началъ дѣлать приготовленія къ бою. Но гораздо легче было приказать собрать отрядъ, чѣмъ исполнить это. Правда, всѣ поляки собрались уже на площади, но что это былъ за сборъ! Панъ Кривицкій, окинувъ своимъ орлинымъ взглядомъ площадь, увидѣлъ, что тамъ все перемѣшалось какъ въ винигретѣ. Къ оружью, къ оружью, кричалъ панъ Кривицкій, но вопли его были напрасны. Жиды и подполковники, жидовки и маіоры, жиденки, русины и прочіе члены отряда—все это смѣшалось и вертѣлось на площади, какъ кипятокъ въ горшкѣ, охваченномъ со всѣхъ сторонъ сильнымъ пламенемъ. Одинъ только раскраснѣвшійся, кругленькій панъ Пановскій, словно отпрыснувшій отъ головни уголекъ, стрѣлой бѣжалъ по направленію къ своему дому. Панъ Кривицкій еще разъ окинулъ взглядомъ свой отрядъ и, увидавши, что тутъ настоящій винигретъ, и что ему трудно будетъ добиться толку и ладу въ торопяхъ, чтобы заявить свою распорядительность и оправдать себя въ собственныхъ глазахъ своихъ, бросился догонять пана Пановскаго. Но тотъ былъ уже далеко и успѣлъ повернуть

въ переулокъ, идущій къ плотинѣ и заканчивающійся его домикомъ. Пробѣжавъ шаговъ двѣсти, панъ полковникъ чуть было не наткнулся на возвращавшагося отъ плотины Терлецкаго.

— Куда вы, панъ полковникъ, спросилъ тотъ?

— Да вотъ шельма Пановскій удираетъ. Жаль, что нѣтъ со мной моего револьвера, страшно хочется влѣпить ему пулю въ затылокъ, сказалъ, остановившись и нѣсколько опомнившись, панъ Кривицкій.

— Гдѣ-же москали, спросилъ онъ потомъ?

— Вотъ они, отвѣтилъ Кривицкій, указывая на плотину.

Панъ Кривицкій взглянулъ и съ удивленіемъ увидѣлъ вмѣсто москалей около десятка ѣдущихъ по плотинѣ экипажей.

— Кто бы это, воскликнулъ онъ, замѣтно успокоившись!

— Взгляните на третій сначала экипажъ!

— Ахъ, Боже мой, да это моя собственная карета! Теперь я догадываюсь: это наши пани сговорились сдѣлать намъ сюрпризъ. О, милыя плутовки, какъ это любезно съ вашей стороны!

— А вотъ и нашъ мондровскій экипажъ, сказалъ съ удовольствіемъ Генрихъ.

— А вотъ моя жена, уже узнала меня и машетъ платкомъ, весело добавилъ Кривицкій. Милый Генрихъ! бѣжите, пожалуста, скорѣе къ нашимъ и образумте ихъ, а то стыдно будетъ, когда дамы застанутъ у насъ такую кутерьму.

Но было уже поздно. Передніе экипажи въѣхали въ мѣстечко и сидѣвшая въ первомъ изъ нихъ Ядвига съ удивленіемъ замѣтила, что ея Генрихъ, вмѣсто того, чтобъ летѣть къ ней навстрѣчу, повернулъ назадъ и галопомъ поскакалъ на площадь.

— Генрихъ, Генрихъ! куда, кричала Ядвига?

— Извините меня, панна Ядвиги, сказалъ Кривицкій. Это я послалъ пана Генриха.

Ядвига надула свои хорошенькія губки.

— Ну-не сердитесь, умолялъ ее панъ полковникъ, усердно цѣлуя ручку Ядвиги.

Между тѣмъ поровнялись и прочіе экипажы, и Кривицкій пошелъ высаживать свою жену.

Пани Кривицкая была ревнива и ей вовсе не понравилось то, что мужъ ея, вмѣсто того, чтобы съ распростертыми объятіями броситься ей на встрѣчу, цѣлуетъ руки у панны Ядви-

ги, и она въ свою очередь надула свои толстыя губы. Нечего было дѣлать, и Кривицкій, знавшій хорошо нравъ своей жены, желая предупредить атаку, которая была для него чуть ли неравносильна атакѣ москалей, долженъ былъ разсказать, какъ и по какому поводу произошелъ у него въ отрядѣ безпорядокъ, какъ, желая скрыть это отъ дамъ, онъ услалъ на площадь своего адъютанта пана Генриха и какъ потомъ, понявъ уже, что это было не ловко съ его стороны предъ панной Ядвигой, извинялся предъ ней и цѣловалъ у нея ручку. Пани Кривицкая нѣсколько успокоилась, смѣялась вмѣстѣ съ другими дамами надъ случившеюся въ отрядѣ пана Кривицкаго суматохой. Панъ Кривицкій тоже повеселѣлъ и расказывалъ дамамъ о своихъ удачныхъ дипломатическихъ успѣхахъ съ жидами и крестьянами. Прелестный полъ роемъ окружилъ его и въ восторгѣ рукоплескалъ его блистательнымъ подвигамъ, предвѣщающимъ успѣхъ предпріятію. Панъ Кривицкій и окружающія его дамы, въ эту минуту, представляли собой картину, полную контрастовъ. Пестрый костюмъ мущинъ, польскій трауръ прелестнаго пола, выражающаго и радостными лицами и энергическими жестами и рукоплесканіями восторженную радость при мысли о несомнѣнномъ освобожденіи своего, Богомъ любимаго народа,—все это сильно поражало и слухъ и зрѣніе. Превращеніе угрюмыхъ и печальныхъ воронъ въ щебетливыхъ и веселыхъ сорокъ дополняло контрастъ этой картины.

Между тѣмъ извѣщенные о пріѣздѣ дамъ Генрихомъ мужчины толпой присоединились къ нимъ. Ядвига сейчасъ же помирилась съ своимъ женихомъ и все общество, послѣ довольно продолжительныхъ привѣтствій и родственныхъ объятій, пѣшкомъ отправилось впередъ. День былъ прелестный. Кривицкій приказалъ вынести изъ корчмы на площадь столы и стулья, и все общество расположилось подъ открытымъ воздухомъ. Дамы привезли съ собой бездну старыхъ винъ, кучи закусокъ и принялись угощать своихъ богатырей. Всѣ были подъ впечатлѣніемъ поэтичности своего положенія, всѣмъ было невыразимо весело. Пани Дубовская, сестра новаго подполковника, богатаго и скупаго пана Якубовскаго, угостила своего братца и своихъ сынковъ такимъ старымъ венгерскимъ и такой вкусной ветчиной, что кругленькія брюшки ея птенцовъ еще болѣе округлились, и панъ Якубовскій, угостившись винцомъ своей сестрицы и

желая еще болѣе развеселить все общество, разказалъ о томъ, какъ панъ Пановскій, услыхавъ о приближеніи москалей, обратился въ бѣгство, и какъ панъ полковникъ, оставивъ свой отрядъ, бросился за нимъ въ погоню. Но этотъ разсказъ вовсе не понравился пану Кривицкому, онъ вспылилъ и желая возстановить въ понятіи дамъ лестное мнѣніе о храбрости его отряда, клялся и Богомъ и святымъ Антоніемъ и другими святыми, что прикажетъ разстрѣлять труса Пановскаго. Всегда мягкосердыя дамы испугались и начали молить пана полковника пощадить жизнь пану Пановскому, замѣнивъ смертную казнь какимъ нибудь меньшимъ наказаніемъ. Когда панъ полковникъ былъ нѣсколько успокоенъ мольбою дамъ, остроумный, молодой капитанъ, панъ Адольфъ Дубовскій, предложилъ разстрѣляніе замѣнить тѣмъ, чтобы привести подъ конвоемъ пана Пановскаго и приказать ему самому расказать о томъ, какъ онъ надувалъ своихъ крестьянъ, какъ предлагалъ повѣсить москалевскаго ксендза-пароха, чтобъ отдѣлаться отъ платежа ста рублей долга и какъ онъ улепетывалъ отъ мнимыхъ москалей въ свою берлогу. Стыдъ, который панъ Пановскій, вѣроятно, будетъ чувствовать при своемъ разсказѣ, вмѣнить ему въ наказаніе, добавилъ мастеръ на фацеціи Дубовскій. Счастливая остроуміемъ своего сына старая Дубовская первая поддержала его, а потомъ и многіе изъ присутствующихъ присоединились къ ней. Но панъ полковникъ строго замѣтилъ, что не слѣдуетъ дѣлать шутокъ изъ важныхъ вещей, да и было уже поздно и дамамъ пора было ѣхать домой. И точно, чрезъ нѣсколько минутъ, онѣ усѣлись въ свои экипажи, пожелавъ своимъ героямъ разгромить всѣхъ москалей съ Москвою включительно, а около пятидесяти человѣкъ избранныхъ пановъ верхами провожали ихъ до пятой версты. Солнце садилось уже, когда наши герои возвращались въ Москалевку.

Въ тотъ же вечеръ панъ Кривицкій распорядился уничтоженіемъ въ Москалевкѣ виннаго откупа и приказалъ разставить вокругъ мѣстечка конные патрули. На разсвѣтѣ приказано было отряду двинуться въ Ляховку.

Такимъ образомъ, удачнымъ выборомъ военной позиціи, пріятнымъ визитомъ дамъ и пріобрѣтеніемъ дипломатической военной опытности ознаменованъ былъ и третій день доблестныхъ похожденій шайки Кривицкаго.

ГЛАВА X.

Четвертый день военныхъ дѣйствій былъ не совсѣмъ удаченъ, но, въ замѣнъ того, армія проникнулась еще большимъ энтузіазмомъ, а слѣдовательно было еще больше увѣренности въ скорой и несомнѣнной побѣдѣ.

Теперь разскажемъ бѣгло планъ польскихъ военныхъ дѣйствій.

Русскихъ войскъ, расположенныхъ въ округѣ, котораго начальникомъ назначенъ былъ князь Полинскій, а потомъ на мѣсто его панъ Кривицкій, по собраннымъ поляками достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, было около 10,000. Они разбросаны были на протяженіи 200 верстъ, и побѣда надъ отдѣльными отрядами этихъ раздробленныхъ силъ, по самому вѣрному расчету, была дѣломъ болѣе чѣмъ легкимъ. Планъ военныхъ дѣйствій, привезенный паномъ Волинскимъ изъ Варшавы, составленъ былъ въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ. Съ точностію вычислено было, что всякій изъ пятнадцати уѣздовъ округа выставитъ по двѣ тысячи пановъ и шляхты, то есть, въ общей сложности, тридцать тысячь человѣкъ. Русиновъ можно было бы набрать сколько угодно, но предусмотрительное и геніальное польское правительство не увлекалось громадностью цифръ, а велѣно пригласить ихъ въ польскую армію столько лишь, сколько можно будетъ вооружить. Качествомъ вооруженія однакожъ стѣсняться не было приказано,—и всякое оружіе, или даже орудіе, которымъ можно будетъ размозжить баранью-московскую башку, признавалось вполнѣ удовлетворительнымъ. Можно ли было сомнѣваться, что при такомъ количествѣ храбрыхъ воиновъ, русскія войска будутъ разбиты въ пухъ и прахъ!

По плану, всякій изъ пятнадцати отрядовъ сперва долженъ былъ собраться въ какомъ нибудь укромномъ пунктѣ своего уѣзда, поучиться около недѣли стрѣльбѣ и военнымъ пріемамъ, уничтожить въ уѣздѣ всѣхъ москалей (солдатъ), а потомъ нѣсколько сосѣднихъ къ губернскому городу отрядовъ должны были соединиться, чтобы овладѣть центромъ провинціи и повѣсить, для наведенія ужаса на всю околицу, враждебнаго Польшѣ русскаго губернатора. Когда провинція будетъ завоевана, войска русскія истреблены,—милиція, составленная изъ русиновъ, будетъ занимать завоеванный край, а отрядъ Кривицкаго соеди-

нится съ отрядами другихъ округовъ, и одна половина всей массы войскъ займетъ границы Варваріи, т. е. Московіи, а другая половина двинется въ Царство Польское, мимоходомъ завоюетъ. при помощи коренныхъ жителей, Бѣлоруссію, а потомъ освободитъ Варшаву и наконецъ подъ стѣнами Москвы или Петербурга предпишетъ Варваріи какія угодно условія и возстановитъ бытіе Польши въ стародавнихъ границахъ. Варвары, конечно, сопротивляться невсостояніи. Одни изъ нихъ, будутъ уничтожены, другіе, развѣсивъ уши, будутъ восхищаться героическими подвигами поляковъ, — третьи, сколько могутъ, станутъ помогать полякамъ, а молодая Россія, давно уже ожидающая благопріятнаго момента для начатія рѣзни и ломки, очутится въ федеративномъ союзѣ съ воинственной и либеральной Польшей и переформируетъ вмѣстѣ съ панами Россію до того, что сія послѣдняя чутьли не сдѣлается провинціей Польши, въ родѣ бывшей Малороссіи и Бѣлоруси... Жаль, что старикъ Мондровскій не читалъ варшавскаго плана! Развлеченіе такъ нужно было въ его грустномъ настроеніи духа; а этотъ планъ заставилъ бы хохотать и мертваго.

Панъ Кривицкій твердо вѣрилъ въ побѣду, онъ убѣжденъ былъ въ ней такъ несомнѣнно, что даже рѣшился нѣсколько измѣнить составленный въ Варшавѣ планъ военныхъ дѣйствій и, еще до сбора шляхты, разослалъ гонцовъ съ приказами, чтобъ отряды окрестныхъ уѣздовъ не развлекались уничтоженіемъ небольшихъ московскихъ отрядовъ, а въ назначенный срокъ присоединились къ нему возлѣ Москалевки или Ляховки, чтобъ уничтожить встрѣтившихся по дорогѣ варваровъ, не медленно овладѣть губернскимъ городомъ и, повѣсивъ тамъ московскихъ начальниковъ, озадачить тѣмъ прочую московскую погань, которая струситъ и сама сдастся въ плѣнъ. Четвертое мая было предназначено для соединенія сосѣднихъ отрядовъ съ арміей пана Кривицкаго. Дня черезъ два потомъ предполагалось въ Ляховкѣ вооружить окончательно сосѣднихъ русиновъ, и потомъ двинуться къ губернскому городу.

Эти предначертанія начали осуществляться: не успѣли поляки отойдти отъ Москалевки и двухъ верстъ, какъ одинъ изъ ожидаемыхъ отрядовъ присоединился къ отряду Кривицкаго. Правда, что вмѣсто ожидаемыхъ двухъ тысячъ, въ немъ было только 217 человѣкъ; но панъ Кривицкій былъ уже отчасти

приготовленъ къ этому разочарованію, потому что (какъ мы видѣли) и въ его собственномъ отрядѣ было далеко меньше нормальнаго числа повстанцовъ. Причинъ такой миніатюрности отрядовъ было много, и онѣ были такъ уважительны, что панъ Кривицкій весьма могъ утѣшиться. Во первыхъ, однодворцевъ католиковъ причислили къ шляхтѣ и велѣли присоединиться къ бандамъ, а тѣ отказались повиноваться, чѣмъ Кривицкій остался доволенъ: потому что сила арміи не въ количествѣ а въ духѣ; а можно ли предположить геройскій духъ въ тѣхъ же мужикахъ — грубыхъ однодворцахъ? Вторая причина была та, что многіе изъ пановъ тоже не пошли въ банды, но за то пожертвовали на дѣло отчизны огромные капиталы и обѣщались, сидя въ своихъ гнѣздахъ, заготовлять оружіе, боевые снаряды и провіантъ для арміи. А финансы, какъ извѣстно, вещь не маловажная, оружіе, боевые снаряды, провіантъ—и того болѣе; слѣд., оставшіеся паны принесли уже и еще принесутъ общему дѣлу Польши значительную пользу. Одной же изъ главныхъ причинъ того, что панъ Кривицкій не досчитывался въ рядахъ своей арміи цѣлыхъ тысячъ людей, была и та, что присланные изъ Варшавы списки не вѣрно были составлены. Напримѣръ, у эконома пана Дубовскаго было всего два сына, а въ спискѣ ихъ значится цѣлыхъ пять штукъ. Но эту ошибку расчитывалось поправить, дополнивъ армію русинами, въ приверженности которыхъ нельзя сомнѣваться, какъ это доказала сговорчивость москалевскихъ крестьянъ.

Но за то, какой геройскій духъ воспламенялъ эту армію избранныхъ и какая точность и единодушіе въ исполненіи распоряженій начальства управляли ихъ движеніемъ! Трудно повѣрить, что всѣ пять партій повстанцевъ прибыли къ командующему отрядомъ именно 4 мая! Правда, что ни въ одной изъ нихъ не было больше 200 человѣкъ, а въ нѣкоторыхъ было даже и менѣе; но за то какъ было невидѣть въ торопливости войскъ къ сборному пункту желанія сразиться скорѣе съ варварами и побѣдить ихъ!

Во всей арміи оказалось 1232, человѣка а русиновъ около 1000.

Во время похода изъ Москалевки въ Ляховку случилось слѣдующее небольшое приключеніе: русины вмѣсто того, чтобы идти, какъ это имъ было приказано, прямой дорогой, свернули

на засѣянное поле и начали кормить своихъ лошадей молодою пшеницей. Узнавъ объ этомъ, панъ Кривицкій приказалъ справиться, на чьемъ именно полѣ сдѣлано потрава, чтобы съ свойственной ему справедливостью и великодушіемъ вознаградить владѣльцу его потерю. Оказалось, что пшеница пострадала на двухъ участкахъ, изъ которыхъ одинъ принадлежитъ польскому, а другой русскому помѣщику. Панъ Кривицкій немедленно послалъ въ ближайшее село, въ которомъ жили оба владѣльца, спросить обоихъ, во сколько они цѣнятъ свою потерю. Оказалось, что полякъ былъ дома, а русскій, узнавъ о приближеніи польскаго отряда, уѣхалъ со всѣмъ своимъ семействомъ и болѣе цѣннымъ имуществомъ въ ближайшій городъ. Этотъ поступокъ трусливаго русина привелъ пана Кривицкаго въ негодованіе, и онъ приказалъ поляку заплатить щедро за убытокъ, а поле русина истоптать окончательно и вмѣнить это ему въ наказаніе за явную непріязнь его къ святому дѣлу.

Когда ряды будущихъ побѣдителей Москвы входили въ Ляховку, колокольный костельный звонъ привѣтствовалъ ихъ прибытіе и многіе изъ благочестивыхъ католиковъ, подойдя къ костелу, пали на колѣна и начали молить св. Антонія ляховскаго, статуя котораго стояла возлѣ дороги, чтобы тотъ испросилъ у Бога скорую и рѣшительную побѣду надъ схизматиками. Извѣстно, что св. Антоній помогаетъ въ отысканіи всякаго рода потерь, а такъ какъ поляки вооружились, чтобы возвратить свой потерянный рай, т. е. свою святую Польшу, то молитва ихъ въ Ляховкѣ имѣла особенный, глубокій смыслъ и была какъ нельзя болѣе своевременна.

Расположившись въ своей квартирѣ, панъ Кривицкій такъ же, какъ и въ Москалевкѣ, убѣдился прежде въ приверженности евреевъ, а потомъ послалъ за мужиками и попомъ. Мужики пришли и, понявъ изъ рѣчей пана Кривицкаго не болѣе какъ и москалевскіе, обѣщали такое же какъ и тѣ содѣйствіе, но попъ оказался такъ же не сговорчивъ, какъ и о. Александръ. Взбѣшенный этимъ упрямствомъ панъ Кривицкій хотѣлъ–было принять какую нибудь крупную мѣру, когда вбѣжавшая въ комнату шляхта извѣстила его, что панъ Волинскій въѣхалъ въ городъ и приближается къ его квартирѣ. Узнавъ о прибытіи пана коммиссара, панъ Кривицкій вышелъ на встрѣчу его, а бывшій тутъ–же Генрихъ сперва покраснѣлъ, потомъ поблѣд-

нѣлъ. Панъ Волинскій прискакалъ изъ Варшавы, куда ѣздилъ по важнымъ, государственнымъ дѣламъ. Пріѣхавъ въ дурномъ расположеніи духа, еще на дворѣ онъ уже распекалъ пана полковника за то, что въ арміи было такъ мало польскихъ людей и приписывалъ это нераспорядительности начальника округа. Панъ Кривицкій оправдывался какъ могъ, упираясь по преимуществу на вышеизложенныя причины; но панъ Волинскій и слушать ничего нехотѣлъ и приказалъ сейчасъ же разослать гонцевъ съ строжайшимъ приказомъ, чтобы оставшіеся по домамъ паны, паничи, шляхта и однодворцы немедленно присоединились къ отрядамъ. Когда панъ Волинскій входилъ въ комнату, толпа избранныхъ въ отрядѣ пановъ окружала его и оказывала ему подобострастное вниманіе и угодливость, которыя тотъ принималъ съ комической важностью, какъ подобаетъ первому лицу въ арміи. Одинъ только Генрихъ Терлецкій не привсталъ съ своего стула, когда коммиссаръ вошелъ въ комнату. Панъ Волинскій хорошо видѣлъ Терлецкаго, но притворился, будто, занятый своими распоряженіями, незамѣтилъ Генриха въ толпѣ вошедшихъ въ комнату пановъ. Генриху тоже было неловко, и онъ хотѣлъ было удалиться, но панъ полковникъ позвалъ его и велѣлъ писать приказы къ начальникамъ уѣздовъ, чтобъ они выслали въ армію оставшуюся по домамъ шляхту. Полковникъ усадилъ Терлецкаго чуть не подъ носомъ пана Волинскаго, и тотъ, встрѣтившись лицемъ къ лицу съ своимъ побѣдителемъ въ мондровецкомъ саду, забылъ на время свое распоряженіе, замолчалъ и поблѣднѣлъ. Терлецкій не взглянулъ даже на Волинскаго и принялся писать подъ диктовку своего полковника, который, конечно, не подозрѣвалъ той борьбы страстей, которая происходила въ душѣ его начальника и его адъютанта. Ксендзъ Бронскій былъ тутъ-же, и только одинъ онъ, какъ старый знакомый и какъ лице духовное, обращался съ коммиссаромъ съ нѣкоторою фамиліарностію. Страсти въ панѣ коммиссарѣ и въ панѣ Терлецкомъ, быть можетъ, какъ нибудь и улеглись-бы, но у ксендза каноника было больше памятозлобія и ненависти къ жениху Ядвиги и побѣдителю Волинскаго. Онъ не могъ забыть и того и другаго и, обратясь къ Терлецкому, громко сказалъ.

— Панъ адъютантъ! Я, какъ лице духовное, по сану своему обязанъ сдѣлать вамъ замѣчаніе. Не ускользнуло отъ моихъ

глазъ то, что вы одни изъ всѣхъ присутствущихъ не привѣтствовали, какъ велитъ долгъ, пана коммиссара при входѣ его въ конату. Хоть вы и счастливый женихъ милліонерки панны Ядвиги, но все-же вамъ не слѣдуетъ забываться и неуваженіемъ къ начальнику нарушать въ арміи субординацію.

Говоря это, ксендзъ, разумѣется, не зналъ о данныхъ Волинскимъ въ Мондровицахъ бумагахъ, а Генрихъ, весь вспыхнувъ, вскочилъ съ своего мѣста. Досада его была такъ сильна, что онъ не могъ проговорить ни слова. Панъ Волинскій поблѣднѣлъ больше прежняго, но, вспомнивъ о данныхъ имъ документахъ, все еще сдерживая свое негодованіе, сказалъ.

— Богъ съ нимъ! Не мѣшайте ксендзъ каноникъ, заниматься пану адъютанту. Пишите, Терлецкій!

Терлецкій сѣлъ и дрожащей рукою взялся за перо; но злой каноникъ не остановился въ полдорогѣ и сказалъ:

— Не щадите его панъ коммиссаръ! Я не такъ глупъ, чтобы придираться къ мелочамъ и оставить безъ вниманія значеніе невѣжливости Терлецкаго. Я, быть можетъ, не замѣтилъ бы сегодняшняго обхожденія его съ вами, если бы съ достовѣрностію незналъ, что онъ разсѣваетъ о васъ въ отрядѣ ложные толки.

Нижняя губа слегка задрожала у Волинскаго, когда онъ услыхалъ эти слова, а молчавшій до того времени Генрихъ оторвалъ свои глаза отъ бумаги и взглянулъ на Волинскаго. Этотъ взглядъ былъ каплею, которая переполнила сосудъ.

— Чего зѣваешь? Пиши, прикрикнулъ на Генриха Волинскій!

Полное чернилъ перо задрожало въ рукѣ Терлецкаго, и черная капля шлепнулась на бумагу.

— Да ты, какъ я вижу, и писать-то не умѣешь, придрался незнавшій съ чего начать Волинскій!

— Пане коммиссаръ! Какъ же это вы сдѣлали адъютантомъ человѣка, который, по вашему мнѣнію, не умѣетъ писать, сказалъ надѣявшійся образумить этими словами Волинскаго Генрихъ!

Но Волинскій не могъ уже болѣе владѣть собой.

— Молчи, Терлецкій! закричалъ онъ. Не хочешь-ли, чтобъ я проучилъ тебя?

— Панъ Волинскій, не забывайтесь и помните, что я могу васъ заставить молчать!

— Молчи, Терлецкій! закричалъ еще разъ въ бѣшенствѣ Волинскій и до того увлекся, что вскочилъ со стула, схватилъ и крѣпко сжалъ руку Генриха; послѣдній отдернулъ свою руку съ такою силой, что Волинскій пошатнулся и едва удержался на ногахъ.

— Пане коммиссаръ, сказалъ ксендзъ, не забудьте, что онъ другой уже разъ хочетъ сдѣлать надъ вами насиліе.

— Арестуйте его, панъ полковникъ, приказалъ Волинскій, опасаясь вѣроятно, чтобы съ нимъ, въ самомъ дѣлѣ, не повторилась исторія, случившаяся въ мондровецкомъ саду.

— Господа, я долженъ разсказать вамъ кое что, началъ Генрихъ, услыхавъ приказаніе арестовать его. Однажды въ мондровецкомъ саду.....

Но тутъ Генрихъ вспомнилъ о своей Ядвигѣ, вспомнилъ о неудобствѣ къ оглашенію кое какихъ подробностей, и голосъ его оборвался, онъ замолчалъ и, въ замѣшательствѣ, досталъ изъ кармана данныя ему въ Мондровицахъ бумаги Волинскимъ, какъ бы надѣясь, что онѣ лучше словъ объяснятъ присутствующимъ дѣло. Волинскій молчалъ, а ловкій пройдоха ксендзъ, увидавъ въ рукахъ Генриха бумаги и замѣшательство Волинскаго, смекнулъ въ одну секунду, что бумаги должны заключать въ себѣ какую-то особенную важность и, вырвавъ ихъ изъ рукъ Терлецкаго и подавая свою добычу Волинскому, сказалъ:

— Это, вѣрно, какая-то фабрикація. Недаромъ же говорятъ, что старый плутъ Мондровскій все роется въ архивахъ, отыскиваетъ какіе то документы и потомъ поддѣлываетъ ихъ.

Мондровскій дѣйствительно былъ антикваріемъ, и слова ксендза, въ глазахъ всего общества, имѣли кое-какой смыслъ. Волинскій между тѣмъ схватилъ бумаги и въ одну минуту изорвалъ ихъ въ мелкіе клочки. Замѣшательство Генриха онъ приписалъ испугу и считалъ побѣду рѣшительною на своей сторонѣ.

— Уведите этого щенка! скомандовалъ онъ. Постой-ка любезный я пошлю въ Мондровицы и прикажу справиться, не поддѣлываетъ ли въ самомъ дѣлѣ твой дядюшка документовъ въ пользу своихъ.... пріятелей москалей или какого нибудь инаго чорта.

— Нетронь честнаго имени! закричалъ Генрихъ.

— Уводите его! повторилъ Волинскій. Погоди, я доберусь и до твоей развратной любовницы, я прикажу........

Но звучная оплеуха, данная пану коммиссару Генрихомъ, не дала ему времени кончить свою фразу.

Всѣ остолбенѣли, и въ ту же минуту наряженъ былъ судъ, окончившійся тѣмъ, что Генрихъ Терлецкій, за буйство и неповиновеніе во время военныхъ дѣйствій главному коммиссару варшавскаго центральнаго комитета, осужденъ былъ къ смертной казни—разстрѣляніемъ.

Едва только успѣли увести Генрихи и запереть въ его квартирѣ, какъ прискакавшій во весь поръ одинъ изъ патрулей извѣстилъ, что на него напали козаки, убили начальника патруля Адольфа Дубовскаго и еще около десяти человѣкъ.

Негодованіемъ закипѣло польское воинство. Добыли языковъ и узнали, что рота московскихъ солдатъ заняла Москалевку.

«Смерть смерть москалямъ!» кричали поляки, и сейчасъ же рѣшено было выступить въ походъ до разсвѣта въ Москалевку, чтобъ уничтожить москалей. Генрихъ, забытый въ своей квартирѣ и незнавшій о случившемся, въ полугорячечномъ бреду, прислушивался къ неистовымъ воплямъ своихъ соотечественниковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Польско-мятежническіе съѣзды пановъ и шляхты [1]).

Давненько мы знаемъ г. У**, давненько мы знакомы съ окрестностями и главнѣйшими путями его уѣзда; но ни самый г. У**, ни всѣ его окрестности и пути, въ теченіе послѣднихъ годовъ, не представляли такаго яркаго зрѣлища, какое тамъ бросалось на глаза въ минувшемъ лѣтѣ. Когда бы и куда вы ни ѣхали въ городъ, или изъ города, главнѣйшими ли его дорогами, или проселочными тропинками,—вы не могли имѣть по-

---

[1]) Хотя въ этой статьѣ указываются факты и событія прошлогоднія и общеизвѣстныя, но мы помѣщаемъ ее на страницахъ Вѣстника, какъ матеріалъ для исторіи настоящаго шляхто-ксендзовскаго мятежа. Ред.

кою отъ пролетавшихъ польскихъ экипажей. Разнокалиберныя кареты, коляски, нытычанки, переполненныя разносортными, панскою-шляхетскими физіогноміями, и таскаемыя быстрыми лошадьми съ неизбѣжнымъ брончаньемь и дзеленькиваніемъ разныхъ прибрякушекъ, давили васъ, такъ сказать, на каждой верстѣ, то и дѣло, что сталкивали васъ съ пути. Дороги, нешутя, были покрываемы самыми затѣйливыми экипажными вереницами. Такъ катались у насъ поляки въ апрѣлѣ, маѣ, іюнѣ, отчасти въ іюлѣ и даже въ августѣ прошедшаго лѣта. Варшавскія неистовства, ложная трескотня народовыхъ газетъ, чаяніе какой-то французской помощи, такъ и замѣтно было, экзальтировали панско-шляхетскія катанья, придавали имъ живость, лихую прыть, какую-то особенную важность, педантичность.. Паны и пани своими гопоровыми взглядами, презрительно бросаемыми на васъ, безпощадно поражали, обжигали васъ! Но со смертію, или правильнѣе, съ постепеннымъ замираніемъ надежды на французскую помощь, съ постепеннымъ разсѣяніемъ инсургентскихъ шаекъ—стихали, замирали, какъ будто, исчезали и переѣзды,—катанья нашихъ пановъ. По дорогамъ стало привольнѣе, на душѣ становилось легче отъ мысли, что панскія затѣи утихаютъ. Но умыселъ былъ тутъ другой. Панско-шляхетская современная озлобленность,—раздражительность только притаилась, только измѣнила свои манеры. Она-то, на выдумки, на разныя аферы,—куда, какъ хитра! Дневные переѣзды смѣнились ночными! Съ изумленіемъ слышали мы отъ караульныхъ разныхъ селеній, что множество пановъ ѣздитъ по ночамъ съ почтовыми колокольчиками. »Да какъ-же это? Почему вы не допрашиваете ихъ?« »Когда страшно, паны проѣзжаютъ съ колокольчиками, боимся чтобы неотвѣчать предъ начальствомъ, останавливая тѣхъ, которые проѣзжаютъ, какъ почта. Можетъ быть это проѣзжаютъ наши власти.« Что за метаморфозъ, что за мистификація,—подумали мы! Прежде панове сновали взадъ и впередъ по уѣзду все днемъ; а потомъ, открились панскіе переѣзды по ночамъ, да еще съ почтовыми колокольчиками! Что за экспедиціи,—какія это эмиграціи, или какъ угодно назовитѣ ихъ! Къ чему онѣ? Что онѣ воспроизведутъ?

Безъ всякаго труда легко было понять, что постоянные панско-шляхетскіе переѣзды въ сущности дѣла, нечто другое,

какъ злоумышленныя совѣщанія,—сеймики. Даже простолюдины сообразили въ чемъ дѣло. »Чего то панкы разбѣгались? Мабудь оны все сбѣгаются на свою раду!« Народная увѣренность вскорѣ оправдалась.

Прежде всего составился самый обширный панско-шляхетскій съѣздъ въ У.** Сюда въ маѣ 1863 г. съѣхались богатѣйшіе помѣщики съ своими семействами; а за ними вслѣдъ и множество официалистовъ или праздныхъ трутней. Чтобы сколько нибудь прикрыть — пригладить слишкомъ выдавшуюся рельефность своего съѣзда, панове пустили въ ходъ ту аргументацію, что и они въ деревняхъ боятся возмущенія крестьянъ, что въ городѣ они надѣются нѣсколько времени пожить спокойнѣе и безопаснѣе: а между тѣмъ время потребовало и говенья въ костіолѣ. Крестьянамъ и въ голову не приходила мысль о возмущеніи: скорѣе сами панове готовы были составить планъ возмущенія. Но подъ какими-бы предлогами панове ни съѣзжались въ У...;** но этотъ городокъ представлялъ развитію ихъ умысловъ много удобствъ. Въ немъ множество старынныхъ, длинныхъ, самыхъ помѣстительныхъ жидовскихъ домовъ. Въ одинъ изъ подобныхъ домовъ заѣзжало и тамъ останавливалось по нѣсколько семействъ. Свободный переходъ изъ № въ № представлялъ панствамъ, по вечерамъ и ночамъ, самое благопріятное удобство собираться, совѣщаться, предаваться любимымъ мечтамъ, несбыточнымъ, уродливымъ утопіямъ. Между тѣмъ въ костіолѣ открылось ежедневное nabożeństwo;—панове сновали по улицамъ, принимали видъ кающихся, въ то время, когда чрезъ личину религіозной печали, чрезъ траурные костюмы и шляпы, ярко отражалась желчь и печаль варшаво-революціоннаго свойства.

Вслѣдъ за съѣздомъ въ У...,** гдѣ онъ централизовался около двухъ недѣль, открылся другой панско-шляхетскій съѣздъ въ м. Г.** б. уѣзда — пограничной точкѣ съ у...** уѣздомъ. Съѣздъ этотъ, по сказанію многихъ очевидцевъ, былъ неимовѣрно многолюдный. На немъ, кромѣ пановъ и шляхтичей, было множество женщинъ, дѣвицъ, даже мальчишекъ. И этому съѣзду дано было значеніе религіозное. »Отъ чего такъ много съѣзжалось панства въ Г...?« На подобный вопросъ всякій полякъ и полька отвѣчали: »A to był otpust; т. е. проща.« Удивительно, впрочемъ, что этотъ odpust, продолжался болѣе двухъ

недѣль, но отчего, въ прежніе годы, не бывало въ м. Г. подобнаго otpusta и такого многолюднаго стеченія? Народная молва вотировала, что съѣхавшіеся въ Г... панове угрожали становому смертною бѣдою, если онъ донесетъ правительству о многочисленномъ — небываломъ ихъ съѣздѣ. Но мы не знаемъ на сколько эта молва основательна; но во всякомъ случаѣ то несомнѣнно, что полиція [1]) Г., вдали лежащаго отъ двухъ уѣздныхъ городовъ, его жидовское устройство съ длиннѣйшими, заѣзжими домами, при которыхъ костіолъ, какъ нельзя болѣе и лучше благопріятствовали панско-шляхетскому съѣзду.

Бывали панскіе съѣзды и у пана С. въ с. Л. Сюда, какъ расказывали селяне, частенько пріѣзжало до 30 богатыхъ экипажей, въ которыхъ красовались паны въ костюмахъ послѣдней любимой моды, съ особенными шляпами, украшенными разноцвѣтными лентами. Нерѣдко между панами видиѣлись и *пани*; но все въ черныхъ *сукняхъ*. Деревенское человѣчество съ изумленіемъ смотрѣло на л... съѣздъ,—тѣмъ болѣе, что въ прежніе годы ничего подобнаго оно у себя не видало.

Бывали польскіе съѣзды и въ м. Л. Эти съѣзды централизовались у тамошняго *ржонцы* К. Прислуга этого господина секретно передавала своимъ селянамъ, что, »у нашего пана, по ночамъ, бываетъ много гостей Богъ вѣсть,—откуда ихъ такая пропасть пріѣзжаетъ. Мы давно служимъ у пана; но ни разу не видали у него многихъ пановъ. Сидятъ — сидятъ цѣлую ночь, шепчутся, шепчутся, а съ разсвѣтомъ, какъ сквозь землю проваливаются,—такъ и умыкаютъ; но потомъ, чрезъ недѣлю другую, гляди, снова съ вечернимъ сумракомъ появляются«.

Былъ съѣздъ, слагавшійся изъ нѣсколькихъ десятковъ экипажей, и въ с. Б., но этому съѣзду не посчастливилось, какъ говорится, не поздоровилось... Крестьяне, наведенные на пониманіе дѣла, самою многочисленностію экипажей,—пріудержали господъ, которые и попали въ записи становаго.

Еще объ одномъ шляхетскомъ съѣздѣ. Часто, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, организовался съѣздъ у

---

[1]) Замѣтимъ, что тогда она состояла, большею частью, изъ поляковъ. Впрочемъ двусмысленныя дѣйствія становаго не укрились отъ взоровъ бдительнаго высшаго начальства. Онъ вскорѣ послѣ съѣзда пановъ въ Г. былъ отставленъ отъ должности.

лѣсничаго N., живущаго среди большаго лѣса въ П., имѣніи П. Сюда пріѣзжали шляхтичи—побольшей части разносортные офиціалисты. Объ этомъ съѣздѣ передавалъ кое-что одинъ изъ полѣсовщиковъ, служащихъ при лѣсничемъ. »Николы того не було! Що то значить? До смутка наѣзжае панкивъ и повозками и верхами до нашего пана; сидятъ, та говорятъ, якъ Божа ничь; а чуть день, якъ дымъ исчезаютъ«.

Но довольно о мѣстности и количественности шляхетскихъ сеймиковъ, открывавшихся въ у.** уѣздѣ. Мы только указали на тѣ изъ нихъ, о которыхъ говорилъ народъ. А сколько ихъ было и по мимо вѣдома народнаго, если панове шляхта разъѣзжали и по ночамъ съ колокольчиками? Но лучше взглянемъ на предметъ съ другой стороны. Чѣмъ занимались наши провинціональные сеймики? Что на нихъ рѣшалось? Что положено было предпринять и выполнить?

Хотя панове принимали свое участіе въ сеймикахъ слишкомъ хитро и секретно; хотя сеймовыя рѣшенія и предположенія ихъ—и подъ мракомъ таинственности; но духъ сеймовыхъ сентенцій вѣетъ у насъ слишкомъ осязательно и примѣтно. Какъ сказано: здѣсь Русью пахнетъ, такъ и мы можемъ сказать: у насъ злоумышленностію, озлобленностію, подготовкой рухавки пахнетъ [1]). Но чтобы эта тенденція, въ существѣ дѣла самая несомнѣнная, не показалась голословною, бездоказательною, мы лучше обратимся къ практическимъ аргументамъ. Общеизвѣстные факты, неподлежащіе никакому сомнѣнію, краснорѣчивѣе, неумолимѣе всякаго a priori, всякой тирады, укажутъ, обрисуютъ духъ, характеръ нашихъ шляхетско-подпольныхъ сеймиковъ. Отъ дѣлъ ихъ познаете ихъ!

Въ г. У.** у оконъ срединной аптеки, въ сточной ямѣ, прикритой рѣшеткою, найдено полиціею до 3-хъ гарнцевъ заграничныхъ пистоновъ. Кто заготовилъ, припряталъ ихъ и для какой потребности и цѣли?

Въ с. К. дворовая прислуга увѣряла своихъ родныхъ. и потомъ все село, что она на панскомъ экипажѣ, привезла ночью изъ г. У.** какой-то тяжелый ящикъ въ родѣ сундука, который, нѣсколько человѣкъ, съ натугой, снесли чрезъ садъ, на заднее крильце и затаскали въ самую секретную комнату пан-

[1]) Не нужно забывать, что этотъ разсказъ относится къ эпохѣ начала сентября 1863 года. Ред.

ской спальни. Тутъ панство секретно любовалось вынимаемымъ изъ ящика оружіемъ, въ то время какъ панская кормилица—крестьянка, чрезъ щели двери, съ не меньшимъ любопытствомъ созерцала панско-оружейныя сцены и тайны. Безсомнѣнія кормилица не замедлила, въ свою очередь, ударить въ набатъ, предъ своими родичами, о своихъ созерцаніяхъ, подмѣченныхъ чрезъ щели двери панской опочивальни. Но пока, не смотря на разгорѣвшуюся и несмолкавшую сельскую молву, становой К. нашелъ для себя удобное время произвесть надлежащее разслѣдованіе, оружіе, видѣнное кормилицей, въ слѣдствіе народной молвы, какими-то судьбами успѣло улепетнуть изъ панской спальни,—а становому въ утѣшеніе за полицейскую исправность, достался одинъ только скрывавшій въ себѣ оружіе ящикъ, въ которомъ, говорятъ, такъ и видны различныя отдѣленія и мѣста, соотвѣтственныя для каждаго сорта оружія. Но гдѣ самое оружіе, бывшее въ ящикѣ? Къ чему оно предназначено, если такъ тщательно и секретно было привезено, а потомъ скриваемо въ одномъ изъ секретныхъ панскихъ апартаментовъ??

Въ с. Т. поссесоръ полякъ Г. подготовилъ и подкупилъ двухъ злодѣевъ застрѣлить тамошняго священника, снабдивъ изувѣровъ ружьями; но разбойники, просидѣвъ въ садику священника цѣлую ночь, чтобы застрѣлить его, при первомъ появленіи его на подворьѣ, по особенному счастливому случаю, не достигли своей сатанинской цѣли. Одинъ изъ нихъ терзаемый совѣстію первый открилъ кровожадный замыселъ поссесора, который и дополнилъ собою комплектъ арестантовъ.

Въ с. К п. губ. одинъ шляхтичъ, насильно увлеченный въ шайку фантозеровъ—вояковъ, во всеуслышаніе цѣлой деревни передавалъ, что, въ одну ночь, до 100 инсургентовъ собралось въ долинѣ у села К., но когда, той-же ночи, роздался въ селѣ церковный благовѣстъ ко всенощной (это кажется было противъ 8 сент.) инсургентамъ причудилосъ, что колокольный звонъ не иное-что, какъ набатъ для зова крестьянъ преслѣдовать ночныхъ рицарей, и тогда напалъ на нихъ тайной трепетъ, что всѣ они, какъ храбрые вояки, словно мыши, разлетѣлись по своимъ норамъ, куда только кто могъ улепетнуть; въ слѣдствіе чего и самъ повѣствователь убѣжалъ изъ рукъ своихъ принудителей насильниковъ. Къ чему же было такое сборище вѣтренныхъ, легкомысленныхъ шляхтичей? Что оно

мечтало воспроизвесть на свѣтѣ Божьемъ? И кто организовалъ эту ватагу глупцевъ?

Въ с. О—ой составлялся или происходилъ заговоръ въ домѣ мелкопомѣстнаго obywatela Н., но когда одинъ изъ агитаторовъ шляхтичъ Б. попалъ подъ арестъ б.—сной полиціи; въ то время, за селомъ, въ долинѣ надъ рѣчкой, открыто становымъ закопанное въ землю огнестрѣльное и холодное оружіе, хотя не въ значительномъ количествѣ. Откуда же и къ чему и эта пустая и глупая затѣя?

Въ п—мъ лѣсу нѣсколько молодыхъ поляковъ мелкихъ официіалистовъ, служащихъ въ с. П., закопали, какъ гласила народная молва, два боченка пороха. Но въ то время, когда кандидаты вояковъ прятали въ лѣсу порохъ, кто-то подсмотрѣлъ, подкараулилъ запрятываемую контрабанду и восхитилъ ее. Первоначальныя хозяева пороха заподозрили въ этомъ фокусѣ дѣда—пасѣчника, жившаго въ лѣсу при пасѣкѣ вблизи завѣтнаго мѣста; а потому обратились сначала къ старику съ просьбой—съ разными обольстительными—щедрыми предложеніями, лишь бы только онъ сознался, куда перепрятанъ порохъ; но когда старикъ клятвой и божбой увѣрялъ претендентовъ, что онъ ничего не знаетъ о похищеніи пороха, контрабандисты грозили ему повѣшеніемъ и растрѣляніемъ; впрочемъ, увидѣвъ твердость и неустрашимостъ дѣда, оставили его въ покоѣ; но конечно дѣдъ не скрылъ постигшаго его искушенія и разсказалъ о семъ, какъ въ деревенской расправѣ, такъ и предъ полицейскимъ чиновникомъ.

Въ томъ же лѣсу—кестьянскіе дѣти, пасшія осенью скотъ, отыскали инсургентскій большой палашъ, съ особеннымъ препаратомъ, защищающимъ руку, палашъ достался становому; но весь интересъ въ томъ, откуда и кѣмъ занесенъ онъ въ лѣсъ и тутъ потерянъ.

Въ с. Н. крестьяне отыскали у двухъ шляхтичей инсургентскій снарядъ, — порохъ въ бутылкахъ, ружейную дробь и ружья, за что и здали фантазеровъ подъ опеку у.**—ской полиціи.

Въ с. Д., въ домѣ мелкопомѣстнаго панства сушилось и приготовлялось множество сухарей, отъ нарѣзки которыхъ у одной изъ прислуги образовались мозоли на рукахъ; но благодаря своевременному розыску становаго, сухари изсушились

до атомовъ, не уловимыхъ въ воздухѣ; а доносившіе о нихъ подпали негодованію панства и совокупно становаго [1]).

Въ с. В. недавно крестьяне отыскали въ панской оранжереѣ закопанный порохъ (два ведра), до 70-ти бандажей, нѣсколько фунтовъ корпіи, довольно цѣлебныхъ пластырей противъ ранъ. Всѣ эти запасы хранились нѣкоторое время въ волостной расправѣ, гдѣ и разсматривались приходившими крестьянами... Кажется довольно фактовъ, самыхъ зловѣщихъ—возмутительныхъ, далеко нешуточныхъ. Всѣ они проливаютъ самый яркій свѣтъ на тайные съѣзды, на разновременные сеймики провинціальнаго панства и шляхетства. Повторяемъ: при такихъ фактахъ легко понять и духъ и характеръ направленія сеймиковъ. Это, безъ всякихъ перифразовъ, революціонныя сборища, самыя враждебныя и злоумышленныя компаніи, мечтающія о воскресеніи zmarłéj ojczyzny.

Но какъ бы много и громко ни говолили о шляхетскихъ сеймикахъ указанные факты, однако они—не совсѣмъ разоблачаютъ духъ мятежныхъ сборищъ, не вполнѣ исчерпываютъ, такъ сказать, содержаніе ихъ. Другіе факты идущіе паралельнымъ путемъ, тоже не мало скажутъ въ объясненіе сеймиковъ. Послѣдніе укажутъ намъ то, что на польско-шляхетскихъ сборищахъ особенно не забыто правило, предписывающее мутить воду для удобнѣйшаго лова рыбки, яснѣе сказать: пановве не забыли порѣшить: собща придерживаться системы прижиманія крестьянъ,—сколько хватитъ іезуитизма изощряться въ этой системѣ до того, пока неудастся вывесть изъ терпѣнія народъ, взволновать его. Какъ видно панове поняли, что система золотыхъ грамотъ, кумовства, обѣдовъ, тостовъ, обниманій и лобзаній — устарѣла, какъ-то оказалась неблагонадежною, не принесла желаемой пользы и не привела къ вожделѣнной цѣли. Ну! и порѣшили всевозможными путями прижимать и угнетать крестьянъ въ хозяйственномъ отношеніи. Теперь чрезъ какое-бы село вы ни проѣзжали, вездѣ, гдѣ только помѣщикъ, услышите жалобы отъ крестьянъ—общій ропотъ на то, что панове злостно, туго и враждебно относятся къ крестьянамъ по дѣламъ хозяйства и агрономіи... Но пусть говорятъ самые факты!

— Панове помѣщики, какъ будто во исполненіе какого-то

---

[1]) И тотъ становой смѣненъ.

непремѣннаго закона, условились — не отводить крестьянамъ пастбищъ ни за какія деньги; а приняли за норму не иначе назначать, подъ временныя крестьянскія пастбища, свои лишнія десятины, какъ за лѣтнюю работу, т. е. жатву, косовицу, уборку, или свозку съ полей копенъ хлѣба. Крестьянамъ въ высшей степени невыгодно за пастбища отвѣчать работой, какъ потому, что въ такомъ случаѣ страдаетъ своя уборка хлѣба, такъ и потому, что вынужденная за пастбища отработка далеко превышаетъ денежную стоимость пастбища. Но изъ сожалѣнія къ своему скоту, который могъ бы много потерпѣть отъ тѣсноты крестьянскихъ надѣловъ, крестьяне принуждены принимать на свою шею новое самое непріятное ярмо, изобрѣтенное панскою политикою; а между тѣмъ панове въ такой казуистикѣ находятъ громадныя средства поддерживать, упрочивать свое хозяйство; а особенно убирать созрѣвающій хлѣбъ—и все это ни болѣе, ни менѣе, какъ за одинъ бурьянъ, сгрызываемый скотомъ, удобряющимъ панскіе участки, хотя помимо пониманія и вѣдома крестьянъ. Эта своего рода комедія поднята и разыгрывается панствомъ не давно, но между тѣмъ на большомъ пространствѣ,—далеко не въ одномъ у...** уѣздѣ.

Частнѣйшихъ фактовъ въ подобномъ вкусѣ и родѣ неисчислимое множество. Укажемъ на нѣкоторые изъ нихъ. Вѣдь онѣ довольно интересны!

Въ м. Л. воспрещено крестьянамъ, чрезъ панскія пустыя или отдыхающія поля, прогонять скотъ на водопой, и по милости такой ново-модной—слишкомъ гуманной системы, крестьяне принуждены были гонять свой скотъ къ водопою около 6—7-ми верстъ отъ села. Что это такое? Какъ угодно; а этотъ методъ преисполненъ цинизма—жестокости; а онъ-то исходитъ отъ тѣхъ, которые такъ громко во всеуслышаніе цѣлаго свѣта, вопіютъ о своей шляхетской krwi, о нѣжности своей натуры, о своей интелигенціи!. Тутъ невольно припоминаются слова: »въ сей хижинѣ одно говорятъ, а другое думаютъ, или творятъ,« которыя самымъ вѣрнымъ образомъ опредѣляютъ, или выражаютъ психологію нашего шляхетства и панства.

Въ с. П. панъ отнялъ у крестьянъ коноплянники, расположенные ниже крестьянскихъ огородовъ,—часть самыхъ огородовъ; но какъ тѣ, такъ и другіе искони находились въ пользованіи крестьянъ, въ самыя злополучныя эпохи ихъ быта,

при давнихъ помѣщикахъ. Сверхъ того, не говоря о комедіи, разыгрывающейся на счетъ водопоя и въ этой деревни крестьяне платятъ самый тяжелый денежный штрафъ въ карманъ пана, если не только скотина, но даже утка, курица, ягненокъ ступитъ, или правильнѣе коснется ногой панской—пустопорожней земли... Прислушался-бы этотъ панъ какъ на него ропщутъ, негодуютъ крестьяне, имъ прижимаемые. Но вѣрно стоны бѣднаго едва дыхнувшаго свободно—деревенскаго населенія ни почёмъ для мнимо нѣжнаго и цивилизованнаго jegomości.

Въ п... имѣніи—экономическою конторою принято за правило, года два назадъ и теперь, ни подъ какимъ предлогомъ, ни за какія деньги, не давать и не продавать лѣса крестьянамъ. Что за цѣль — такого куріознаго правила? Неиначе какъ та, чтобы привесть въ ветхость, въ развалины крестьянскія избы и постройки, — а тамъ поставить крестьянъ въ трудное, хлопотное положеніе. Чтобы дать почувствовать крестьянамъ всю нужду въ лѣсномъ матеріалѣ, положено не продавать лѣса не только на хозяйственныя потребности, но и на поддержаніе сельскихъ православныхъ храмовъ. Ясное дѣло: съ обвѣтшалостію, съ полуразрушеніемъ храмовъ и колоколенъ, крестьяне должны нести много хлопотъ, много издержекъ, а такое дѣло, по убѣжденію панства, много можетъ огорчать, волновать бѣдный народъ, пока нуждающійся во многомъ. Но едва ли сбудутся подобные расчеты!? Крестьяне единогласно высказываютъ ту мысль, что они готовы съ радостію, за послѣднюю свою копѣйку покупать лѣсной матеріалъ, какъ на свою домашнюю, такъ и на церковную потребность, хотьбы и въ отдаленныхъ мѣстахъ; но лишь бы только навсегда разстаться съ прежнимъ гнетомъ польскимъ... Но въ то время, когда жестоко отказываютъ крестьянамъ въ лѣсномъ матеріалѣ, потребномъ на поддержаніе церквей, всякій оффиціалистъ и всякій шинкарь, будь онъ и еврей, получаетъ по 25 фуръ дровъ въ одну зиму. Но когда столь важныя и полезныя личности, не имѣя собственныхъ силъ и средствъ вывозить изъ лѣса ассигнованныя имъ дрова, уступаютъ крестьянамъ третью часть ихъ за перевозку, тутъ особенно слѣдятъ за тѣмъ, чтобы доставляемая, за извозъ,—крестьянамъ третья часть дровъ не поступила на отопленіе церковно-приходскихъ школъ; а иначе крестьяне лишаются права зарабатывать дрова — и перевозомъ ихъ оффиціа-

листамъ и шинкарямъ. Такъ страшны папамъ правос. храмы и школы! Такъ рады они видѣть тѣ и другія въ полуразрушеніи, въ паденіи! Не мало радости имъ и въ томъ, чтобы поскорѣе видѣть крестьянъ, нуждающимися въ новыхъ избахъ, въ земледѣльческихъ орудіяхъ, а тамъ имѣть случай, проповѣдывать, пожалуй, тягость крестьянскаго новаго положенія, всю красоту и очаровательность стараго, когда, дескать, мы паны такъ жертвовали многимъ для блага крестьянскаго, отъ котораго бѣдному люду не разъ линяла и слазила кожа. Но прекратимъ тяжелую непріятную матерію!

Изъ той и другой категоріи указанныхъ фактовъ довольно ясно видно, что панове-шляхта заняты своими мечтами, своими затѣями! Но куда приведутъ васъ, господа, ваши планы, ваши затѣи? Чего вамъ хочется достигнуть? Сказать по правдѣ?.. Скорѣе всего безчестія, презрѣнія, ненависти у простаго народа, не говоря уже о томъ позорѣ, какой вы приготовляете себѣ, своими экзерциціями, предъ судомъ исторіи и своего собственнаго потомства.

Помните господа, что народъ живо еще помнитъ ваши *арапники*, вашъ шляхетскій деспотизмъ, убивавшій всю натуру простолюдина! Зачѣмъ еще растравлять его незажившія раны, растравлять разными хозяйственными прижимками, уловками?. Вы надѣетесь своими увертюрами прижать, а потомъ взволновать народъ? Но вы горько ошибаетесь! пламя, возженное-приготовленное вами обожжетъ васъ самыхъ. Народъ нашъ самый терпѣливый, но когда вы надоѣдите ему своими прижимками— своими wykrętasami, онъ только отвернется отъ васъ, не станетъ смотрѣть на васъ;—а тогда и полюбуетесь своими землями, когда ихъ покроютъ сорныя травы и буйные бурьяны!

По пока панове пожнутъ плоды отъ своего сѣянія, не мѣшало-бы полиціи чрезъ сотскихъ и старшинъ слѣдить за панскими съѣздами, не мѣшало бы ей отнять у пановъ и шляхты импровизированное право по ночамъ ѣздить съ колокольчиками, предъ которыми нашъ простолюдинъ благоговѣетъ, а потому почтительно пропуская проѣзжающихъ съ чиновничьимъ атрибутомъ, — не исполняетъ обязанности караульнаго, чѣмъ панове пользовались и пользуются, потѣшаясь надъ крестьянскою простотою.

Наконецъ не мѣшало бы и гг. посредникамъ строго вникать въ быть,—а особенно правильно разбирать жалобы крестьянъ, защищать ихь отъ тѣхъ прижимокъ, которыя они терпятъ, по милости одной іезуитской политики и злонамѣренности своихъ прежнихъ пановъ; — а не то, пожалуй, простой народъ, оставаясь долго беззащитнымъ, наконецъ можетъ потерять и свое желѣзное терпѣніе, а тамъ и выйдутъ плохія явленія [1]).

Любящій правду и отечество Г. Р.

15 сентября 1863 г.

Границы между русскимъ (русинскимъ) народонаселеніемъ и другими народностями въ Галиціи и Буковинѣ. [2])

а) границы между русскою и польскою націями въ Галиціи.

Вообще можно сказать, что р. Сянъ (Сянъ) становитъ границу между польскимъ и русскимъ народами въ Галиціи и новое административное раздѣленіе Галиціи придало тѣмъ границамъ и политическое значеніе, такъ какъ краковская область (Regierungsbezirk) состоитъ преимущественнно изъ польскаго народонаселенія.

Пограчичную линію между двумя этими племенами можно опредѣлить съ довольно большею точностію слѣдующимъ образомъ. Эта линія начинается на границѣ сандечскаго округа и комитата спижскаго (Zips) между польскимъ с. Нижная Цавница и польско-русскимъ с. Шляхтова. Однакоже тянется по при венгерско-галицiйской границѣ только лишь узенькая полоса польско-русская, а тамъ преобладаетъ польскій языкъ опять до самой раницы, на противъ которой, съ венгерской страны, подходитъ островъ словацкаго народонаселенія. Только отъ с. Ломница и Великая Верхомля (на правомъ берегу р. Попрада) начинается безпрерывная граничная линія. Сначала смѣшанныя селенія Барновице, Чачовъ, Рыбень и Вышняя Попрадова. Сѣверо-восточное направленіе этой линіи, которая, потомъ отъ с. Брулёва Польска принимаетъ преимущественно восточное направленіе чрезъ южную полосу бывшаго Ясельскаго округа и продолжается, прикасаясь польскихъ селеній Ропа, Шимбарвъ, Сенькова, Липники,

---

[1]) Съ сентября 1863 г. положеніе крестьянъ и ихъ отношенія къ панамъ измѣнились къ лучшему, благодаря попеченію и заботливости правительства. Ред.

[2]) Статья заимствована по большей части изъ превосходнаго въ своемъ родѣ сочиненія: Etnographie der österreichischen Monarchie von Freih. Carl v. Czörnig Wien 1857. Послѣ статьи Д. Зубрицкаго «Границы между польскою и русскою націею въ Галиціи, помѣщенной въ 4 кн. Вѣстника и эта статья хотя и съ такимъ же самымъ заглавіемъ, не лишена, ни новости, ни интереса.

Пагурекъ Цѣклинъ, Осѣкъ, Самокляски, Мрукова, Скальникъ, Конты и Иаля, идетъ отъ польскаго городка Рымановъ до польско-русскаго с. Ворòблинъ королевскій къ сѣверо-востоку; оттуда, окружая польскія мѣстности Заршинъ, Длуге и Страхоцино, опять принимаетъ свое прежнее направленіе и тянется между польскими сс. Грабовница, Весоладь, Липникъ, а русскими Покотровка, Небоцко, Издебки, Лубно, Дыновъ и Бахорь, частью паралельно съ р. Саномъ, до границы Ржешовскаго округа, смежно съ саноцкимъ и перемышльскимъ округами, которой границы держится она до самыхъ предѣловъ русскаго Царства Польскаго, за исключеніемъ небольщихъ заливовъ польскихъ возлѣ Тарнавки въ саноцкомъ, а также и возлѣ Ярославля и Острова недалеко Радымна врывающіеся въ перемышльскій округъ.

Внѣ этой граничной линіи находится еще въ ясельскомъ округѣ, среди польскаго населенія, окрестность русская, начинающаяся отъ Спаровки черезъ Венглёвку до Черныхъ рѣкъ, и два къ сѣверу особнякомъ расположенныя русскія селенія. Подобнымъ образомъ находились еще въ ржѣвскомъ (ржешовскомъ) округѣ на западъ отъ мѣстечка Кангуга двѣ русскія деревни Тарнавка и Гадле, а даже подъ самымъ Решовымъ с. Залѣсье, Бѣла и Матысовка. Тоже нѣсколько селеній русскихъ на правомъ берегу р. Таньи при устьи ея въ Санъ.

Къ выше приведенной граничной чертѣ между польскимъ и русскимъ народонаселеніемъ прилегаетъ, на значительномъ пространствѣ, смѣшанное польско-русское народонаселеніе, котораго граничная извилистая линія, можетъ быть означена слѣдующимъ образомъ. Исходя отъ м. Сѣнява (не далеко р. Сана) тянется она около с. Майданъ къ границамъ Царства Польскаго, продолжается по граничной чертѣ до с. Мощаница, обращается около м. Цѣшанова къ югу до с. Залуже, потомъ на западъ чрезъ с. Дахновъ и Олежицы къ границамъ жолковскаго и перемышльскаго округовъ, которыхъ держится, за исключеніемъ сѣверо-восточнаго изгиба, къ с. Щутковъ и до Воли Змѣевской. Потомъ принимаетъ южное направленіе чрезъ с. Криковецъ и Старяву до Мостискъ и Судовой Вишни (между которыми мѣстечками образованъ большій островъ польской народности), откуда обращается къ сѣверовостоку чрезъ с. Любѣнь къ г. Яворову, и окруживъ опять въ различныхъ изгибахъ къ югу чрезъ с. Брухналь къ Братковцамъ въ Львовскомъ и къ м. Рудки въ Самборскомъ округахъ прекращается на этихъ восточныхъ оконечностяхъ. Оттуда тянется почти паралельно съ южнымъ предѣломъ перемыскаго окр. чрезъ с. Вишенку, Крукеницы къ с. Чишки и Нижній Бложевъ въ самборскомъ окр., подносится къ сѣверозападной странѣ возлѣ г. Новое Мѣсто и с. Трушовицы, Пацлавъ и Брилинцы до с. Купно надъ р. Саномъ, прикасается въ саноцкомъ окр. по большей части въ южномъ направленіи сс. Сувчина, Коренецъ, Кузьмина, Грязева, Юречкова, Ольшаница, Устіянова, Дашовка, достигаетъ возлѣ с. Соколье и Волковыя самой южной оконечности, потомъ обращается опять назадъ къ сѣверу чрезъ с. Звѣринъ, Лиско, Нижную Безмѣхову

Тараву волоскую до Малявы, продолжается снова къ югу чрезъ Залуже до Чашина, и достигаетъ, переступивъ р. Ославу на западѣ, полей м. Буковска, въ направлении къ м. Рыманову мѣстности самаго польскаго населенія.

Въ этой смѣшанной области находятся нѣкоторые чисто-польскіе округи: а именно: а) вышеприведенный округъ возлѣ м. Мостиска, б) сел. Тулиголовы и Рокитница, в) округъ недалеко м. Дынова, г) Дыдня и Обаринъ, д) одинокія мѣстности около г. Санова и мн. др. Равнымъ образомъ находятся въ томъ районѣ и чисто-русскія (малороссійскія) окрестности; именно: а) Солоное, б) нѣсколько деревень на сѣверѣ отъ Перемышля, в) с. Клоковичи и Сельце, г) округъ отъ с. Конюшки и Мочерады до Пакости и Тулковичь. Кромѣ того, что языкъ польскій въ употребленіи между высшими сословіями и по городкамъ и мѣстечкамъ всей восточной Галиціи, находится еще значительное число польскихъ и русско-польскихъ мѣстной, частію особо расположенныхъ, частью смѣшанныхъ между собою.

Преимущественно польскіе округи находятся около Львова, именно восточная группа около Бѣлки и Сухорѣчь (Zuchorzycie), южная около с. Сокольники, Годовичи, Зубря, и Чижки, и западная с. Зимна Вода. Къ одиноко расположеннимъ мѣстностямъ, въ которыхъ народъ говоритъ по польски, принадлежатъ: Костѣевъ въ львовскомъ окр. Пискоровице, Рудка, Мильчице въ перемышльскомъ, Обыдовъ, Ясеница польска, Вицынь въ солочевскомъ, Ялиска и Бориславка въ саноцкомъ, Стрѣлковичи (Strzałkowice) въ самборск., Волчковъ, Подзамечекъ и Тарновица польнѣ въ станиславовскомъ, Дулибы въ бортковскомъ округахъ и мн. др. — Сверхъ того находятся еще группы польскаго народонаселенія въ другихъ странахъ: а) группа возлѣ границъ Царства Польскаго, отъ с. Старый Нароль и Белзецъ до м. Блажова и с. Ловча, б) около м. Немирова мѣстности Улицко, Щирецъ, в) группа около Львова отъ русской Рясны, Бартанова и Ставчанъ до сѣверовосточной границы окр. львовскаго коло м. Ярычева, г) два острова польскаго народонаселенія недалеко гор. Городка, д) мѣстности на сѣверномъ берегу р. Днѣстра отъ с. Малпа и м. Комарно, до сел. Пустомыты, Милятичи и м. Миколаевъ, е) окрестность гор. Самбора, ж) Устрыки и Ясень, з) въ гор. Дрогобичѣ и въ окрестности, и) нѣкоторыя селенія въ сѣверной странѣ стрыйскаго и станиславовскомъ окр. особенно вдоль по Днѣстрѣ, і) группа коло Золочева, к) с. Драгановка и Ходачковъ въ тарнопольск. окр. л). Наконецъ коло города Збаража и по селеніямъ вдоль р. Гнѣзны до гор. Теребовля и еще ниже. — Впрочемъ надобно замѣтить, что большая часть польскаго народонаселенія въ восточной Галиціи не природные поляки или мазуры, а ополяченные русины, изъ которыхъ многіе въ своихъ семействахъ говорятъ на мѣстномъ русскомъ нарѣчіи, прочіе же, хотя у себя дома говорятъ по польски (или рѣдко по мазурски) хорошо владѣютъ и малорусскимъ нарѣчіемъ и на томъ нарѣчіи разговариваютъ съ сосѣдними русинами.

Предположивъ впрочемъ, что на основаніи историческихъ данныхъ

въ границахъ опредѣленныхъ пова Д. Зубрицкимъ по р. Вислоку вся земля до завоеванія ея поляками населена была русскимъ народомъ, то въ соображеніи вышеочертанныхъ нынѣшнихъ этнограф. предковъ, Русь потеряла отъ задада на корысть польскаго народа: а) весь решовскій округъ около 80 квадр. миль, содержащихъ нынѣ круглымъ числомъ 286,000 душъ, б) вост. часть тарновск. окр. около 30 квадр. м. съ населеніемъ приблизительно 100,000 душъ, в) почти половину бывшаго ясельск. окр.—около 20 квадр. м., близко 90,000 д. ч.) часть саноцк. окр. слишкомъ 15 квадр. м. и около 40,000 душъ, итого 150 квадр. м. съ нынѣшнимъ народонаселеніемъ слишкомъ $^1/_2$ милліона. Не менѣе потеряла русская народность на юговостокѣ со времени занятія Буковины валами или румынами. Съ востока занимаетъ русское народонаселеніе внѣ собственной Галиціи б) границы между русскимъ и румынскимъ народонаселеніемъ нынѣ еще почти половину Буковины. Здѣсь граничитъ Русь съ румынскимъ племенемъ по слѣдующей линіи: вышедши отъ с. Кирлибаба на седмоградской границѣ въ вершинахъ Карпатъ, и окруживъ смѣшаный русско-румыскій округъ т. е. селенія Молдову, Брязу, Русъ пе Боуль и обѣ Молдавицы, тянется линія къ р. Молдавицѣ, на лѣвомъ берегу между которой с. Чорнорпа и Сучавица, досягаетъ воднаго предѣла. Потоки Бродиннора и Бродина ведутъ далѣе къ с. Брязинъ и Шадова надъ р. Сочавой; далѣе ведетъ потокъ Фалькеу къ возвышенностямъ, которыя отдѣляютъ р. Серечель и малый Серетъ отъ большаго Серета. Около о. Сторожинцы переступаетъ граничная черта р. Серетъ, окружаетъ смѣшаный округъ сел. Панка, Брожовцы и Каменна, и переходитъ чрезъ гору Цецину къ Черновцамъ надъ Прутомъ. На сѣверѣ этой рѣки пересѣкаетъ окрестность м. Садагуры и кончается за е. Чернавкой на границѣ Бессарабіи, при чемъ опять обнимаетъ смѣшаную область около с. Васловцы, Вербовцы —За этой чертой находится среди румынскихъ поселеній на самой границѣ Молдавіи большій островъ русскихъ селеній, который тянется отъ с. Маморницы чрезъ с. Лукавицу, Терешены, Нижніе Станищи, Поениллы, Нижніе Синовцы, Негоштину, Гропану къ Шербовцамъ, и обнимаетъ большими изливанами с. Глибоку, Каменку и Бѣлокирницу (Фонтина алба.) Между тѣмъ есть и среди той области румынскія селенія. Вторый островъ русскій находится на границѣ южной отъ Молдавіи и обнимаетъ чисторусскія (малорусскія) сел. Слатѣра Дземинъ и Остра.— Сверхъ того находится около 2,500 русскихъ (великороссовъ) старовѣрцевъ, которые поселились во второй половинѣ прошедш. стол. подъ именемъ Филиппоновъ или Липованов ъ, и занимаютъ исключ. сел, Бѣлокриницу, Климовцы, и Липовены, сохранивъ своей языкъ и народные обычаи.

Съ сѣверной и восточной стороны прилегаетъ галицко-русское народонаселеніе къ своимъ одноплеменнымъ братьямъ, засѣляющимъ сосѣднія губ. люблинскую, волынскую, каменецъ-подольскую и бессарабскую. На югѣ за Карпатскими горами продолжается по всему южному склону таже русская народность, гдѣ считается русиновъ въ

пражевской епархіи (Eperies) 143, 339 душъ, а въ мукачевой (Munkacs) 374,088. Вмѣстѣ 517,266 душъ.

б) Статистическо-этнографическое обозрѣніе народонаселенія Галиціи и Буковины.

По сказанію Нестора, въ нынѣшней Галиціи издревле обитали славянскія племена, хорваты, къ которымъ притыкались съ сѣвера и востока бужанѣ, дулѣбы, угличи, тиверцы. Сверхъ того, Константинъ Багрянородный упомнаетъ о землѣ именуемой Бойки. На западъ отъ этихъ славянскихъ племенъ поселились ляцкія (славянскія же) племена.—Со времени воцаренія князей Рюрикова рода затерялись племенныя названія, а водворилось общее имя Руси или русскихъ и весь народъ прозвался русскимъ или Русью—а свое греч. вѣроисповѣданіе прозвалъ русскою вѣрой, которая была господствующею въ бывшихъ княжествахъ галицкомъ и перемышльскомъ.—Послѣ прекращенія династіи Романа Мстиславича занялъ правомъ сильнѣйшаго Казимиръ король польскій около половины XIV вѣка нынѣшнюю восточную Галицію, которая впослѣдствіи обращена въ польское воеводство. Съ тѣхъ поръ начинается сильный приливъ поляковъ, нѣмцевъ и евреевъ, поселившихся преимущественно по городамъ и мѣстечкамъ. Опустошенныя, въ военное время, русскія земли заселяемы были польскимъ или мазурскимъ народомъ. Между тѣмъ пропаганда лат. духовенства обратила и природныхъ русскихъ въ латинство, и тѣмъ способомъ многіе отчуждались отъ своей народности и превращались въ поляковъ. Нѣмецкіе колонисты поселены уже во время австр. владычества. Нынѣ Галиція раздѣлена на двѣ правительственныя области: восточную—львовскую и западную—краковскую. Первая обнимаетъ 12 вост. округовъ, вторая 5 западныхъ. Народонаселенія считается нынѣ въ Галиціи 4,632,866 душъ, которые живутъ въ 83 городахъ, 434 мѣстечкахъ и 6,271 селеніяхъ. По вѣроисповѣданію считается: [1])

Греко-уніятовъ (исключительно русиновъ)	2,077,112
Римо-катол. (по большей части ополяченныхъ русиновъ)	2,072,633
Евреевъ	448,973
Православныхъ (по большей части русиновъ)	153

[1]) См. Handbuch des stathaltere-Gebiets in Galizien für das Jahr 1863. Lemberg.

Арменско-католич. исп.	исключит. арменскаго		2,309
Арменско-грековосл. исп.	племени		98
Протестантовъ (т. е. лютер. и кальвин. исп.)	исключит.		31,100
Унитаріевъ или меннонистовъ	нѣмцы		95
Другихъ вѣроисповѣданій (также по больш. час. нѣмцы.)			393

Въ львовской управительной области считается русиновъ душъ 2,031,377 на все народонаселеніе 2,974,385, изъ которыхъ, исключивъ еще евреевъ 345,000 д., нѣмцевъ, католиковъ и протестантовъ около 60,000, армянъ 2,000, и другихъ національностей около 5,000, останется изъ приведенной суммы на счетъ поляковъ едва 280,000 въ восточной Галиціи, между которыми едва треть, будетъ настоящіе поляки, большинство же ополячившіеся, чрезъ совращеніе въ латинство, русины.

Яковъ Головацкій.

Общее число жител

НАЗВАНІЕ ОКРУГА.	Содержитъ кв. миль.	Считалось жителей въ 1863 году.		
		Всѣхъ вообще.	Въ томъ числѣ русиновъ.	Евреевъ.
Въ львовской управительст				
Въ городѣ Львовѣ . . .	055	70,384	4,184	22,58
Въ Львовскомъ округѣ . .	3,585	117,626	68,844	7,515
Вмѣстѣ . . .	3,637	188,010	73,004	30,17
Въ Саноцкомъ округѣ . .	1,203	194,287	152,209	22,67
Въ Самборскомъ	9,933	257,289	200,787	23,427
Въ Перемышльскомъ . . .	6,954	239,547	148,935	21,90
Въ Жолковскомъ	9,008	247,361	167,540	25,32
Въ Золочевскомъ	9,522	274,037	170,287	43,79
Въ Бережанскомъ . . .	7,426	233,085	160,115	24,72
Въ Стрыйскомъ	11,677	143,909	194,647	27,54
Въ Станиславовскомъ . .	9,474	299,024	218,880	34,92
Въ Коломыйскомъ . . .	7,986	285,872	223,518	31,19
Въ Тарнопольскомъ . . .	6,424	249,115	137,615	26,55
Въ Чортковскомъ . . .	6,594	275,849	183,790	32,82
Всего. . .	97,869	297,385	2,031,377	345,00
Въ краковской управительс				
Въ Краковскомъ и Вадовицкомъ.	12,994	632,719	110	37,24
Въ Сандецкомъ	8,458	260,759	35,497	12,15
Въ Тарновскомъ	8,208	318,470	1,204	28,58
Въ Ржешовскомъ. . . .	8,537	316,137	9,077	25,99
Во всей Галиціи	136,066	4,597,470	2,077,256	448,97
Въ Герцогствѣ Буковинскомъ	1,896	380,586	144,982	26,85
Итого во всей Галиціи и Буковинѣ		4,978,056	2,222,247	467,82

А
А
П
У
Д
2
Ч
О
О
В
Ц
С

7	2
3	
3	
5	
9	2
1	
9	
3	
5	
4	
5	2,

ТВЕ

0	
4	
3	
1	
3	2
6	
9	2

Корреспонденція изъ августовской губерніи.

ПИСЬМО I.

Мы вообще мало знаемъ наше обширное и,—если нельзя сказать неизмѣримое, то скажемъ безошибочно,—неизмѣренное отечество, о народонаселеніи котораго можно съ одинаковою степенью достовѣрности утверждать, въ одно и то же время и не шутя, что оно состоитъ изъ 74,000,000 душъ и 70,000,000 и 72,000,000 и т. п., о богатствѣ котораго говорятъ многіе, пріобрѣвшія надлежащую опытность, почтенныя лица и которое, въ дѣйствительности, богато предположеніями, клонящимися къ общей пользѣ, надеждами на будущее всеобщее благосостояніе, которое придетъ само собою въ награду за наше благонравіе, и—неиспорченностію нравовъ его обитателей, ибо сею послѣднею только и можно объяснить необыкновенно малое число училищъ для народа, учрежденіе которыхъ необходимо вызывается, что извѣстно всякому, какъ противоядіе,—губящими простонародіе развратомъ, пьянствомъ, суевѣріемъ, лѣнью, невѣжествомъ и другими пороками, доставляющими казнѣ удовольствіе возиться съ недоимками. Да, мало мы знаемъ наше отечество;—но, кажется ни одна мѣстность на Руси въ такой степени и во всѣхъ отношеніяхъ мало извѣстна, какъ августовская губернія. Послѣднія событія, однако, обратили всеобщее вниманіе образованнаго общества на нашу землю и на ея населеніе, не умѣющее хорошо говорить о своей преданности [1]), о своей готовности лечь костьми за своего Царя; но, тѣмъ не менѣе, населеніе преданно [2]). Многіе хорошіе люди стали задавать себѣ вопросы: каково-то живется въ этой дальней сторонѣ. Хорошо-ли бѣдному русскому и жмудскому крестьянству. Не желаетъ-ли оно помощи, не проситъ-ли о чемъ-либо, не надо-ли подать ему братнюю руку, для избавленія его отъ всего дурнаго и опаснаго, не надо-ли и нельзя-ли помочь ему образоваться въ духѣ русскомъ, въ духѣ беззавѣтной вѣрности сво-

---

[1]) Мы, не говоримъ о полякахъ, которые здѣсь люди пришлые и наѣзжіе.

[2]) Замѣчательно, что здѣсь, какъ и вездѣ на Руси, простолюдье называетъ царя—освободителемъ.

ей земли великой и своему правому царю. И много, много вопросовъ связали съ нашей мѣстностію люди, любящіе Русь, не продающіе ее врагамъ изъ видовъ своекорыстія, не торгующіе счастіемъ своихъ братьевъ.

Вотъ по этому-то мы и считаемъ своевременнымъ ознакомить, на сколько съумѣемъ, образованное общество съ нашею мѣстностію. На сколько съумѣемъ, говорю, потому-что охота-то великая у насъ, побуждаемая радостію отъ сознанія, что мы уже не столь одиноки, какъ были доселѣ, что наши родные вспомнили о насъ, хотя въ черные дни, что уже насъ не бросятъ по прежнему, не скажутъ намъ язвительно «ополячивайтесь, коли позволено». Да, мы теперь увѣрены, что насъ не заставятъ ополячиваться, не принудятъ холодностію о нашей горькой судьбѣ и отталкиваніемъ примыкать къ лику измѣнниковъ. А это сознаніе даетъ намъ бодрость сказать кое-какую правду о нашей землѣ. Но, въ тоже время, мы боимся сказать что нибудь лишнее, чтобы не понравилось, вызвало-бы осужденіе, которое окончательно можетъ убить наше начавшееся возрожденіе. И такъ, со страхомъ Божіимъ, начинаемъ съ извѣстій изъ главнаго города и съ извѣстій, которыя, надѣемся, способны всякаго честнаго человѣка порадовать, оставляя за собою право молчать, или, покрайней мѣрѣ, не наводить на разговоръ о всемъ томъ, о чемъ не можетъ быть и рѣчи, благодаря нашей, впрочемъ весьма понятной, трусости.

28 февраля главный нашъ городъ, Сувалки, праздновалъ Царскую милость-обнародованіе высочайшаго указа 19 февраля объ улучшеніи быта крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ. Говорятъ очевидцы и пишутъ намъ изъ Польши, что и тамошніе крестьяне немного ожили отъ радостной вѣсти, — можно изъ этого заключить, что наше русское bydło и жмудь, одинаково ненавидящіе поляковъ и нѣмцевъ и одинаково терпѣвшіе преслѣдованія и гоненія за свою народность,-были обрадованы и искреннюю свою радость не прятали, какъ прежде, отъ пановъ и отъ людей, которые, по справедливости, могутъ гордиться тѣмъ, что народъ называетъ ихъ отцами и освободителями. Но разскажемъ по порядку о томъ, что дѣлалось въ нашемъ городѣ вчера.

Въ 10 часовъ утра, генералъ Баклановъ, поздоровавшись

съ войсками, вошелъ въ католическій соборъ, переполненный народомъ. Толпа простонародія стояла около собора въ ожиданіи прочтенія имъ Царской воли. Въ соборѣ, гдѣ были собраны всѣ чиновники и офицеры,—были и помѣщики,—читалъ указъ ксендзъ. Но пришла очередь и для народа, непомѣстившагося вь соборѣ, выслушать слово, призывающее къ жизни. Отъ военнаго сословія, которое крестьяне полюбили братски и которому многое братски простили, услышано это слово жизни,—многообѣщающее. Торжественный былъ видъ. Толпа съ открытыми головами, съ благоговѣніемъ слушающая чтеніе указа, всякое слово, всякое положеніе котораго ею понято и оцѣнено сразу. Это bydło, это хлопство не нуждалось въ толкованіи.

По окончаніи чтенія и провозглашеніи многолѣтія Государю, раздалось «Боже Царя Храни!», встреченное дружными «ура!» войска и народа повеселѣвшаго. Послѣ этого толпа двинулась къ дому, въ которомъ живетъ генералъ Баклановъ и—на краткое привѣтствіе любимаго начальника прокричала ему неоднократное «ура!»; крестьяне не разъѣзжаясь цѣлый день и гуляли по городу. Часто, по желанію ихъ, музыканты должны были играть народный гимнъ; какъ дѣти радовались многотерпѣвшіе, долго несшіе крестъ люди, обращенные чужеземцами въ рабочій скотъ, и, какъ дѣти, молились за Освободителя,—всю ихъ надежду на лучшее въ будущемъ: трогательна была и возвышающа эта радость рабовъ, объявленныхъ гражданами. Не изъ желанія щегольнуть красивымъ словомъ говоримъ мы, что 28 февраля будетъ навсегда незабвеннымъ днемъ для всякаго русскаго, присутствовавшаго при обнародованіи указа объ улучшеніи быта нашего крестьянства въ Царствѣ Польскомъ.

Радовался народъ и, странное дѣло, радовались и враги его. Поляки конечно утѣшались не народнымъ счастіемъ,—оно было для нихъ наказаніемъ, — но тѣмъ, что, по ихъ мнѣнію, еще не все потеряно. Они еще не хотятъ убѣдить себя, что уже ничего нельзя имъ выиграть ни отъ лицемѣрія, ни отъ предательства, и утѣшаются мечтою о возможности новой подземной работы. Но не хотимъ ничего болѣе говорить объ этомъ и перейдемъ къ дальнѣйшему ознакомленію читателей съ нашей «невѣдомой землею»,—къ дальнѣйшему *открытію* своей, какъ будто чужой, области.

Вчера, прогуливаясь послѣ обѣда по саду, мы нечаянно услыхали слѣдующій разговоръ двухъ помѣщиковъ, повидимому, встрѣтившихся не подалеку отъ меня.

— Pozwól mi zapalić!

— Z całego serca.

— Nóż! doczekaliśmy się!. A ty czego rad?..

— Oto czego!. nie rozumię jak się o tem pytać można. Otem nie może być i mowy!.

И, усмѣхнувшись, разошлись весьма довольными.

Люди, незнающіе нашей земли, сейчасъ же догадаются, что вотъ есть и въ нашей трущобѣ хорошіе паны, радующіеся радостію народа.

Ну-да, конечно, мы осмѣливаемся повторить, что объ этомъ и говорить не слѣдуетъ.

Помѣщики, однако, радуются еще вотъ чему: слуху, кѣмъ то сюда завезенному, что скоро наша губернія присоединится снова къ Польшѣ. Конечно, радость эта, въ искренности которой нельзя сомнѣваться, краснорѣчиво говоритъ о томъ, что съ перемѣною паны связываютъ надежду что нибудь выиграть, хоть что нибудь, такъ сказать, выторговать у слѣпаго счастія, на которое они не рѣдко полагаются болѣе, нежели слѣдуетъ. И какъ часто любовь къ перемѣнѣ вела пановъ къ измѣнѣ,— какъ часто ихъ коварство и лицемѣріе окупалось потоками русской крови и раззореніемъ и невыносимымъ утѣсненіемъ нашего крестьянства. Грустно, что помѣщики питаютъ еще надѣжды, которыя, если не пресѣчь ихъ теперь-же, приведутъ снова нашу землю на прежнюю дорогу ведущую къ уничтоженію всего русскаго, къ истребленію всего вѣрнаго царю.

Но пора сказать пару словъ о самомъ городѣ. На этотъ разъ мы и скажемъ о немъ немногимъ болѣе пары словъ.

Городъ Сувалки построенъ на лѣвомъ берегу рѣки Черной Ганьчи, съ какого времени существовала деревня этого названія свѣдѣній не имѣется, благодаря старательному истребленію безпрерывно нападавшими на землю нашу, нѣкогда цвѣтущую, ордами ляховъ, нѣмцевъ и жмудяновъ-памятниковъ старины. Русское названіе города остается единственнымъ, неистребленнымъ врагами свидѣтельствомъ. Все остальное,—что и спаслось въ нашей мѣстности до 1815 года,—истреблено потомъ, какъ истребляются и теперь книги народонаселеній и разныя

бумаго-хранилища, преимущественно, въ мѣстностяхъ, населенныхъ русскими.

Послѣ насильственнаго захвата западно-русскаго великаго княжества, совершившагося при пособіи, отчасти подкупленнаго, отчасти запуганнаго поляками великаго князя,—захвата, освященнаго именемъ добровольнаго соединенія, — поляки начали правильно ополячивать жмудь, входящую въ составъ трокскаго воеводства и нашу землю, часть земли бѣльской.

Для этого они стали убивать благосостояніе старыхъ городовъ, создавали новые и дарили послѣднимъ различныя права и преимущества. Къ этому времени относится окончательное паденіе древнѣйшихъ русскихъ городовъ, какъ то—Граёва, Кептёва, Тикотина, Перроеля и др., частію же. посредствомъ привлеченія въ города шляхты и мазуровъ, а также переселеніемъ послѣднихъ въ околицы городовъ и другія важныя по положенію мѣстности, — они убивали, если не самое благосостояніе городовъ, то русскую въ нихъ народность. Но главнѣйшею ополячивающею силою были—унія и воспитаніе дѣтей дворянства русскаго и жмудскаго въ духѣ іезуитизма... И, наконецъ, распространеніе въ простомъ народѣ суевѣрія и невѣжества.

Въ 1710 году, Августъ II даровалъ Сувалкамъ право города. Оттолѣ городъ быстро сталъ рости. Въ 1815 году, онъ сдѣланъ губернскимъ городомъ и теперь имѣетъ до 14,000 жителей.

Окрестности города не живописны, Но, когда въѣзжаете со стороны Ковна или Варшавы, Сувалки удивляютъ васъ красотою главной улицы. Площадь и еще двѣ-три улицы тоже порядочно обстроены. Остальныя еще обстраиваются. Главное украшеніе города составляетъ красивый и довольно обширный садъ, занимающій средину площади, на одномъ концѣ которой Успѣнская церковь,—на другомъ католическій соборъ. Садъ этотъ, единственное и превосходное мѣсто для прогулки, гдѣ въ хорошіе дни можно видѣть все наше порядочное общество. И правда, садъ таковъ, что Сувалкамъ могутъ позавидовать и болѣе богатые наши города—Ковно, Гродно и даже Вильно.

Мы хотѣли бы сказать кое что и объ общественной жизни въ нашемъ городѣ, но такъ много привелось бы говорить, что письмо мое вытянулось бы до безконечности, и я все это оставляю до слѣдующаго раза. Предположенія, болѣе или ме-

нѣе радующія, (объ опечаливающихъ мы дали себѣ право, болѣе или менѣе, молчать). Очень чисто здѣсь радятся, а уже и это спасительно. Покрайней мѣрѣ лучше нашего прежняго умственнаго бездѣйствія и совершеннаго, вслѣдствіе того, нравственнаго подчиненія полякамъ, работавшимъ, надо отдать справедливость, безъ устали и съ настойчивостію достойною лучшей цѣли.

Однакожъ, изъ наиболѣе утѣшающихъ насъ слуховъ есть слухъ объ имѣющемъ, будто бы, въ скорости составиться въ Гродно «*Обществѣ распространенія народнаго образованія въ гродненской и августовской губ.*»—Дай то Богъ. Если что узнаемъ повѣрнѣе объ этомъ, непремѣнно поспѣшимъ сообщить вамъ; насъ сильно радуетъ уже одна такая вѣсть; мы нуждаемся еще въ посторонней помощи, какъ такъ мы здѣсь, пока, малочислвнны и крѣпко усѣлись здѣсь пришельцы. Городняне и богаче, и опытнѣе насъ. И мы, въ свою очередь, готовы были бы посильно помогать такому давно потребному дѣлу распространенія русскаго образованія въ нашей мѣстности.

Я имѣлъ въ виду для перваго письма сказать что нибудь о сельской жизни здѣшней. Многое можно бы сказать и кипа свѣдѣній подъ рукою, но, Боже мой! Вмѣсто всякаго описанія изъ подъ пера невольно выливаются грустные стихи русскаго человѣка

«..Эти бѣдныя селенья,
—Эта скудная природа...»—

Нѣтъ, ничего болѣе не скажу на этотъ разъ.. Ни слова укора, ни слова порицанія!...

С. **Инеуловъ**.

29-го февраля 1864 г.
Сувалки.

РУССКІЙ ЯЗЫКЪ ВЪ ЛИТВѢ.

Языкъ народа есть важнѣйшая, неотъемлемая его собственность и составляетъ основное звѣно его народности. Поэтому, намъ кажется, слѣдуетъ обратить особенное вниманіе и изслѣдовать фактически: какой языкъ въ Литвѣ былъ господствующимъ? Объ этомъ много было говорено; много уже было споровъ и толковъ; но мы постараемся разъяснить дѣло словами лучшихъ и извѣстнѣйшихъ польскихъ историковъ, которыхъ, конечно, никто не заподозритъ въ пристрастіи.

Ученый авторъ исторіи польской литературы Михаилъ *Вишневскій,* между прочимъ, говоритъ: »Всѣ литовскіе лѣтописцы писали по русски; руническихъ лѣтописей, или писанныхъ по литовски, вовсе не существовало, когда ихъ неотыскалъ даже Стрыйковскій [1]). Литва приняла языкъ болѣе цивилизованнной Руси: при дворѣ, въ законодательствѣ, въ дипломатіи,—русскій языкъ былъ господствующимъ [2])«.

Извѣстный польскій историкъ Іосифъ *Ярошевичъ,* [3]) говоритъ, что русскіе законы и обычаи были вводимы въ Литвѣ еще до Ягайлы, особенно въ Вильнѣ, гдѣ большая часть жителей состояла изъ коренныхъ русскихъ, что многія узаконенія *Русской правды* Ярослава были здѣсь приняты въ руководство и потомъ вошли въ составъ литовскаго статута; что въ дипломатическихъ сношеніяхъ, литовскіе князья употребляли преимущественно языкъ русскій; нѣмецкій же и латинскій былъ употребляемъ только въ сношеніяхъ съ крестоносцами [4]).

Пользующійся большою популярностію, одинъ изъ современныхъ писателей, І. И. *Крашевскій,* въ своей исторіи Литвы, говоритъ, между прочимъ: »Давнымъ давно русскій языкъ вошелъ въ употребленіе въ здѣшней странѣ и получилъ первенство предъ литовскимъ. Уже въ XIII ст. русскій языкъ былъ въ общемъ употребленіи въ Литвѣ, потому что на немъ удобнѣе можно было вездѣ объясниться, потому что онъ былъ языкомъ письменнымъ и господствующимъ. Языки латинскій и нѣмецкій были употребляемы только въ дипломатическихъ сношеніяхъ; но русскій имѣлъ передъ ними преимущество, вслѣдствіе обширности русскихъ владѣній. Родственныя связи черезъ супружества, договоры, распространеніе вѣры по греческому обряду,—усиливали болѣе и болѣе употребленіе этого языка.... Русскій языкъ былъ языкомъ современной жизни, тогда какъ

---

[1]) Стрыйковскій Матвѣй, извѣстный лѣтописецъ, родился 1547 — 1580.

[2]) Hist. Lit. Pol., 1845. т. VII., 464.

[3]) Профессоръ вилен. универ., авторъ соч. Obraz Litwy etc. род. 1793 — 1860.

[4]) Obr. Lit. т. I. 146, 175 и 227.

литовскій былъ только наслѣдіемъ давно минувшаго. Не удобопримѣнимый къ новымъ потребностямъ и образу жизни,—онъ долженъ былъ уступить мѣсто лучше приспособленному языку русскому.... Языкъ умершаго міра долженъ былъ покориться живому языку живыхъ. Величіе вѣры христіанской, провозглашаемой изъ Руси этимъ языкомъ,—имѣло самое сильное вліяніе. Князья литовскіе стали русскими; за ними послѣдовали дворъ и народъ [1])«.

О вліяніи Русской Правды и о господствѣ въ Литвѣ языка, законовъ и обычаевъ русскихъ — положительно говоритъ во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ славянскихъ историковъ и законовѣдовъ, Александръ *Мацѣевскій* [2]). Онъ тоже удостовѣряетъ, что »еще, во времена язычества, въ Литвѣ говорили по русски во дворцахъ и хижинахъ [3])«.

Ученый Ѳаддей *Чацкій* говоритъ, между прочимъ, что трактатъ, заключенный вел. кн. Ольгердомъ съ Казимиромъ В. былъ писанъ по русски — и что даже на печати Ольгерда надпись была русская [4]).

Мы бы могли привести еще много подобныхъ выписокъ, но намъ кажется, что достаточно будетъ и этихъ громкихъ въ польской литературѣ именъ, а что они изучили предметъ, кажется никто не станетъ сомнѣваться.

Итакъ—на счетъ языка—мы вправѣ считать вопросъ окончательно рѣшеннымъ. Въ самой Литвѣ, съ древнѣйшихъ временъ, общеупотребительнымъ, дипломатическимъ, придворнымъ и народнымъ—былъ языкъ русскій. »Имъ говорили,—пишетъ Чацкій, — въ судахъ и со властями; на немъ отвѣчали король, судья и каждый сановникъ [5])«.

Намъ остается только указать на письменные доводы, сохранившіеся досель; на древніе акты, грамоты и законоположенія, писанныя по русски; на книги разнаго содержанія, изданныя по русски въ Вильнѣ.

[1]) Litwa, I. 96, 97.

[2]) Род. 1793. (универ. въ Варшавѣ); см. Pierwot. Dzieje Pol. i Lit., 271.

[3]) Pam. o dziei. piśm. i praw. Maciejow. 1,344.

[4]) Собр. соч. Чацкаго (род. 1765—1813) 1. p. 47, 80.

[5]) Lit. i Pol. praw. 1. 48.

По изысканіямъ Нарбута и другихъ историковъ, основанныхъ на указаніяхъ современныхъ лѣтописцевъ, въ семействахъ Гедимина, Ольгерда, Евнутія, Ягайлы и Витовта, и разумѣется въ развѣтвившихся отъ нихъ родахъ—русскій языкъ былъ въ общемъ употребленіи. Мы уже упомянули однажды что Ольгердъ даже на печати имѣлъ надпись русскую. Ягайло до принятія католичества обыкновенно говорилъ по русски [1]). Витовтъ говорилъ и писалъ по русски [2]). Свидригайло снискалъ особенную извѣстность и любовь народа за свою привязанность къ русской народности [3]). При Казимирѣ Ягеллонѣ русская письменность получила особенное развитіе [4]).

Но обратимся къ письменнымъ памятникамъ.

Древнѣйшимъ памятникомъ русской письменности въ Литвѣ считается договоръ, заключенный князьями литовскими во времена Ольгерда съ королемъ польскимъ и князьями мазовецкими, 1350 г., писанный на пергаментѣ [5]). Представляемъ здѣсь отрывокъ изъ этого любопытнаго акта: »вѣдаи то каждый человѣкъ кто на тои лист посмотрить. О же я княз Соунутии (Евнутій) и кистутии и любартъ юрьии (Юрій) Наримонтовичъ юрьии Карьятовичь чинимъ миръ твердыи съ королемъ Казимиромъ польскимъ и самовитомъ (Земовитомъ) и съ его братомъ Казимиромъ Мазовскимъ . . . а за великаго князя Олькѣрда (Ольгерда) и за корьята и за патрикия и за ихъ сыны мы слюбуемъ тотъ миръ держати вѣльми твердо . . а миръ от Покрова бцѣ до Ивана, до купалъ, . .« и пр.

Далѣе слѣдуютъ договоры Ольгерда съ русскими князьями, а также вкладная грамота супруги Ольгерда, Іуліаніи, въ пользу пречистенской церкви [6]). В. кн. Витовта жалованная грамота Корановскому, 1383 г. [7]), его же жалованная грамота Трок-

---

1) Ярошевичъ, II, 122.

2) Нарбутъ, VI, 557.

3) Нарбутъ VII, 4. тамъ же XII прob.

4) Нарбутъ VIII, 23.

5) Акты отн. къ Ист. Запад. Рос. т. I, 1.

6) Акты относ. къ Ист. Зап. Рос. т. I, 21.

7) Тамъ же № 6.

скому монастырю 1384 г. [1]). Вкладная грамота Корибута Ольгердовича Лаврышевскому монастырю около 1386 г. [2]); Ягайлы договоръ съ княземъ смоленскимъ Григоріемъ 1386 г. [3]); его же грамота молдавскому воеводѣ Петру объ отдачѣ Галича 1388, [4]) а также запись молдавскому господарю Александру на 1000 р. [5]).

Археографическіе труды открыли весьма много актовъ, писанныхъ по русски, съ XIV ст., исчисленіе коихъ заняло бы слишкомъ много мѣста. Мы ограничимся указаніемъ болѣе замѣчательныхъ изъ нихъ и общими исчисленіями за каждое царствованіе, имѣя при томъ въ виду собственно относящіеся до города Вильно.

Бургомистръ г. Вильно, Петръ *Дубинскій*, въ 1788 издалъ въ Вильнѣ монументальный сборникъ, н. з. Собраніе законовъ и привиллегій, данныхъ городу Вильно, въ которомъ помѣщены всѣ значительнѣйшія грамоты, начиная съ 1387— по 1782 г., и въ томъ числѣ 45 на русскомъ языкѣ, а именно: вел. князя Сигизмунда (съ 1432 — 1440) 3; вел. кн. Казимира (1440 — 1492) 2; короля и вел. кн. Александра (1492—1506) 3; короля и вел. князя Сигизмунда I (1506—1529) 18; Сигизмунда Августа (1529 — 1572) 13; Стефана Баторія (1576—1587) 2; Сигизмундъ III (1588—1633) 6; Іоанна Казимира (1649 — 1664) 1. — Послѣдній документъ, писанный уже смѣшаннымъ языкомъ, частію по русски частію по польски, относится къ 1661 г. въ царствованіе Іоанна Казимира. Прочія грамоты и акты, приводимые Дубинскимъ, писаны на латинскомъ языкѣ, и только со временъ Сигизмунда III начинаются уже по польски, хотя мы видѣли, что и позже, въ царствованіе Іоанна Казимира, еще былъ въ употребленіи русскій языкъ.

Большая часть грамотъ и актовъ, напечатанныхъ Дубинскимъ, вошли въ составъ *Собранія древнихъ грамотъ и*

---

[1]) Собраніе древ. грамотъ и актовъ, Вильно II, 145.

[2]) Акты, т. I. № 7.

[3]) Чацкій. I, 258 прим.

[4]) Акты, т. I. № 8.

[5]) Чацкій, 1,258.

актовъ, изданныхъ въ Вильнѣ въ 1853 г. Здѣсь кромѣ того помѣщены нѣкоторые новые, прежде нигдѣ ненапечатанные, особенно данные православнымъ монастырямъ, церквамъ и братствамъ.

Здѣсь же мы находимъ двѣ грамоты, писанныя по русски, временъ Владислава IV, 1635 г. въ Вильнѣ; но еще больше замѣчательныхъ памятниковъ старинныхъ грамотъ на русскомъ языкѣ, относящихся къ здѣшнему краю, помѣщено въ актахъ, относящихся къ исторіи западной Россіи, изданныхъ археографическою коммиссіею въ С.-Петербургѣ.

Изъ отдѣльныхъ узаконеній и актовъ, писанныхъ по русски, извѣстны: *Правила о серебщизнѣ 1507*; *о сборѣ пересудовъ 1509*; *суды старостинскіе 1511*; *уставъ военный 1512*; *уставъ экономическій 1529*; *уставъ для простаго народа земли жмудской 1529*; *о службѣ и платѣ военной 1529*.

Въ 1457 г. Казимиръ Ягайловичъ издалъ извѣстную земскую привиллегію, а въ 1468 г. *Судебникъ для вел. княжества Литовскаго*, извѣстный подъ названіемъ *Судебника Казимира*.

Въ 1522 по повелѣнію Сигизмунда 1 составленъ былъ на русскомъ языкѣ *первый Литовскій Статутъ*, или такъ называемый *Старый Статутъ*. Статутъ этотъ напечатанъ не былъ; но изъ сохранившихся рѣдкихъ рукописей, гр. Дзялынскій напечаталъ въ своемъ собраніи древнихъ узаконеній, *9 главъ*. Наконецъ въ 1588 г. стараніями Льва Сапѣги, канцлера литовскаго, исправленный и дополненный Статутъ, напечатанъ въ Вильнѣ въ типографіи Мамоничей, *по русски*, Вотъ его заглавіе: »Статутъ великаго княжества Литовскаго отъ Найяснѣйшаго господаря короля его милости Жикимонта III на коронаціи въ Краковѣ выданный 1588, друковано въ великемъ месте Виленскемъ, у Друкарни дому Мамонитовъ з ласки и привиліи Короля Его Мсти.«

Въ виленскомъ музеумѣ древностей находится экземпляръ этого весьма замѣчательнаго и составляющаго нынѣ необыкновенную библіографическую рѣдкость *Статута*, подаренный обществу высокопреосвященнымъ Іосифомъ, митрополитомъ литовскимъ и виленскимъ. Для примѣра, представляемъ здѣсь два отрывка изъ этого статута, буквально выписанные:

Изъ III главы.

Артыкулъ 51. »О монополіи то есть не даванья одной особе въ аренду и заведанье пожитковъ всеи речы посполитой належачыхъ.

Ижъ есть обварованό въ артыкулехъ поприсяженья нашого, абы монополия не была, прото тотъ артыкулъ слово отъ слова есть вписанъ и такъ я в собе маетъ: »Особливе то варуемъ, ижъ податковъ ани поборовъ жадныхъ на именьяхъ нашихъ королевскихъ и радъ духовныхъ, также цель новыхъ, на местахъ нашихъ въ Польще и Литве и во всихъ земляхъ паньства нашего складати и постановлять не маемъ безъ зезволенья всихъ становъ на сойме вальномъ, ани тежъ монополию речей тыхъ которые с паньствъ нашихъ такъ польскихъ яко литовскихъ походятъ уставляти допустити немаемъ, а хтобы ее важилъ, надъ сее постановенье, листы наши с канцеляреи нашое одержать, тотъ маетъ быти винною каранъ до скарбу нашого земского стома копами грошеи, а предъсе такие листы наши никторые моцы мети немають и тая особа владати не будетъ мочы.«

Изъ IV главы.

Артыкулъ 10. »*О доходе або заплате возному.* Возному за працу его потому маеть быти давано, то есть коли где на которую колвекъ справку поедетъ, тогды ему отъ *мили* по грошу у водну сторону, а што назадъ поедетъ, за то ничого брати не маетъ. А если мили не поэдеть, або на местцу позвы або якие кольвекъ листы господарскіе або врядόвые даеть, огледати кгвалту, ранъ, бою, шкодъ, або прислухивати чого будетъ, предвсе ему от того грошъ, а отъ осветченья грошъ, а где на увязанье поедетъ с тыхъ же людей и которые увязывати будеть, з службы по грошу брати маеть, а от полъ службы полъ гроша, а съ пустовщины таковое которую пашуть полъ гроша. А от моргъгу пенезъ одинъ, а отъ сумы пенезей отправуючи ее на рухомыхъ речахъ от копы по два пенези брати будетъ, а от пустовщинъ и морговъ пустыхъ доходъ возному сторона жалобная винна при увяжанью дати. А это потомъ от стороны противное при его суме сказаной часу выкупная заплачоно быти маеть, а от огледанья и спаши и от окоповайья шкоды возному грошъ, от

воланья сторонъ за позвы ку праву грошъ, отъ закаказыванья на рокох ку праву грошь«.

Полагаемъ неизлишнимъ еще упомянуть, что въ самомъ статутѣ, раздѣлѣ IV, пунктѣ 1-мъ постановлено: »писарь земскій долженъ писать всѣ бумаги, выписи и позвы по руссии, словомъ и буквами русскими, а не на иномъ какомъ либо языкѣ, и иными словами.« Въ пунктѣ 37-мъ сказано, что воеводы и старосты должны выбирать себѣ въ помощники людей, »*знающихъ законы и русскую грамоту*«.

Это лучшее доказательство, что языкъ русскій былъ здѣсь языкомъ законодательнымъ и судебнымъ. (Вил. Пол. Лис. № 11).

Смерть логойскаго [1]) становаго пристава Ляцкаго.

Послѣднею [2]) жертвою польскихъ изувѣровъ, рыскавшихъ въ лѣсахъ минской губерніи и титулуемыхъ у насъ *повстанцами*, былъ логойскій становой приставъ Ляцкій. Онъ убитъ 17 сентября прошлаго года. Покойникъ былъ православнаго исповѣданія и сознательно преданъ русскому дѣлу, видя въ немъ залогъ счастія для своей родины. Этимъ объясняется то, что онъ съ необыкновеннымъ усердіемъ взялся за исполненіе возложенной на него обязанности и зорко слѣдилъ за окрестной шляхтой, ея затѣями и проказами, стараясь подавить зло въ самомъ зародышѣ, чѣмъ спасъ не мало легковѣрныхъ отъ неминуемой гибели. Разумѣется, что такой образъ дѣйствія становаго пристава былъ очень не по нутру логойской интеллигенціи и она искала удобнаго случая избавиться отъ этого человѣка тѣми способами, которые, въ позоръ человѣчеству XIX столѣтія, были пущены въ ходъ подпольнымъ польскимъ правительствомъ. Это Ляцкому было не безъизвѣстно, и потому онъ сначала принималъ мѣры для своей безопасности и разъ-

[1]) Логойскъ—мѣстечко минскаго уѣзда, въ 30-ти съ чѣмъ то верстахъ отъ Минска.

[2]) Въ сообщеніи свѣдѣній объ уроженцахъ минской губерніи, погибшихъ или только пострадавшихъ отъ мятежниковъ, мы будемъ держаться порядка не хронологическаго, а матеріальнаго, т. е. такого, въ какомъ попадутся намъ въ руки матеріалы.

ѣзжалъ по своему участку съ козаками; но потомъ, по свойственному русской натурѣ обыкновенію, сдѣлался безпеченъ, тѣмъ болѣе, что, по видимому, шаекъ уже нигдѣ не было, а дворянство нашей губерніи, убѣдившись, что расчетъ его на поддержку западной Европой его польскихъ затѣй рушился, готовилось поднести всеподданнѣйшій адресъ. Скоро, однакожъ, одно обстоятельство показало Ляцкому, что дремать ему не слѣдуетъ, что враги православія и русской народности не перестали слѣдить за нимъ. За двѣ, кажется, недѣли до смерти, Ляцкій хотѣлъ было по какому-то дѣлу съѣздить въ Минскъ, въ тоже самое время ротный логойскій командиръ получилъ извѣстіе, что братъ его, жившій на ту пору въ Минскѣ, опасно заболѣлъ, и потому онъ счелъ крайне нужнымъ повидаться съ нимъ. А такъ какъ нельзя было оставить Логойска безъ всякаго начальства, то Ляцкій, уступая настойчивой просьбѣ ротнаго командира, рѣшился отложить на нѣкоторое время свою поѣздку, чтобы дать возможность ротному командиру навѣстить больнаго. Когда ротный командиръ возвращался изъ Минска въ Логойскъ, въ 10 вертахъ отъ этого мѣстечка раздались по немъ изъ лѣсу два выстрѣла, одна пуля просвистала мимо его ушей, а другая слегка задѣла шапку кучера. Догадавшись въ чемъ дѣло, ротный командиръ пригегъ на бричкѣ, а сметливый кучеръ хлеснулъ по лошадямъ, и онѣ стрѣлой помчались впередъ: такимъ образомъ ротный командиръ и его кучеръ спаслись. Пріѣхавши въ Логойскъ, онъ разсказалъ Ляцкому о случившемся. Ляцкій тутъ же ему замѣтилъ, что «засада, по всему вѣроятію, была устроена для меня, надобно мнѣ принять снова мѣры предосторожности». Сдѣланы были солдатами поиски въ окрестныхъ лѣсахъ, но ничего не открыто. Ляцкій снова успокоился. 17-го сентября онъ поѣхалъ къ женѣ въ небольшое свое имѣньице Медухово, находящееся въ 5 верстахъ отъ Логойска. Дорога пролегала по полянамъ, которыя часто пересѣкались то лѣсомъ, то небольшими кустарниками. Когда онъ подъѣхалъ къ небольшой рощицѣ, раздался выстрѣлъ, бывшій, какъ видно, условнымъ знакомъ разбойниковъ. Полагая, что кто-нибудь охотится, Ляцкій сдѣлалъ нашъ охотничій окликъ: гопъ—гопъ! На это ему отвѣчали тѣмъ же. Этотъ отвѣтъ окончательно убѣдилъ Ляцкаго, что, вѣроятно, охотится какой нибудь его знакомый офицеръ, потому онъ спо-

койно продолжалъ путь. Вдругъ изъ-за ближайшаго куста раздался выстрѣлъ, кучеръ замѣтилъ какого-то человѣка и громко закричалъ: баринъ, это въ насъ стрѣляютъ. Оглянувшись назадъ, онъ видитъ, что баринъ весь въ крови; въ страхѣ онъ погналъ лошадь, послѣ чего послѣдовало еще два ружейныхъ выстрѣла, которыми былъ раненъ кучеръ. Скоро онъ достигъ Медухова, но Ляцкій былъ уже безъ малѣйшаго признака жизни: ему нанесено было пять ранъ въ голову ружейною картечью. Можете себѣ представить положеніе несчастной жены и дѣтей, выбѣжавшихъ на встрѣчу! Подобныя сцѣны не требуютъ описанія: ихъ только можно чувствовать. Скоро распространился слухъ о смерти Ляцкаго; солдаты и козаки кинулись въ лѣсъ, но всѣ ихъ поиски оказались тщетными: убійцы какъ въ воду канули. Только мальчикъ пастухъ показалъ, что онъ видѣлъ, какъ трое какихъ-то людей, изъ коихъ одинъ былъ высокаго роста, въ полушубкѣ, съ винтовкой за плечами, а двое другихъ въ чемаркахъ, перешли тотчасъ послѣ выстрѣла чрезъ поляну и скрылись въ другомъ лѣсу. На мѣстѣ, откуда послѣдовали выстрѣлы въ Ляцкаго, найдены окурки папиросъ и какой-то глиняный кувшинъ; вѣтви у дерева были высоко подрублены и трава кругомъ смята. Видно, что лѣсные патріоты устроили здѣсь засаду и давно уже поджидали становаго. Наряжено было слѣдствіе, результаты котораго намъ неизвѣстны. Извѣстно только то, что правительство щедро призрѣло семейство убитаго и его близкихъ родныхъ. Старикъ отецъ, живущій недалеко отъ Логойска, оплакалъ безвременную кончину своего любимаго сына, заплатившаго жизнью за свою преданность долгу и русской народности. Миръ праху твоему, злополучная жертва надменнаго фанатизма безумнаго шляхетства, мечтавшаго убійствами отдѣльныхъ личностей заставить русскихъ людей отречься отъ своей вѣры, своей народности и предать свою родину враждебному элементу—польскимъ панамъ и ксендзамъ!...

Скаловичъ.

Минскъ. 4 января.

Charakterystyka polaków i polskiéj rewolucyi.

Przez A. B., na Biało - Rusi 1863 r.

(Смотри Вѣстникъ книга 5.)

Odgłos teraznlejszego wiejskiego obywatela [1]).

Dziwnie rzeczy idą w świecie,
Jedno w górę, drugie w niz
Jak to widać w têm-to lecie:
Wilk kark złamał, został zyz.

O! jak dawniéj straszno było,
Gdy ekonom podjął bicz!
Ziemia drzała, serce biło
Nie mów słowa i nie krzycz.

Dzisiaj prawo mówi, działa:
Wstrzymuj bizun, wstrzymuj kij,
Pisz-że czarnem tu na biało,
Daj karteczki, a nie bij.

Wprzód bywało od niedzieli
Do niedzieli przyhon, zhon,
A podwody i w niedzjeli
Daj, niegadaj, precz ztąd won.

Teraz przecież jest porządek,
Odbył trzy dni w domu siedź,
Co zarobił, nieś w swój kątek,
A do dworu tam nieleć.

Mówią ma być coś lepszego,
Co być może—Boże daj!
Będziem chwalić Twórcę swego.
I powiemy—jest-to raj.

---

[1]) Писана въ 1861 г., когда учреждены были сельскія волостныя управленія.

Czynność człeka praca święta,
Bóg powiedział: tu się trudź;
Lecz niewola jest przeklęta,
Bez ochoty tam się nudź.

Tu niektórzy hymn śpiewają:
Twórco Nieba! Polskę wróć!
Nasi bracia zaś wołają:
Dawco życia! mysl im skróć!

Nie mieliśmy nic dobrego,
Gdy i Polski był tu rząd;
Teraz widzim coś lepszego,
Odwróć Panie! taki sąd.

Próżne wasze są tu modły,
Nie wysłucha w tem was Bóg
Nie przyzwicie swemi godły,
Już nie macie swoich sług.

Bestwiono się tyle wieków,
Prawo mówi: dość nie dręcz!
Wydawali tyle jęków,
Król dziś broni, więc nie dręcz.

Ten przedstawia swą obłudę,
Kto bliźniego za nic ma,
Bo wołają wszystkie ludy,
Że przed Bogiem sprawę zda.

Kto bliźniego nie żałuje,
Temu Bóg się ani sni,
Bo go nie zna, nie miłuje,
Jak bez czucia twardo spi,

Cóż ci Polska tu pomoże,
Wszak ci Cesarz nie jest wrog,
A zbawienie daj ci Boże,
Nie zagradza tobie drog?

Nie odebrał ci majątkow,
Ni swodody, jesteś pan,
Nie krzywdź biednych niewiniątkow,
Będzie dosyć na twój stan,

Wolność, równość, niepodległość
Głosi polskie prawo nam,
Dziś od tego nieodległość,
Równe prawo wam i nam,

Nadużycia i bezprawia
W Polsce niegdyś był niebrak
A że Cèsarz to poprawia,
To jedyny wam niesmak.

Polak, zebrać czyjeś dobro
Kadukowem prawem zwał,
Zniszczyć kogo, to rzecz chrobra
I za honor sobie miał.

Zabić człeka wojewodzie,
To prywiléj niegdyś hart.
Lub zatopić jego w wodzie,
To pamiątki dzisiaj wart.

Pojedynki to zabawy,
Kto bez nosa, kto bez usz
To czynili dla swéj sławy,
Kto neduży ich nie rusz.

Tak zwanego tam pieniactwa,
Teraz widzim wszędzie slad
Wybujałe hejdamactwo
Gurowało i nieład.

Swiat się stara barbarzyńców
Wstrzymać prawo niesi wieść
Jakże może burd rozczyńców
W swym obrębie więc dziś znieść.

Turcy lepiéj postompili
Chrzescianską lejąc krew
Niż co wieki nas dręczyli,
Dziś powiemy już im w brew.

Oni życie wnet odjęli
Nie żądając długich męk
A ci dosyć czasu mieli
Nie szczędzając bili rąk.

A. B.

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

Обнародованіе въ августовской губерніи Высочайшаго указа объ устройствѣ сельскаго сословія.—Мы уже сообщили утѣшительныя извѣстія объ опубликованіи Высочайшаго указа 19 февраля и о томъ глубокомъ впечатлѣніи, какое произвело это обнародованіе въ маріампольскомъ уѣздѣ. Теперь спѣшимъ передать полученныя извѣстія изъ прочихъ мѣстностей августовской губерніи. Днемъ обнародованія въ г. **Сувалкахъ** было избрано 28 число, потому что оно приходилось въ пятницу, а въ этотъ день на торгъ собирается много народу изъ деревень; при чемъ заблаговременно были оповѣщены жители ближайшихъ гминъ, а именно: Гутта, Куково и Еленево.

28 февраля, въ 10 часовъ утра, на площади и на улицахъ, прилежащихъ костелу, построены были для парада 5-ть ротъ сибирскаго гренадерскаго полка, по полусотнѣ отъ донскихъ казачьихъ №№ 30 и 36 полковъ; а всѣ гражданскіе чины, также какъ и офицеры, не бывшіе въ строю, собрались въ католическомъ соборѣ. Собраніе народа было такъ велико, что всѣ желающіе войти въ церковь не могли тамъ помѣститься, и много народу оставалось на площади. По окончаніи литургіи прокламація намѣстника была прочтена ксендзомъ съ амвона, народу, находившемуся внѣ церкви, прокламація была прочтена офицерами съ на-

перти. Крестьяне выслушали чтеніе внимательно, поняли великія вновь дарованныя имъ права и очень знаменательно высказывали свою радость, въ особенности при прочтеніи статей, дарующихъ имъ наибольшія льготы. По прочтеніи приступлено было къ раздачѣ прокламацій; желаніе каждаго получить экземпляръ было до такой степени сильно и произвело такое волненіе и шумъ, что въ церкви на время пришлось пріостановить раздачу. Затѣмъ началось торжественное молебствіе, и, при возглашеніи многолѣтія Государю Императору, донская № 2-го батарея открыла пальбу по орудіямъ и сдѣлала 24 выстрѣла. По желанію крестьянъ на ихъ счетъ вторично было отслужено благодарственное молебствіе. По окончаніи богослуженія хоръ военной музыки съигралъ русскій народный гимнъ, вмѣстѣ съ которымъ раздалось ура войскъ и народа.

Войска прошли церемоніальнымъ маршемъ, послѣ котораго народъ столпился на площади, слушая вторично читавшуюся съ паперти прокламацію и окружилъ генералъ-лейтенанта Соболевскаго, объяснившаго въ главныхъ основаніяхъ сущность дарованной крестьянамъ Царской милости; потомъ вся толпа пришла къ квартирѣ военнаго начальника августовскаго отдѣла, генералъ-лейтенанта Бакланова, изъявляя желаніе видѣть его. Военный начальникъ вышелъ, поздравилъ ихъ, и на его краткое привѣтствіе народъ отвѣчалъ выраженіемъ искренней благодарности Государю Императору и громкимъ ура!—Большая часть крестьянъ оставалась въ Сувалкахъ цѣлый день; вечеромъ городъ былъ иллюминованъ, передъ домомъ, занимаемымъ военнымъ начальникомъ, игралъ хоръ военной музыки и толпы народа гуляли до поздней ночи. 1-го числа въ воскресенье, пользуясь большимъ стеченіемъ народа, вновь была, прочитана на площади прокламація, чтеніе которой сопровождалось громкимъ ура!

Изъ свѣдѣній, полученныхъ изъ другихъ мѣстностей, усматривается, что вездѣ означенныя объявленія совершены съ возможною торжественностію, мѣстныя войска участвовали въ тѣ дни въ парадѣ, народъ принялъ объявленіе съ искреннею благодарностію и радостію, съ криками ура! Послѣ же объявленій ука-

зовъ, почти повсемѣстно народъ служилъ молебствіе на свой счетъ за благоденствіе Государя Императора.

Въ сувалкскомъ раіонѣ указы были прочитаны 28 февраля, въ Филиповѣ, крестьянамъ, собравшимся въ числѣ 1000 человѣкъ. Офицеры и таможенные чиновники помогали растолковывать тѣ статьи указовъ, въ которыхъ крестьяне встрѣчали необходимость разъясненія. Вечеромъ городъ былъ иллюминованъ.

1-го марта, въ м. Рачкахъ, при собраніи 2000 жителей, былъ объявленъ Высочайшій указъ, 2-го же марта были объявлены Высочайшіе указы въ гминахъ: кандарнжской, старо-гончевской, въ м. Вижайнахъ и Пщерость. При объявленіи Высочайшихъ указовъ присутствовало до 6000 душъ. Вечеромъ была иллюминація не только въ мѣстечкахъ, но и во многихъ гминахъ.

Въ сейненскомъ уѣздѣ, 29 февраля былъ объявленъ Высочайшій указъ въ гминѣ Погорѣльцахъ. 1-го марта въ Сейнахъ, м.: Пунскѣ, Вейсеи, Лодзеи, Сереи, Концевѣ и Метеллѣ, а 2 марта въ Краснополѣ, Колетникахъ, Берзникахъ, Лейпунахъ, Лишковѣ, Мирославѣ и Свѣнтозерахъ; стеченіе народа было огромное, кромѣ воинскихъ чиновъ, присутствовали гражданскіе чиновники, войты гминъ, помѣщики и почти всѣ крестьяне, принадлежащіе тѣмъ приходамъ; не были только дряхлые, больные, малолѣтніе и отлучившіеся по дѣламъ. Объявленіе указовъ было вообще по приходамъ, а не по гминамъ, что было гораздо удобнѣе, ибо жительства крестьянъ не очень удалены отъ мѣстъ расположенія костеловъ. Во всѣ мѣста были командированы офицеры и чиновники. Въ иныхъ мѣстахъ жители разобрали нижнихъ чиновъ по домамъ и угощали обѣдомъ, а въ другихъ мѣстахъ водку и закуску выносили на плацъ для угощенія солдатъ. При чтеніи прокламаціи крестьяне восклицали: „правда, правда, что войты гминъ неделали такъ, какъ велѣлъ Царь, а постоянно насъ обманывали и жалобъ нашихъ не доводили до правительства.“

Въ кальварійскомъ уѣздѣ, 28-го числа, въ г. Кальваріи, при собраніи 6-ти гминъ, былъ объявленъ Высочайшій Манифестъ пробощомъ кальварійскаго костела. Послѣ чего былъ собранъ народъ на площади у костела, офицеръ прочелъ прокламаціи еще разъ. Впечатлѣніе, произведенное на народъ милостію Государя

Императора, было самое благопріятное и какъ многіе изъ нихъ объясняли, что хотя они и ожидали, этого, но не такъ скоро и полагали, что въ настоящее время безпорядковъ Государь Императоръ не даруетъ имъ такія права и самостоятельность. Вечеромъ городъ былъ иллюминованъ. 29 числа былъ объявленъ Высочайшій Манифестъ и прокламаціи во всемъ кальварійскомъ, симнинскомъ и виштинскомъ станахъ. Порядокъ объявленія былъ тотъ же. Сначала прочли прокламаціи ксендзы въ костелахъ, а потомъ офицеры вновь читали прокламаціи собравшемуся народу.

Радость вездѣ была всеобщая. Виштинцы вечеромъ были иллюминованы, а въ Симно пѣли пѣсенники и казаки производили джигитовку. Вообще народу подтверждено во всѣхъ недоразумѣніяхъ обращаться къ военнымъ властямъ, въ исполненіи этого указанія нельзя и сомнѣваться, такъ какъ народъ имѣетъ полное довѣріе къ военнымъ властямъ.

Въ августовскомъ уѣздѣ, 28 числа объявленъ Высочайшій Манифестъ и прокламація: въ гг. Августовѣ, въ Сапоцкинѣ, Райгродѣ, Липскѣ, Штабинѣ, въ Глинахъ, Шебры, Кольницы, Воловицѣ, Нетыгѣ, Барголовѣ, Козельскомъ, Голынкѣ, Перстунь въ томъ же порядкѣ какъ и въ кальварійскомъ уѣздѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ народъ выражалъ свои чувства благодарности даже тѣмъ, что цѣловалъ руки лицамъ, объявлявшимъ Высочайшіе указы. Въ г. Августовѣ, при прочтеніи словъ, что гминные войты скрывали отъ правительства истину, нѣкоторые голоса произносили „это правда.“—29 была объявлена Высочайшая милость въ м.: Граево, Богушахъ, Рудѣ, Бѣлошево, Осовецѣ и Климошевицѣ, Дембовѣ, Ястржебнѣ, Былинкѣ и въ Ясеневѣ и наконецъ 1 марта была объявлена Высочайшая милость въ м.: Щучинѣ, Родзиваловѣ, Грабовѣ и въ гминахъ: Случь, Лестихо и Ляхово. Въ августовскомъ уѣздѣ, какъ и вездѣ, окончательное освобожденіе крестьянъ принято ими съ восторгомъ и великою благодарностію. Въ мѣстности около Сапоцкина, Липска, Райгрода и частію близъ Щучина, гдѣ жители находились въ зависимости отъ помѣщиковъ, явно высказали всеобщую радость и благословляли незабвенный для нихъ день.

Въ окрестностяхъ Августова крестьяне, проживающіе на казенныхъ земляхъ и уже очиншованные, весьма порадованы были новыми узаконеніями, вполнѣ уразумѣли, что сдѣлались поземельными собственниками и успѣли преждевременно по деревнямъ заявить, что право продажи питей принадлежитъ обществу. Равно отъ безземельныхъ казенныхъ крестьянъ заявляются просьбы о надѣлѣ ихъ землею, согласно статьи 11-й объявленія намѣстника.

Ко всему этому надобно еще присовокупить, что для выслушанія указовъ собирались нетолько домохозяева, но и почти всѣ безземельные крестьяне.

Въ ломженскомъ уѣздѣ, Высочайшіе указы и прокламація намѣстника объявлены—28-го февраля, въ Ломжѣ шести ближайшимъ гминамъ, при парадѣ отъ войскъ. Чтеніе прерывалось криками ура. Крестьяне служили молебенъ за Императора. Евреи радушно угощали ихъ и пили за здоровье Государя, при восторженныхъ кликахъ. Милости ясно поняты и оцѣнены населеніемъ. Радость общая, непритворная.

29-го февраля—въ Ольшанахъ—пяти гминамъ. Звуки народнаго гимна сливались съ восторженнымъ ура. Великія милости превзошли ожиданія народа. Указъ истолкованъ крестьянамъ и ясно ими понятъ.

Того же дня—въ Поритѣ—десяти гминамъ. Объявленіе произвело на крестьянъ большое впечатлѣніе.

Того же дня—въ Ставискахъ—девяти и въ Снядовѣ—четыремъ гминамъ. По прочтеніи отслуженъ, въ костелахъ, по требованію крестьянъ, молебенъ. Приходской священникъ произнесъ краткую, преисполненную чувства рѣчь. Народъ съ умиленіемъ молился за Царя.

Того же дня—въ Ковно—двумъ гминамъ (изъ 46 деревень)—и 1-го марта въ Мястковѣ—четыремъ гминамъ.

За прочтеніемъ послѣдовало торжественное Богослуженіе. Народъ, въ избыткѣ радости, уподобляетъ этотъ день—дню Свѣтлаго Христова воскресенья.

29 февраля и 1 марта, въ Тыкоцинѣ, Мозовецкѣ, Пекутахъ и Осовцѣ; въ первый день—девятнадцати, во второй—восьми гми-

намъ. Населеніе выражало безпредѣльную благодарность и вѣрность Государю.

1-го марта, въ Визнѣ—пяти гминамъ: Едвабной, Буржинѣ, Модарикѣ, Дроздовой и Божеевой. Чтеніе прерывалось криками „ура" и да здравствуетъ Отецъ нашъ Государь! были мы ему вѣрными и вѣкъ будемъ вѣрными." Послѣ Богослуженія народъ постановилъ ежегодно въ этотъ день собираться въ Визнѣ служить молебенъ, за здравіе Государя и всего Августѣйшаго Дома.

Обнародованіе окончено на пространствѣ всего ломжинскаго уѣзда въ три дня.

Великія милости, дарованныя крестьянамъ, превзошли ихъ ожиданія и вездѣ встрѣчены съ живѣйшею радостью и чувствомъ глубокой благодарности. Послѣдовательность и точность изложенія указовъ предупреждаютъ всякую возможность ложнаго толкованія; тѣмъ не менѣе крестьянамъ строжайше наказано отнюдь не обращаться за разъясненіемъ къ посторонним лицамъ, а исключительно къ военнымъ начальникамъ. (Dzien. Powsz.)

— **Объ открытіи народныхъ русскихъ училищъ въ гг. Гродно, Ковно и Минскѣ.**—Съ умиротвореніемъ края, открылась необходимость во многихъ коренныхъ преобразованіяхъ для возстановленія тѣхъ началъ, кои, по исторіи, по преданію и по самому духу народа столь для него необходимы и естественны.

Кому не извѣстно, что эти начала долгое время были въ пренебреженіи, что на нихъ не было обращено должнаго вниманія, и что эта безпечность дала возможность крамольной пропагандѣ распространять ложныя идеи и колебать начала русской народности. Извѣстно, что такое направленіе имѣло неблагопріятное вліяніе на русскій языкъ, который искони былъ здѣсь въ общемъ употребленіи, на которомъ были писаны законы, и который, по силѣ самаго Литовскаго Статута и другихъ законоположеній, даже польскаго правительства, имѣлъ здѣсь обязательную силу.

Поэтому, въ ряду мудрыхъ мѣръ къ возстановленію здѣсь законности, порядка и русской народности,—обращено особенное вниманіе на народное образованіе, какъ христіанскаго, такъ и

еврейскаго населенія. Среднее городское сословіе и ремесленный классъ долгое время состояли почти подъ исключительнымъ вліяніемъ латино-полонизма. Во времена же неистовствъ крамольниковъ, революціонная пропаганда употребляла усилія, чтобы привлечь на свою сторону древне-русское городское сословіе.

Чтобы устранить всякое подобное неестественное вліяніе, чтобы возвратить городскихъ жителей къ ихъ истинному долгу и тѣмъ началамъ, кои воодушевляли ихъ предковъ, учрежденіе народныхъ русскихъ школъ въ Вильнѣ вызвано было самимъ положеніемъ и сдѣлалось крайнею необходимостію. Поэтому, съ цѣлію возстановленія и утвержденія въ среднемъ городскомъ сословіи прежней русской народности, г. главнымъ начальникомъ края предпринято было коренное по сему предмету преобразованіе, и въ началѣ сего года, какъ уже читателямъ нашимъ извѣстно, открыты въ Вильнѣ для христіанскихъ и еврейскихъ мальчиковъ на новыхъ началахъ народныя школы.

Благія эти мѣры встрѣчены были со стороны городскаго сословія съ живымъ сочувствіемъ, такъ что вскорѣ оказалось необходимымъ увеличивать число школъ, и нынѣ ихъ считается уже 5 для христіанскихъ и 5 для еврейскихъ мальчиковъ, изъ коихъ нѣкоторыя съ двумя смѣнами. Читатели наши помнятъ, что жители нѣкоторыхъ болѣе отдаленныхъ частей города сами обращались съ просьбами объ открытіи въ ихъ мѣстностяхъ особыхъ школъ. Мы сообщали также свѣдѣнія о постоянно возрастающемъ числѣ учениковъ въ школахъ. Все это, какъ равно и помѣщаемый нынѣ отчетъ о состояніи школъ, могутъ служить убѣдительнымъ доказательствомъ, что желаніе учиться, и учиться по русски, въ Вильнѣ—сдѣлалось глубокою, сознанною самими жителями и открыто ими заявляемою потребностію. Не подлежитъ сомнѣнію, что это сознаніе и потребность преобразованія народныхъ школъ нынѣ одинаково чувствуются жителями не одной Вильны, но также и другихъ городовъ. Поэтому, г. главный начальникъ края сдѣлалъ соотвѣтственное распоряженіе о преобразованіи существующихъ нынѣ приготовительныхъ классовъ при ковенской и гродненской гимназіяхъ и приходскаго училища въ Минскѣ—въ народныя двуклассныя училища преимущественно

для преподаванія русскаго языка, по образцу учрежденныхъ уже въ Вильнѣ, и сверхъ того объ открытіи новыхъ такихъ же училищъ въ городахъ Ковнѣ, Гроднѣ и Минскѣ.

ОТЧЕТЪ

о состояніи русскихъ одноклассныхъ и двуклассныхъ въ городѣ Вильнѣ приходскихъ училищъ за два истекшіе мѣсяца, т. е. съ 14 января (день открытія училищъ) по 14 текущаго марта включительно.

14 января явилось учениковъ:

	Вѣроисповѣданій.				
	Прав.		Р.-К.	Маг.	Итого
Въ 1 училищѣ, у Зеленаго моста .	12	—	21	—	33.
Въ 2 училищѣ, на Рудницкой улицѣ.	1	—	13	—	14.
Въ 3 училищѣ, на Зарѣчьи	4	—	13	1	18.
Итого	17	—	47	1	65.
14 марта состояло учениковъ:					
Въ 1 училищѣ (двуклассное) . . .	16	—	81	—	97.
Въ 2 училищѣ (тоже)	17	—	38	—	56.
Въ 3 училищѣ (тоже)	8	—	65	1	74.
Кромѣ того во вновь открытыхъ:					
Въ 4 уч. на Антоколѣ (одноклассное)	8	—	22	—	30.
Въ 5 уч., на Райской ул. (двуклассное)	5	—	30	—	35.
Итого	54 [1])		237	1	292.
Слѣдовательно въ теченіи двухъ мѣсяцевъ прибыло	37	—	190	—	227.

ОТЧЕТЪ

о состояніи русскихъ народныхъ одноклассныхъ и двуклассныхъ въ городѣ Вильнѣ школъ, въ коихъ исключительно обучаются еврейскіе мальчики.

5 января сего года, въ день открытія школъ состояло исключительно.

Въ 1 школѣ (двуклассная)	212.
Въ 2 школѣ (двуклассная)	180.
Итого . .	392.

[1] Въ томъ числѣ пять старовѣровъ.

16 марта состояло:

Въ 1 школѣ (двуклассная)	199
Въ 2 школѣ (двуклассная)	211
Кромѣ того во вновь открытыхъ:	
Въ 3 школѣ (двуклассная)	208
Въ 4 школѣ (одно-классная)	42
Въ 5 школѣ (одно-классная)	41
Итого	701
Такимъ образомъ въ теченіи съ небольшимъ двухъ мѣсяцевъ прибыло	309
А всего въ пяти христіанскихъ и въ пяти еврейскихъ училищахъ обучается учениковъ	993

Къ этому мы должны еще присовокупить весьма утѣшительное заявленіе со стороны начальства школъ, что мальчики, прибывшіе въ школы, не имѣли даже понятія о буквахъ; по истеченіи же двухъ мысяцевъ, уже читаютъ довольно порядочно по русски и объясняютъ значеніе словъ, части рѣчи, заучиваютъ наизустъ краткія басни и рѣшаютъ арифметическія задачи.

14 текущаго марта, въ 11 часовъ утра, послѣдовало открытіе въ г. Вильнѣ пятаго двукласснаго училища для христіанскихъ мальчиковъ, называемаго райскимъ, по мѣсту своего нахожденія на райской улицѣ, въ присутствіи гг. гражданскаго губернатора, попечителя округа и другихъ начальственныхъ лицъ и при значительномъ стеченіи родителей, привлеченныхъ сочувствіемъ къ дѣлу и естественнымъ любопытствомъ посмотрѣть на первый почииъ обученія ихъ дѣтей въ общественномъ заведеніи.—Число собравшихся въ этотъ день мальчиковъ было 35. Всѣ они смотрѣли весело, съ нетерпѣніемъ ожидали наступленія занятій и съ замѣчательною развязностію отвѣчали на разнообразные вопросы посѣтителей, къ совершенному удовольствію послѣднихъ. Попечитель, напомнивъ учителямъ о важности ихъ труднаго призванія, сказалъ, между прочимъ, что достоинство училища измѣряется достоинствомъ учителей. Потомъ, обратившись къ родителямъ учениковъ, г. попечитель замѣтилъ, что училище озаботится дать

имъ прочное образованіе и доброе нравственное направленіе, но что счастливое достиженіе этого результата зависить также и отъ степени содѣйствія школѣ со стороны семьи. На что родители изъявили охотно готовность способствовать своимъ участіемъ къ успѣшной дѣятельности училища и высказали глубокую благодарность г. главному начальнику края за учрежденіе училищъ открывшихъ ихъ дѣтямъ путь къ лучшей будущности.

Г. начальникъ губерніи, похваливъ ихъ добрыя чувства обѣщалъ имъ довести до свѣдѣнія его высокопревосходительства, о томъ, какъ они умѣютъ цѣнить и понимать дѣлаемыя имъ благодѣянія.

ОБРАЩЕНІЕ Р. КАТОЛИКОВЪ ВЪ ПРАВОСЛАВІЕ.

Въ Грод. Губ. Вѣд. напечатано:

Въ Пружанскомъ уѣздѣ, въ послѣднее время, добровольно приняли православіе девять дворянскихъ семействъ, въ числѣ 17 душъ муж. пола и 19 жен. пола; двадцать одно мѣщанское семейство, въ числѣ 32 душ. муж. и 3. жен. пола и три крестьянскихъ семейства, въ числѣ 7 душъ муж. и 5 женскаго пола. Всѣхъ принявшихъ православіе: 102 семейства, въ числѣ 338 душъ въ томъ числѣ 202 души мужескаго пола и 136 женскаго пола.

О распоряженіи, дабы изученіе русскаго языка было обязательнымъ для воспитанниковъ римско-католической семинаріи въ Вильнѣ.

Въ № 7. „Соврем. Лѣтописи“ пишутъ изъ Вильна отъ 7 февраля слѣдующее: — „Въ настоящее время принимаюсь за перо, чтобы передать вамъ весьма пріятную новость, которая выказываетъ постоянную заботливость главнаго начальника поднять и утвердить въ здѣшнемъ краѣ возраждающуюся русскую народность. По получаемымъ отвсюду свѣдѣніямъ, народныя школы прививаются отлично; крестьяне очень охотно отдаютъ дѣтей своихъ учиться русской грамотѣ. Въ изученіи русскаго слова таится залогъ благоденствія въ будущемъ для

здѣшнихъ жителей. Польская рѣчь довела ихъ на край погибели... Дай Богъ, чтобъ это инстинктивное сознаніе народа росло здѣсь и укрѣплялось не по днямъ а по часамъ... Когда наступитъ то вожделѣнное время, что русская рѣчь снова разольется по литовско-русскому краю, какъ бывало встарь, и заставитъ уважать себя даже и тѣхъ, которые по упрямству или ослѣпленію видятъ въ ней смертельнаго врага, тогда можно будетъ сказать положительно, что неурядица здѣсь нико да не возобновится. Къ этой-то благотворной цѣли и стремятся теперь всѣ распоряженія неусыпнаго начальника здѣшняго края. До настоящаго времени изученіе русскаго языка въ виленской римско-католической духовной семинаріи было предметомъ второстепенныхъ занятій; воспитанники занимались имъ ex officio и то только въ двухъ низшихъ классахъ семинаріи; для экзаменовъ и выпуска изъ заведенія занятіе русскаго языка не было обязательно, такъ что воспитанники, поступившіе въ семинарію изъ низшихъ и высшихъ классовъ гимназіи даже съ достаточными свѣдѣніями въ русскомъ языкѣ, въ теченіи послѣднихъ курсовъ въ семинаріи до того теряли навыкъ къ нему, что забывали правильно читать и писать, и даже едва могли свободно объясняться на немъ. Отнынѣ этого уже не будетъ.... Съ декабря мѣсяца прошлаго года введены во всѣ классы римско-католической симинаріи полные курсы русскаго языка; при чемъ въ двухъ высшихъ классахъ введено изученіе отечественной исторіи по-русски. Такимъ образомъ русскій языкъ сдѣланъ предметомъ обязательнымъ, такъ что воспитанникъ, не имѣющій въ немъ достаточныхъ познаній, не можетъ быть выпускаемъ. Посвящая на изученіе этого предмета 8 часовъ въ недѣлю, воспитанники римско-католическихъ семинарій достигнутъ скоро желаемыхъ результатовъ; дѣло только въ одномъ усердіи. Равнымъ образомъ введено обученіе русскому языку между клериками пяти мужскихъ римско-католическихъ монастырей въ Вильнѣ: бернардинскаго, францишканскаго, кармелитскаго, тринитарскаго и регулярныхъ канониковъ. Въ каждомъ изъ означенныхъ монастырей клерики имѣютъ по 5 часовъ въ недѣлю для означенныхъ занятій. При охотѣ трудъ будетъ легокъ и принесетъ благодѣтельный плодъ для здѣшняго края. До свѣдѣнія нашего дошло, что одинъ изъ настоятелей даже самъ принялся за изученіе церковно-славянскаго языка.... Дай Богъ, чтобъ и здѣшнее шляхетское населеніе пришло

наконецъ къ тому заключенію, что для него нѣтъ другаго пути къ благоденствію, какъ искреннее сліяніе.

Такимъ образомъ, благодаря неусыпнымъ трудамъ главнаго начальника, здѣшній край, несмотря на бывшую неурядицу, болѣе чѣмъ когда-либо сталъ русскимъ. На это есть множество фактовъ, какъ напримѣръ: построеніе и возобновновленіе православныхъ храмовъ, составленіе предположенія къ еще большему обезпеченію быта нашего духовенства, народныя школы, постоянный пріѣздъ русскихъ чиновниковъ, которыхъ уже опредѣлилось на службу болѣе 1,200 человѣкъ, открытіе въ городѣ русской книжной торговли и библіотеки для чтенія, изданіе на русскомъ языкѣ городскаго листка и многое другое ручаются, безъ сомнѣнія, за сохраненіе здѣсь въ будущемъ внутренняго спокойствія и русской народности, которая и въ настоящее время уже не есть одинъ пустой звукъ, но жизненная сила края".

— **ВИЛЕНСКІЙ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВЪ.** — На дняхъ я посѣтилъ здѣшній центральный архивъ древнихъ актовыхъ книгъ губерній Виленской, Гродненской, Ковенской и Минской и рѣшился подѣлиться съ читателями вынесенными оттуда впечатлѣніями.

Вопреки католической пропагандѣ, старавшейся истребить въ здѣшнемъ краѣ православіе и вообще русскій элементъ, уцѣлѣли юридическіе памятники, краснорѣчиво доказывающіе, что здѣшній край былъ исконно — русскимъ. Хранящійся въ виленскомъ музеумѣ древностей первый литовскій кодексъ, или такъ называемый „Статутъ литовскій", первоначально былъ написанъ на русскомъ языкѣ. Всѣ актовыя книги судебныхъ мѣстъ, собранныя въ здѣшнемъ центральномъ архивѣ изъ четырехъ губерній, числомъ 19,440, заключающія въ себѣ акты крѣпостныхъ сдѣлокъ, судебныя опредѣленія и процессы, съ самаго начала введенія судопроизводства въ Литвѣ до конца 17 вѣка, писаны по русски. Большая часть хранящихся въ архивѣ жалованныхъ грамотъ польскихъ королей и литовскихъ великихъ князей писана по русски, а прочія по латыни. И что языкъ этотъ не славянскій, какъ утверждаютъ поляки, а русскій, доказывается суспѣнтами, или начальной формулой внесенія документовъ въ актовыя книги, въ которыхъ именно сказано, что вносимый документъ писанъ по русски.

Вотъ только, что я желалъ сообщить читателямъ. (Вил. Вѣст.).

Письмо изъ Сморгони въ редакцію Вилен. Губ. Вѣдомост.

Всерадостнѣйшій день возшествія на престолъ Его Императорскаго Величества былъ празднованъ въ нашемъ мѣстечкѣ Сморгони съ особенною торжественностью. По окончаніи въ еврейской синагогѣ обычной утренней молитвы, къ которой все еврейское населеніе явилось ранѣе обыкновеннаго, былъ отслуженъ молебенъ за Государя Императора и всей Августѣйшей фамиліи; потомъ, хоръ, составленный изъ нарочно приглашеннаго изъ сосѣдняго уѣзда кантора, его пѣвчихъ и инструментальной музыки, пропѣлъ 21 псаломъ и вторичную синагогальную молитву, за Государя и всего Царскаго дома, а также за здоровье мудраго усмирителя здѣшняго края, генерала отъ инфантеріи Михаила Николаевича Муравьева. Этому радостному случаю придало болѣе торжественности, присутствіе въ синагогѣ возвратившихся отъ молебствія, отслуженнаго въ православной богоявленской церкви, преподобнаго священника, декана католическаго костела, командира облегченной № 2 батареи 1 артиллерійской бригады, подполковника Мейендорфа, гг. офицеровъ артиллеріи и квартирующей здѣсь 7 роты донскаго пѣхотнаго полка, г. пристава 2 стана и многихъ здѣшнихъ обоего пола обывателей. Синагога была богато иллюминованна и вся многочисленная публика—одѣта по праздничному. Сердца всѣхъ присутствовавшихъ были исполнены благоговѣніемъ, безпредѣльною любовью и вѣрноподданническими чувствами къ обожаемому Всеавгустѣйшему Монарху. На лицахъ сыновъ Израиля, удостоившихся видѣть въ своей молящейся средѣ православнаго и католическаго духовниковъ съ значительною паствою, высшаго начальника мѣстечка и другихъ именитыхъ лицъ, изображалась та задушевная любовь, съ какою мы встрѣчаемъ тѣхъ нашихъ братьевъ по человѣчеству, благородныя сердца которыхъ бьются съ равнымъ сочувствіемъ для богобоязненнаго крестьянина и еврея.

Между тѣмъ, какъ въ синагогѣ шло Божественное молебствіе, на площади мѣстечка были поставлены столы и издержками здѣшняго еврейскаго общества приготовились винныя порціи и закуска, для нижнихъ чиновъ, бывшихъ въ парадѣ, и всѣхъ вообще войскъ, квартирующихъ въ м. Сморгони, равно для прибывшаго того числа отряда козаковъ. Предъ угощеніемъ солдатъ, когда командиръ облегченной 2 батареи 1 артиллерійской бригады провозгласилъ тостъ за здоровье

Государя Императора, вся многочисленная публика отвѣчала продолжительнымъ восторженнымъ ура!

Весь день никто изъ жителей никакими работами не занимался, и богатый, и бѣдный, и малъ, и великъ, всѣ праздновали и ликовали. Вечеромъ мѣстечко было иллюминовано. Не осталось ни одного закоулка, ни одной хотя отдаленной хаты бѣдняка, которая неосвѣтилась бы въ честь высокоторжественнаго дня; въ особенности въ еврейской синагогѣ и молитвенныхъ школахъ было зажжено громадное множество свѣчей. С. Аншельзонъ.

— **ИЗЪ МИНСКА.** Съ прибытіемъ въ нашъ край новаго начальника, генерала Муравьева, поставившаго вопросъ о западныхъ губерніяхъ прямо и рѣшительно, всѣ неополячившіеся русскіе, терпѣвшіе у насъ отъ поляковъ всякаго рода поруганія, воспрянули духомъ и поспѣшили то словесно, то печатно, посредствомъ многочисленныхъ корреспонденцій, заявить великорусскому обществу о тѣхъ мерзостяхъ, которыя творили надъ ними и русскимъ простымъ народомъ нашимъ польскіе пропагандисты, и о необходимости движенія къ намъ цѣлыми массами истинно русскихъ людей для подавленія нахальнаго полонизма. Въ этомъ благородномъ, истинно патріотическомъ заявленіи своихъ нуждъ не принимала никакого или почти никакого участія минская губернія, по крайней мѣрѣ намъ не случалось въ русскихъ газетахъ встрѣчать изъ этой губерніи корреспонденціи въ подобномъ духѣ. Великорусское общество готово пожалуй заключить на этомъ основаніи, что система примиренія, господствовавшая въ западномъ краѣ, не принесла здѣсь тѣхъ результатовъ, какими она ознаменовала себя въ губерніяхъ гродненской, виленской и ковенской, что полонизмъ не пріобрѣлъ въ нашей губерніи такой силы, такого подавляющаго значенія, какъ въ означенныхъ мѣстностяхъ. Между тѣмъ на дѣлѣ совершенно иначе; полонизмъ въ городахъ минской губерніи вообще, и въ Минскѣ въ особенности гораздо могущественнѣе, гораздо болѣе успѣлъ деморализировать русское населеніе, чѣмъ напр. въ Гроднѣ или Вильнѣ. Опираясь на систему примиренія, развившуюся у насъ до смѣшнаго, онъ разсадилъ своихъ адептовъ въ огромномъ количествѣ по нашимъ канцеляріямъ, присутственнымъ мѣстамъ и учебнымъ заведеніямъ. Только этимъ обстоя-

тельствомъ можно объяснить себѣ отчего въ уѣздныхъ городахъ нашей губерніи, населенной почти исключительно русскимъ народомъ и православнымъ, и въ самомъ Минскѣ, демонстрація и другія польскія затѣи въ прошлые годы достигли громадныхъ размѣровъ, отчего большая часть туземныхъ уроженцевъ, а также и нѣкоторые великоруссы, съ давнихъ лѣтъ живущіе въ минской губерніи, видя какъ все русское преслѣдовалось мѣстными органами правительства, полагали, что у насъ непремѣнно будетъ Польша и давай сами ополячиваться, усвоивая себѣ и польскій языкъ и польскій взглядъ на многія вещи [1]! Но всего больше, какъ и слѣдуетъ, впрочемъ, ожидать, вліяніе полонизма отразилось на нашихъ учебныхъ заведеніяхъ какъ мужскихъ такъ и женскихъ, христіанскихъ и еврейскихъ, за исключеніемъ только духовныхъ уѣздныхъ училищъ и православной семинаріи, которая къ чести ея, не смотря на всѣ штуки, направленныя противъ нея польскими пропагандистами, сохранила русскій духъ въ чистотѣ и неприкосновенности и не допустила къ себѣ польскаго языка даже на дворъ, не только въ стѣны заведенія. Воспитанники нашей семинаріи всѣ говорятъ только по-русски и питаютъ отвращеніе ко всему польскому. Этимъ прекраснымъ направленіемъ воспитанія семинаристовъ нашихъ объясняется то весьма отрадное явленіе, что они по выходѣ изъ заведенія и поступленіи въ гражданскую службу, оказываются почти всегда надежнѣйшими чиновниками, хотя, къ сожалѣнію, нѣкоторые изъ нихъ, находясь уже на службѣ, выучиваются польскому языку и заговариваютъ по-польски, оправдываясь тѣмъ, что русскій языкъ въ устахъ ихъ возбуждаетъ въ чиновникахъ-полякахъ насмѣшки даже въ настоящее время [2]) и приноситъ много мелкихъ

---

[1]) Припомнимъ, что выдѣлывала наша интеллигенція въ Пинскѣ надъ директоромъ тамошней гимназіи, г. Шульгинымъ, истинно русскимъ человѣкомъ, подвергшимся публичнымъ оскорбленіямъ отъ поляковъ за свое чисто-русское направленіе. Припомнимъ также и тотъ грустный фактъ, кажется еще неизвѣстный до сихъ поръ, какъ слуцкіе гимназисты впряглись вмѣсто лошадей въ коляску какого то ксендза изъ Царства польскаго и тащили его на своихъ шляхетскихъ плечахъ изъ за заставы въ городъ.

[2]) Эти господа и до сихъ поръ находятся еще въ какомъ то колебательномъ состояніи. Имъ все еще грезится, какъ и полякамъ нашимъ, что прежняя «система примиренія» непремѣнно воскреснетъ въ западныхъ губерніяхъ, какъ скоро кончатся подачи адресовъ нашихъ польскихъ дворянъ, а Царство Польское умиротворится. Кажется, что эти грези такъ и останутся грезами и уже пора пропѣть вѣчную память началу примиренія, причинившему столько зла нашему краю!

непріятностей. Разумѣется, что дѣло иначе не можетъ идти, пока наши присутственныя мѣста и канцеляріи не наполнятся хотя на половину русскими, чего можно надѣяться, если только великорусское общество дѣйствительно желаетъ намъ добра.

Что же касается нашихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ, христіанскихъ и нехристіанскихъ, то полонизмъ въ нихъ, подъ шумомъ того же примирительнаго начала, такъ развился и укрѣпился, что гимназія наша, напр. не оправится до тѣхъ поръ пока, во 1-хъ, весь польскій штатъ учителей (начальство гимназіи и учителя русскаго языка — уже русскіе) не будетъ замѣненъ русскимъ, чего мы въ правѣ ожидать, тѣмъ болѣе, что, говорятъ, жалованье всѣмъ вообще лицамъ русскаго происхожденія, служащимъ у насъ по министерству народнаго просвѣщенія, увеличено 50 процентами; и пока, во 2-хъ, польскій языкъ, какъ особый предметъ преподаванія, не будетъ уничтоженъ, что должно быть сдѣлано также для блага нашего края, для блага и счастія не только нашихъ русскихъ мальчиковъ, но и дѣтей нашихъ пановъ, до сихъ поръ все еще считающихъ себя, вопреки здравой логикѣ, поляками. Теперь даже трудно представить себѣ до чего, назадъ тому 2 года, доходила разнузданность полонизма въ гимназіи. Гимназисты, подстрекаемые панами и паненками, руководимые пансіонерами, принимали на себя роль отчаянныхъ демонстраторовъ и наводили ужасъ на всю невоенную часть русскаго населенія нашего города. Каждый русскій долженъ былъ обходить и объѣзжать гимназію на двѣ улицы изъ опасенія подвергнуться грубымъ оскорбленіямъ. Неуваженіе къ законамъ и власти считалось между гимназистами патріотическимъ удальствомъ, приводившимъ въ неописанный восторгъ рьяныхъ поляковъ и, въ особенности, рьяныхъ полекъ, которыя восклицали: **О! цо то за пенкна млодзежь! О то надзея нашего люду, нашей земи!** не желая дать себѣ отчета въ томъ, къ чему ведутъ подобныя похвалы юношеской разнузданности. Напрасно новое начальство округа употребляло всѣ усилія, чтобы поставить гимназію на путь истины, напрасно былъ закрытъ благородный пансіонъ при гимназіи, этотъ вертепъ разгула и буйства, а директоромъ и инспекторомъ назначены были русскіе люди: зло, въѣвшееся въ гимназію, не могло быть вдругъ истреблено, тѣмъ болѣе, что всѣ распоряженія начальства были парализованы обще-

ствомъ, нехотѣвшимъ и знать ничего русскаго [1]). Только теперь, когда водружено у насъ твердою рукою знамя русской народности, когда распоряженія имѣютъ достаточную поддержку другихъ властей, можно надѣяться, что минская гимназія стряхнетъ съ себя все то, что успѣли нацѣпить на нее начальники--поляки или космополиты, благо теперь директоръ, инспекторъ и учителя русскаго языка—люди вполнѣ русскіе, и число учениковъ уменьшилось до 250 человѣкъ, изъ коихъ православныхъ 70 [2]). Почти всѣ православные гимназисты, за исключеніемъ великоруссовъ, поступившихъ въ этомъ году, сильно ополячены, особенно въ высшихъ классахъ. Они постоянно употребляли и употребляютъ польскій языкъ и почти потеряли сознаніе, что они русскіе. Начальство гимназіи прилагаетъ усилія поставить ихъ на путь истинный, но успѣетъ ли оно въ этомъ, неизвѣстно. Теперь уже составился изъ православныхъ мальчиковъ хоръ пѣвчихъ, обучающихся церковному пѣнію два раза въ недѣлю. По воскреснымъ, праздничнымъ и табельнымъ днямъ они поютъ въ одной изъ церквей довольно хорошо, подъ руководствомъ регента семинариста. Какъ хорошо было-бы, если бы русскіе гимназисты говорили между собою по русски! Но на это обстоятельство едва ли будетъ имѣть вліяніе гимназическое начальство и потому уже, что большая часть мальчиковъ находится въ необходимости и дома говорить по-польски.

Женскихъ учебныхъ заведеній у насъ три: два пансіона и еврейская трехкласная школа. Оба женскіе пансіона получаютъ отъ правительства денежное пособіе въ количествѣ 750 р. каждый. На эту сумму они содержать по 6-ти казеннокоштныхъ воспитанницъ. Какъ жаль что правительство наше тратитъ деньги на ополяченіе русскихъ дѣвушекъ! Извѣстно, что частные пансіоны не только у насъ, но и во всемъ западномъ краѣ очень неудовлетворительны, именно потому, что содержательницами ихъ бываютъ почти исключи-

(1) Неудивительно, что подъ такимъ настроеніемъ общества минская гимназія выслала до лясу значительное число учениковъ, изъ коихъ одни уже погибли, а другіе, быть можетъ, и теперь находятся гдѣ нибудь при шайкахъ, и также, безъ сомнѣнія, погибнутъ. О, пусть же кровь этихъ жертвъ заблужденія и неопытности падетъ на голову тѣхъ, кто довелъ ихъ до такого фанатизма!

2) Евреевъ 20. Они, сколько можно было замѣтить, говорятъ между собою по русски какъ въ стѣнахъ заведенія, такъ и на улицахъ.

тельно польки самаго сильнаго закала; этимъ только онѣ и снискиваютъ себѣ довѣріе нашего общества, состоящаго изъ поляковъ. Какъ же теперь требовать отъ такихъ содержательницъ пансіоновъ, чтобы они воспитывали дѣвочекъ въ русскомъ духѣ и развивали бы въ нихъ любовь ко всему русскому? Этого никогда не было и не будетъ. Никакія тутъ реформы не помогутъ, а потому мы думаемъ, что духъ нашихъ пансіоновъ мало или вовсе не измѣнится отъ того, что число уроковъ русскаго языка въ каждыхъ высшихъ классахъ назначено четыре и что, по внушенію директора гимназіи, обѣ содержательницы взяли по одной православной гувернанткѣ. Что можетъ сдѣлать тутъ гувернантка одна среди полекъ, какъ можно ожидать отъ нея подспорья русскому дѣлу, когда она находится въ полной зависимости отъ начальницы пансіона, ею назначается и ею же увольняется. Грустно, очень грустно! Ничего не будетъ изъ нашихъ пансіоновъ. Это вполнѣ понимаетъ начальство округа, и потому сильно хлопочетъ объ открытіи въ Минскѣ женской гимназіи чисто русской. Далъ бы только Богъ, чтобы это благое дѣло поскорѣе привелось въ исполненіе. Русская женская гимназія успѣла бы воспитать намъ другихъ женъ и другихъ матерей, нисколько не похожихъ на нынѣшнихъ.

Что же касается женской еврейской школы, содержимой евреемъ Фундомъ, то о ней ничего хорошаго нельзя сказать. Самъ г. Фундъ человѣкъ малосвѣдущій, вѣчно жалующійся на недостатокъ средствъ и, кажется, рѣшительно не понимающій своего положенія. Онъ напр., въ старые годы выхлопоталъ себѣ дозволеніе преподавать въ своей школѣ польскій языкъ, который и до сихъ поръ держится въ ней и не безъ успѣха. Зачѣмъ, къ чему въ еврейскомъ женскомъ пансіонѣ польскій языкъ, мы рѣшительно не постигаемъ. Не думаетъ ли г. Фундъ образовать изъ минскихъ евреекъ полекъ mojżeszowego wyznania? Желаемъ ему успѣха, только наврядъ ли онъ не понесетъ окончательнаго пораженія со всѣмъ своимъ пансіономъ и съ польскимъ языкомъ включительно. Какой-то еврей, болѣе дѣльный, намѣренъ открыть новую школу. Можно надѣяться, что послѣдній не поступитъ такъ, какъ поступилъ г. Фундъ, и не введетъ у себя польскаго языка.

П. С — вичъ.

16-го Ноября.

ИЗЪ ЦАРСТВА ПОЛЬСКАГО. Въ концѣ ноября прошедшаго года въ Варшавѣ былъ арестованъ важный агентъ подземнаго жонда, чиновникъ варшавской станціи вѣнской желѣзной дороги Стрыцкій, у котораго нашли до 20 пакетовъ, приготовленныхъ къ отправленію въ различные польскіе комитеты за границей, и между прочимъ требованіе присылки изъ Парижа въ Варшаву, на 500 руб., сильнѣйшаго яда—курары. Теперь слѣдственное дѣло окончено, и Стрыцкій преданъ полевому военному суду. Любопытныя его признанія и вообще разсказы обо всѣхъ выходкахъ и обманахъ, къ которымъ прибѣгалъ жондъ и заграничная польская печать, чтобы отуманить Европу, а также о средствахъ къ борьбѣ съ газетою „Dziennik Powszechny" и русской журналистикой, которыя старались обнаружить всю лживость дѣйствій тайнаго правительства и клеветъ позорной памяти газеты Czas и К.

Къ несчастію, средства эти ограничивались кинжаломъ, жертвой котораго палъ Миницевскій, такъ краснорѣчиво и убѣдительно высказывавшій своимъ родичамъ правду, такъ пламенно ратовавшій за спасеніе глубоко любимой имъ отчизны. Мы надѣемся современемъ познакомить публику съ любопытными показаніями Стрыцкаго; теперь же пока приводимъ только одинъ его разсказъ.

Извѣстно, что сапожный подмастерье Фридрихъ Шиндлеръ, сдѣлавшій покушеніе на жизнь старшаго адъютанта главнаго штаба 1-й арміи маіора фонъ-Риткирха, получилъ объ этомъ приказъ отъ самаго Стрыцкаго; но Стрыцкій не сознался въ этомъ, показавъ однако, что онъ зналъ о состоявшемся смертномъ приговорѣ и о назначеніи кого-то для исполненія. На вопросъ: за что? Стрыцкій отвѣчалъ:

— „За что?... Долго объ этомъ толковать. Господина Роткирха рѣшено убить за то, что онъ былъ корреспондентомъ „Московскихъ Вѣдомостей," а иногда писалъ и въ „Dziennik Powszechny." Кромѣ того, будучи у источника всякихъ новостей—въ особой канцеляріи намѣстника—онъ снабжалъ матеріялами, непосредственно или чрезъ корреспондентовъ, „Русскій Инвалидъ," а кажется и другія газеты. Мы не требуемъ отъ русскихъ измѣны, но не могли терпѣть тѣхъ, которые особеннымъ образомъ вредили нашему дѣлу. Извѣстно, что не было подлости, не было обмана, котораго бы мы не принимали для поддержки нашего дѣла. Согласно программѣ Мѣрославскаго и

Мадзини, главнѣйшей нашей задачей было ошеломить Европу, а потомъ поднять сельское населеніе. Намъ нужно было убѣдить Европу, что это возстаніе не есть частное, но всенародное. Духовенство много намъ помогало и даже отпускало грѣхи за нарушеніе присяги. Мы тратили милліоны въ Римѣ; огромной цѣной купили себѣ нѣсколько французскихъ газетъ, двѣ англійскихъ и по нѣскольку публицистовъ въ Парижѣ и Лондонѣ, которые должны были защищать польское дѣло. Мы подкупали и поили рабочихъ въ разныхъ городахъ Франціи и Англіи съ условіемъ, чтобъ эти бараны дѣлали оваціи въ честь польскаго народа и требовали отъ правительствъ объявленія войны Россіи. Мы русскому правительству клеветали на преданныхъ Россіи поляковъ, для того чтобы правительство само наказывало ихъ за преданность ему. Каждое пораженіе нашихъ шаекъ мы торжественно провозглашали побѣдой надъ москалями. Мы вздумали было обмануть крестьянъ громкимъ пуфомъ—дарованіемъ имъ земель, но эта продѣлка разбилась о здравый ихъ смыслъ; тогда мы прибѣгли къ другимъ мѣрамъ, мы стали ихъ.... вѣшать, ломать имъ руки и ноги, сдирать съ нихъ кожу и закапывать живыхъ въ землю, чтобы только склонить ихъ къ мятежу. Поздно однако мы замѣтили, что этимъ путемъ мы еще дальше отошли отъ цѣли. „Dziennik Powszechny“ постоянно срывалъ съ насъ маску и показывалъ насъ во всей наготѣ; но ему не вѣрили, потому что въ то время еще молчали русскія газеты. Какъ вдругъ наконецъ заговорили „Московскія Вѣдомости.“ Они больше всѣхъ повредили нашему дѣлу, начавъ порицать управленіе въ Варшавѣ за бездѣйствіе власти. Пока молчали „Московскія Вѣдомости,“ до тѣхъ поръ польское дѣло стояло на высокомъ пьедесталѣ, и Европа всѣ наши выдумки принимала за чистую монету. Но „Московскія Вѣдомости“ опрокинули его въ грязь, разъяснивъ всѣ его слабыя стороны, всю лживость и выставивъ положеніе дѣла въ истинномъ свѣтѣ. „Московскія Вѣдомости“ однѣ охладили къ намъ Европу. А такъ какъ г. Роткирхъ былъ во всемъ этомъ главнымъ виновникомъ, ибо оглашалъ малѣйшіе факты и подкапывалъ весь фундаментъ зданія, и къ тому же былъ не русскій, а нѣмецъ, обязанный сочувствовать намъ со всѣми нѣмцами, которые вообще осыпаны благодѣяніями со стороны польскаго народа; то и подлежалъ онъ смертной казни въ примѣръ другимъ. Впрочемъ можетъ быть

дѣло не дошло бы до убійства, потому что мнѣнія раздѣлились: г. Роткирхъ пользовался репутаціей честнаго человѣка, пользовался большимъ уваженіемъ въ обществѣ и, насколько могъ, помогалъ всякому; умерщвленіемъ его жондъ опасался охладить къ себѣ общество; но изъ Кракова безпрестанно настаивали требованіями извести всѣхъ корреспондентовъ московскихъ (русскихъ?) и нѣмецкихъ газетъ, а также сотрудниковъ „Dziennika Powszechnego“ съ которыми уже ничего не могла сдѣлать польская пресса. За „Московскими Вѣдомостями“ неотступно слѣдовалъ „Русскій Инвалидъ“, потомъ „С.-Петербургскія Вѣдомости“ и другія. О „Dzinniku Powszechnym“ нечего и говорить; находясь самъ у центра польскаго дѣла, онъ парализировалъ каждое наше слово, каждый замыселъ. Всѣ его сотрудники приговорены были къ смерти. За корреспондентами прочихъ русскихъ газетъ народная полиція бдительно слѣдила, но не знаю, выслѣдила ли ихъ послѣ моего арестованія. Все это я слышалъ отъ вѣрныхъ людей, но самъ не раздѣлялъ мысли объ убійствахъ и предсказывалъ, что убійствами, особенно русскихъ, мы все погубимъ. Слова мои не подѣйствовали, я не могъ превозмочь большинства и сдѣлался слѣпымъ орудіемъ.

„Теперь я самъ смотрю съ изумленіемъ на этотъ пожаръ, который мы разнесли по странѣ, а когда былъ свободенъ и дѣйствовалъ, все это казалось такъ натурально. Только теперь я прихожу къ грустному сознанію, что малѣйшая свобода предоставленная нашему народу, мятежному по самой своей природѣ, влечетъ за собою неурядицу, бунтъ, пролитіе крови. Свидѣтелемъ служитъ исторія. Съ нашимъ народомъ невозможно снисхожденіе. Что успѣли сдѣлать намѣстники своимъ великодушіемъ? То, что мы посягнули на жизнь троихъ изъ нихъ. Чтобы уберечь насъ отъ самихъ себя, чтобы видѣть страну счастливой и процвѣтающей, необходимо держать ее желѣзною рукою и искоренять въ ней всѣ элементы возстанія.“

(Сѣв. Поч. № 64).

ВЫСОЧАЙШІЙ РЕСКРИПТЪ,

данный на имя высокопреосвященнаго Іосифа, митрополита литовскаго и виленскаго.

Преосвященный митрополитъ литовскій Іосифъ!

Нынѣ, въ день спасительнаго чрезъ ангела благовѣщенія Пресвятой Дѣвѣ Богоматери, исполнилось двадцать пять лѣтъ отъ того дня, когда православная россійская церковь радостно возвѣстила своимъ присныиъ чадамъ возвращеніе въ ея нѣдра, ея же нѣкогда бывшихъ чадъ, но въ тяжкія времена чуждою властію отъ нея отторгнутыхъ, и наконецъ мирнымъ убѣжденіемъ къ ней призванныхъ. Съ благоговѣйнымъ благодареніемъ Всевышнему воспоминая сіе торжество церковнаго возсоединенія, столь благопріятное единству народному, Я съ удовольствіемъ воспоминаю, что съ симъ великимъ событіемъ особеннымъ образомъ соединено ваше имя и вашъ просвѣтительный и миротворный для православной церкви подвигъ, къ которому также усердно присоединились и ваши сподвижники. Съ неутомимою ревностью ко благу церкви и отечества проходя ваше священно-начальственное служеніе, вы, и единомысленное съ вами духовенство, продолжаете охранительно бодрствовать на стражѣ православной паствы и въ настоящіе дни, къ утѣшенію обильные примѣрами непоколебимой вѣрности и самоотверженія, отъ священноначальствующихъ до стоящихъ на низшихъ степенахъ церковнаго служенія. Мнѣ пріятно, въ сей приснопамятный день, вамъ, и въ лицѣ вашемъ всему духовенству, подвизавшемуся и подвизающемуся за единство вѣры и Россіи, изъявить Мое полное и совершенное благоволеніе. Въ уповании, что всеблагій Богъ благоуправитъ дѣло служенія вашего къ ненарушимому миру православной церкви, въ единствѣ церкви вселенской, подъ роднымъ кровомъ Всероссійской державы, пребываю къ вамъ навсегда благосклонный.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„АЛЕКСАНДРЪ.“

С.-Петербургъ, 25 марта 1864 г.

СЛОВО
СУНОДАЛЬНАГО ЧЛЕНА
ІОСИФА,
МИТРОПОЛИТА ЛИТОВСКАГО И ВИЛЕНСКАГО,
произнесенное 25 марта 1864 года, въ память двадцатипятилѣтія послѣ возсоединенія уніатовъ съ православною церковію.

Въ № 6 литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, слову сему предпослано слѣдующее извѣстіе.

Минувшее 25 марта было для насъ въ Вильнѣ двойнымъ праздничествомъ—и какъ день Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, и какъ память двадцатипятилѣтія, истекшаго въ этотъ день, со времени благополучнаго возсоединенія уніатовъ съ православною церковью. Литургію и послѣ благодарственный молебенъ, въ свято-Троицкой церкви, совершалъ высокопреосвященнѣйшій митрополитъ Іосифъ съ обоими викаріями литовской епархіи, преосвященными брестскимъ Игнатіемъ и ковенскимъ Александромъ. На молебнѣ провозглашено многолѣтствіе Его Императорскому Величеству Государю Императору и всему Августѣйшему дому, святѣйшему правительствующему суноду и мѣстному архипастырю митрополиту Іосифу съ его боголюбивою паствою, правительствующему синклиту, военноначальникамъ, градоначальникамъ, воинству и всѣмъ православнымъ христіанамъ; также возгнѣта вѣчная память блаженныя памяти Императору Николаю первому и всѣмъ усопшимъ уже братіямъ нашимъ, потрудившимся въ спасительномъ дѣлѣ возсоединенія уніатовъ. Прежде молебна прочитано было ректоромъ семинаріи приличное торжеству слово высокопреосвященнѣйшаго митрополита Іосифа. Мы печатаемъ оное вслѣдъ за симъ. Передавая его редактору Епархіальныхъ Вѣдомостей, архипастырь сказалъ: „напечатайте это слово, не какъ что особенное и новое, но какъ добрую вѣсть: утѣшеніе и назиданіе для всѣхъ православныхъ, а въ особенности для доброй литовской паствы. Послуживъ всею своею жизнію священному дѣлу возсоединенія, пользовавшись всегда каждымъ случаемъ для утвержденія онаго дѣломъ и словомъ, я не могъ, на исходѣ дней моихъ, упустить настоящаго торжественнаго случая, чтобы не обновить въ памяти Богомъ вен-

ренной мнѣ паствы тѣхъ твердыхъ началъ и убѣжденій, которыми руководилась она по благословенному пути къ возсоединенію съ православною церковью—его же спасительныя послѣдствія мы нынѣ радостно ощущаемъ. Думаю, что и другіе архипастыри нашей страны не забыли о нынѣшнемъ днѣ, и молимся за себя и за своихъ. Думаю, что и все возсоединенное священство возблагодаритъ Господа за благодѣяніе, которое мы нынѣ воспомянули".

На богослуженіи присутствовали господинъ главный начальникъ края, Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ и все многочисленное военное и гражданское чиноначаліе. Благодареніе Богу, у насъ—не прежнія времена, и церковь была полна православныхъ.

Въ день этотъ нашъ архипастырь былъ нечаянно обрадованъ Высочайшимъ рескриптомъ, въ которомъ изъявлено благоволеніе Государя Императора къ служенію его высокопреосвященства, его сподвижниковъ и всего духовенства.

Воспою Господеви благодѣявшему мнѣ,
и пою имени Господа вышняго.

Этими словами церковь святая взываетъ въ благодарственныхъ молитвахъ своихъ о полученномъ прошеніи и о всякомъ благодѣяніи Божіемъ. И намъ, православные христіане, предстоитъ нынѣ священный долгъ возблагодарить Господа за особенное ниспосланное намъ благодѣяніе. Въ 12 день февраля 1839 года, въ недѣлю православія, подписаны уніатскимъ духовенствомъ соборная грамота и просьба о возвращеніи на лоно православной церкви уніатовъ въ Россійской имперіи. Это единодушное желаніе удовлетворено тогда же святѣйшимъ правительствующимъ сунодомъ; а въ 25 день марта, въ праздникъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, на сунодальномъ о семъ докладѣ, записано рукою блаженныя памяти Императора Николая I. Благодарю Бога и принимаю. Такимъ образомъ, исходитъ нынѣ двадцати-пятилѣтіе съ того времени, какъ совершилось благополучно это священное дѣло возсоединенія съ православною церковью почти двухъ милліоновъ древнихъ чадъ ея, отторгнутыхъ въ смутныя времена коварствомъ враговъ Россіи и православія. Дѣло видимо благословенное Господомъ! Стоитъ вспомянуть о немъ, стоитъ и побесѣдовать. Есть чему научиться, есть о чемъ радоваться,

есть за что возблагодарить Господа и воскликнуть съ церковью: **воспоемъ Господеви благодѣявшему намъ.**

Вспомнимъ святаго равноапостольнаго и великаго князя Владиміра, просвѣтившаго свой народъ вѣрою христіанскою, истинною православною. Она всѣ славянскія племена, отъ Ильменя до Чернаго моря, отъ верховьевъ Днѣстра и Сана до береговъ Волги, слила въ одинъ русскій народъ, образовала одну Русь святую. Съ того времени вѣра православная была какъ бы символомъ цѣлости и нераздѣльности самой Россіи. Напрасно потомки св. Владиміра дѣлили ее на многія, другъ другу непріязненныя части; напрасно колебали ее внутреннія смуты; напрасно внѣшніе враги съ сѣвера и юга, съ востока и запада, поборали ея могущество и не разъ доводили ее по видимому къ погибели: она всегда воскресала и возраждалась подъ знаменемъ и силою Православія.

Но здѣсь не мѣсто для исторіи. Коснемся только участи нашей страны, западныхъ областей Россіи. Онѣ послѣ татарскаго погрома, пріютились подъ мощное крыло литовскихъ князей и составили могущественное литовское княжество. Это княжество было почти русскимъ. Въ немъ исповѣдывалась православная вѣра; въ немъ употреблялся русскій языкъ, даже въ дѣлахъ правительственныхъ; его князья брачились и дружились съ домами русскихъ князей; оно почти вошло въ систему прочихъ русскихъ княжествъ и какъ бы составляло часть Россіи,—одно съ нею религіозное и политическое дѣло. Но это было не надолго. Бракъ отступника отъ православія Ягайлы съ королевною Ядвигою подвергнулъ Литву мощному вліянію Польши.

Сія послѣдняя, не умѣвъ оградить себя отъ напора германцевъ съ запада, возжелала потерянныя по ту сторону свои провинціи вознаградить областями русскими со стороны Литвы. Съ своей стороны латинское духовенство, искони враждебное восточному православію, нашло тутъ возможность поборать выгодамъ римскаго единовластительства. Съ той поры началась въ нашей странѣ трехъ-вѣковая борьба между чуждымъ латино-польскимъ и кореннымъ православно-русскимъ элементами. Всѣ мѣры польскаго правительства, всѣ происки римскаго духовенства, всѣ роды насилія, всѣ уловки коварства, всѣ частныя и общественныя силы, употреблены были въ дѣло: что

бы ополячить здѣсь руській народъ, чтобы отнять у него вѣру отцевъ его—вѣру православную. Но напрасны были всѣ усилія. Этотъ народъ переносилъ съ твердостію и насилія и страданія; не разъ проливалъ потоки крови:—и отстоялъ дѣло святое. Полякамъ въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ, удалось только переселить въ нашу страну нѣкоторую часть своихъ родичей; ополячить и облатинить малочисленный классъ общества, увлекающійся обыкновенно житейскими выгодами: на массу же русскаго народа успѣли они наложить только личину латинства, подъ названіемъ уніи, которая не измѣнила ни его народности, ни его языка, ни сущности его вѣрованій, ни его родственнаго влеченія къ остальнымъ своимъ русскимъ православнымъ братіямъ.

Это то влеченіе было причиною постояннаго сочувствія между западною и восточною Русью, а сочувствіе породило взаимное содѣйствіе въ борьбѣ Россіи съ Польшею. Богъ благословилъ праведную брань! въ теченіи двухъ вѣковъ русскія области, одна за другою, возвращались къ общему тѣлу русской земли; и мы наконецъ подобно нашимъ предкамъ, стали членами одного величественнаго русскаго государства, стали сынами одной русской семьи, составляемъ одну Русь святую. Едва успѣло совершиться это дѣло Провидѣнія, едва замолкли послѣдніе звуки оружія Екатерины: какъ три милліона юго-западныхъ уніатовъ, съ удивительнымъ единодушіемъ, по собственному побужденію возвратились на лоно православной церкви.

Осталось въ предѣлахъ Россіи еще около двухъ милліоновъ Уніятовъ. Но этотъ остатокъ отторгнутаго отъ православія русскаго народа долѣе другихъ собратій своихъ состоялъ въ уніи, долѣе другихъ находился подъ могущественнымъ гнетомъ полонизма и латинизма: даже русскимъ правительствомъ подчиненъ былъ одной съ латинами начальственной коллегіи. Казалось время должно было для сего народа личину латинства превратить въ самое латинство; казалось, этотъ народъ потерянъ окончательно для Православія. Не такъ думали тѣ, которые знали и народъ и смиренныхъ его пастырей. Довольно было на десять лѣтъ отклонить хотя въ нѣкоторой степени вліяніе латинизма и полонизма; довольно было десяти лѣтъ независимаго управленія и воспитанія юношества: и святое дѣло окончательнаго возсоединенія съ православною церковію всѣхъ уніятовъ въ Россіи совершилось мирно тихо, съ рѣдкимъ единодушіемъ и пастырей и па-

сомыхъ,—и мы празднуемъ нынѣ двадцатипятилѣтіе сего событія, радостнаго всякому русскому православному сердцу.

Воспоемъ же Господеви благодѣявшему намъ, и поемъ имени Господа вышняго!

Надѣюсь что этотъ бѣглый очеркъ событій минувшаго времени не утомилъ васъ, православные христіане. Я желалъ доставить имъ для васъ и назиданіе и сердечное утѣшеніе. Безъ него мы не могли бы оцѣнить по достоинству радостнаго событія, котораго память нынѣ празднуемъ. Съ нимъ легко имъ будетъ обновить въ насъ спасительное убѣжденіе: что вѣра православная есть самая крѣпкая цѣпь, связующая въ едино цѣлое безчисленный русскій народъ; что ею зиждется и стоитъ непоколебимо великое единодержавное русское царство во всѣхъ невзгодахъ и испытаніяхъ. Свидѣтель тому и тяжкая година переживаемая нами нынѣ.

Взгляните только на событія, волнующія теперь страну нашу. Гнустное коварство, клевета, измѣна, клятвопреступничество, грабежи, безчеловѣчныя истязанія, убійства и всякаго рода беззаконія, представлялись повсемѣстно взорамъ каждаго. Все это слилось въ одномъ безумномъ мятежѣ,—и съ какою цѣлію?—Чтобы уничтожить, обезсилить, раздробить могущественную Россію; чтобы покорить вновь Польшѣ русскія области, русскій православный народъ, у котораго свѣжа еще память прежняго ненавистнаго трехъ-вѣковаго порабощенія. Недальновидные поляки мечтали имѣть легкой успѣхъ въ своихъ преступныхъ замыслахъ. Ожидали, что за нихъ ополчится вся Европа; что за нихъ вступится вся западная церковь; что имъ будутъ сочувствовать даже русскіе; что за нихъ станетъ самый русскій православный народъ нашей страны. Но какъ горько обманулись несчастные! Неправедное дѣло, неправедныя средства, обратились противъ нихъ самихъ.

Дѣйствительно нѣкоторые народы и государства Европы высказали себя за Польшу, именемъ человѣчества готовы были поднять оружіе на Россію. Но недоумѣнія посѣянныя обманомъ вскорѣ разсѣялись и всѣ не ослѣпленные злобою, вынуждены были сознаться: что и права и справедливость и самое человѣчество на сторонѣ Россіи, а не Польши.

Дѣйствительно, многіе вѣрующіе западной церкви, многіе ихъ пастыри, увлеченные лживыми навѣтами, откликнулись на зовъ поляковъ, желали способствовать ихъ дѣлу. Но торжество обмана и тутъ было непродолжительно; а польское духовенство въ лицѣ многихъ своихъ собратовъ, опозорено такими ужасными преступленіями, что едва-ли участіемъ въ мятежѣ не принесло оно болѣе пользы, нежели вреда праведному дѣлу Россіи. Многіе изъ паствъ того духовенства, иные даже священники, усомнились въ собственномъ законѣ и спрашиваютъ себя: можетъ ли быть святая и истинная та вѣра, которая поощряетъ измѣну, клятвопреступничество и всякаго рода беззаконія; которой пастыри позволяютъ себѣ призывать паствы свои къ мятежу, вести ихъ на грабежъ и убійства, и проливаютъ человѣческую кровь собственными руками, тѣмимы самими руками которыя обрекли они на всю жизнь приносить безкровную жертву Всевышнему.

Дѣйствительно были безумцы и между русскими, которые сочувствовали дѣлу поляковъ; но кто они? Забудемъ о нѣсколькихъ несчастныхъ, которые измѣнили своему отечеству Россіи,—да судитъ ихъ Богъ и собственная ихъ совѣсть. Остальныя были не многія слабыя, неопытныя жертвы минутнаго заблужденія и увлеченія; или незрѣлые юноши, вскормленные чуждою пищею, чуждымъ умомъ; или близорукіе мечтатели, положившіе для себя закономъ, не твердый камень вѣры православной, не слово Божіе, а шаткія человѣческія умозрѣнія. Весь же безчисленный русскій православный народъ, во услышаніе всему міру откликнулся единымъ мощнымъ гласомъ, единымъ теплымъ сердцемъ, за неприкосновенность русскаго православнаго царства, русскаго православнаго отечества. И нашъ западнорусскій народъ, недавно еще возвратившійся на лоно православной церкви, не отсталъ отъ прочихъ русскихъ въ преданности къ общему отечеству. Онъ посмѣялся надъ безумными на него надеждами мятежниковъ; устоялъ противу искушеній; перенесъ тяжкія насилія и истязанія;—и многіе изъ него, съ своими доблими пастырями, сподобились недавно мученической кончины, за вѣрность своему русскому отечеству, своей святой православной церкви.

Воспоемъ и за сіе Господеви благодѣявшему намъ, и поемъ имени Господа вышняго!

И такъ, православные христіане, и событія быдаго времени, и нынѣшнія событія, равно поучаютъ насъ: что вѣра православная, ведя насъ истиннымъ путемъ ученія Христова въ сей временной жизни и уготовляя вѣчное наше спасеніе, съ тѣмъ вмѣстѣ соединяетъ крѣпчайшими узами безчисленный русскій народъ во едино мощное цѣлое, во едино великое государство, въ одно любезное наше отечество, въ одну Русь святую. Все, враждебное православію, не можетъ быть не враждебно Россіи; и все, пагубное для Россіи, пагубно вмѣстѣ преуспѣянію вѣры и церкви православной.

Пожалѣемъ же, православные, о тѣхъ изъ соотечественниковъ нашихъ, которые, будучи русскими, холодны къ вѣрѣ православной. Еще болѣе пожалѣемъ о тѣхъ изъ нихъ, которые прельщаются ученіемъ и правилами чуждыми православію. Пожалѣемъ въ особенности о тѣхъ, которые съ высокомѣріемъ и злобою суемудрія подкапываются подъ священныя истины вѣры православной, которые стараются разрушить древнюю хранительницу сихъ истинъ, церковь православную, или же способствуютъ врагамъ ея. Помолимся Господу Богу, чтобы вразумилъ первыхъ Своею премудростію, и разрушилъ ковы послѣднихъ своею силою.

Съ тѣмъ вмѣстѣ помянемъ благодарнѣ всѣхъ способствовавшихъ охраненію и преуспѣянію вѣры православной, соблюдшихъ это священное достояніе всего русскаго народа, поддержавшихъ общую мать его—церьковь православную, возведшихъ чрезъ это наше любезное отечество въ одно могущественное русское государство, въ одну Русь святую. Между тысячами подобныхъ подвижниковъ, между тысячами подобныхъ подвиговъ, на которые мы здѣсь указываемъ съ умиленіемъ, обратимъ еще разъ радостные взоры на одно изъ послѣднихъ событій, котораго мы сами были свидѣтелями, которому совершилось нынѣ двадцатипятилѣтіе, съ которымъ благословилъ господь двумъ милліонамъ русскаго народа здѣшней страны возвратиться на лоно древней матери своей—церкви православной, а тѣмъ самымъ слиться крѣпчайшими узами съ общимъ великимъ рускимъ отечествомъ, съ общимъ великимъ русскимъ государствомъ, и найти здѣсь тихое пристанище послѣ вѣковыхъ треволненій.

Возблагодаримъ Господа за это благодѣяніе, содѣянное намъ, всей здѣшней странѣ, всей церкви православной, всей Руси святой и

воспоемъ Господеви благодѣявшему намъ, и поемъ имени Господа вышняго! Аминь.

ПОЛЬСКІЯ МЕЧТЫ И ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ.

(Продолженіе [1]).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Время не имѣло, по видимому, вліянія на Польшу. Теченіе новыхъ идей, уносящее остатки прошедшаго и оказывающее повсюду столь полезное и живительное дѣйствіе, останавливается на поверхности этого общественнаго тѣла, лишь раздражая изъявленную его оболочку. Оно не проникаетъ во внутрь его организма, не возстановляетъ его силъ и не уничтожаетъ въ немъ тлетворныхъ началъ.

Съ XV столѣтія Польша не идетъ въ ровень съ остальнымъ человѣчествомъ. Она волнуется и бьется въ судорожныхъ усиліяхъ. За то и настоящее этой страны такъ мало отличается отъ ея прошедшаго, что дѣйствительно составляетъ съ нимъ одно нераздѣльное цѣлое, и общественныя условія польскихъ населеній, въ XIX столѣтіи, почти вовсе не рознятся отъ тѣхъ, въ которыя они были поставлены въ XVI, XVII и XVIII столѣтіяхъ. Чтобы нагляднѣе доказать это, всего лучше предпослать изложенію настоящаго положенія дѣлъ картину предшествующихъ эпохъ, изображенную современниками или польскими историками, преданность которыхъ національному дѣлу не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Вотъ въ какихъ словахъ Лелевель изображаетъ общественное положеніе своего отечества въ половинѣ XVI столѣтія:

„.... крестьяне были лишены всѣхъ человѣческихъ правъ и сдѣ„лались рабами, въ полномъ смыслѣ этого слова; т. е. были поста„влены внѣ закона. Землевладѣлецъ имѣлъ право на жизнь и смерть „этихъ людей. Были могущественные магнаты, и въ числѣ ихъ епис„копы, которые, коснѣя въ развратѣ и въ потворствѣ своимъ нена„сытнымъ страстямъ, терзали крестьянъ болѣе, чѣмъ шляхта. Они „отнимали у нихъ все, что они имѣли, лишали ихъ всякихъ средствъ „къ существованію и за тѣмъ выгоняли или убивали ихъ. Штрафъ за „убитаго крестьянина не превышалъ тридцати гривенъ, и то еще не „всегда взыскивался“.

[1]) Смотри Вѣстникъ юго-зап. и зап. Россіи отдѣлъ IV книжка 7.

Доводы Лелевеля подтверждаются свидѣтельствомъ одного современника, который въ состояніи былъ знать направленіе и бѣдствія своего времени, ибо онъ преимущественно занимался политическими вопросами, и даже написалъ сочиненіе о реформахъ, которыя слѣдовало ввести въ польской республикѣ.

Знаменитый польскій патріотъ, Андрей Модржевскій, обращался въ 1554 году съ слѣдующими упреками къ своимъ согражданамъ:

„Слово „свобода" не сходитъ съ вашихъ устъ, тогда какъ у „васъ господствуетъ жестокое рабство, въ силу котораго жизнь человѣка находится во власти его господина. Шляхта смотритъ на „крестьянъ и всѣхъ простолюдиновъ, какъ на собакъ. Это послѣднее выраженіе вошло въ употребленіе у этихъ презрѣнныхъ людей. „Когда шляхтичъ убиваетъ крестьянина, котораго онъ называетъ „хлопомъ", т. е. отверженцемъ, то говоритъ: „я убилъ собаку". „Деспоты-земледѣльцы безнаказанно оскорбляютъ крестьянскихъ женъ и „дочерей, въ присутствіи ихъ мужей и братьевъ. Распоряжаясь совѣстью „крестьянъ, они предписываютъ имъ религію, рабство и барщину".

Другой польскій патріотъ, Александръ Олизаровскій, профессоръ правъ б. виленскаго университета, писалъ въ 1831 году:

„Въ мое время не рѣдко мстили за смерть убитой собаки смертью „нѣсколькихъ людей! Но я прохожу молчаніемъ еще многія вещи, о „которыхъ я могъ бы говорить. Впрочемъ, мнѣ невозможно умолчать „о двухъ вещахъ: убиваютъ человѣка за возъ сѣна на дугу, за кусокъ дерева въ лѣсу... а кто сочтетъ число людей, зарытыхъ вмѣсто „столбовъ на спорныхъ земляхъ?"

Необходимо принять во вниманіе, что по мѣрѣ того, какъ иго дворянства обрушивалось на низшія сословія, монархическая власть все болѣе и болѣе устранялась, иноземное вмѣшательство становилось чаще, и республикѣ угрожали постоянно возраставшія опасности.

Словомъ, чѣмъ болѣе изучаешь исторію Польши, тѣмъ сильнѣе убѣждаешься, что ея паденіе ускорилось подъ вліяніемъ совершавшихся въ ней безчинствъ.

„Положеніе крестьянъ, говоритъ тотъ же Лелевель, сдѣлалось „еще хуже къ этому времени (къ концу XVIII столѣтія). Совершенное отсутствіе всякихъ правъ и презрѣніе сдѣлались удѣломъ этого „проклятаго сословія. Называть крестьянъ „хлопами" еще недовольно

„унизительно; ихъ считаютъ хамскимъ отродьемъ. Барщина крестьянина состояла изъ трехъ рабочихъ дней съ лошадью и трехъ безъ „лошади; кромѣ того, онъ отправлялъ чрезвычайную барщину, извѣстную подъ названіемъ гвалта или даремщины, какъ напримѣръ во „время жатвы и сѣнокоса, когда все сельское населеніе обязано было „сбираться на господской землѣ.

„Землевладѣльцы не имѣли иной заботы, кромѣ какъ узнавать „другъ отъ друга о количествѣ недоимокъ, и каждый считалъ себя „въ правѣ налагать у себя то, что онъ находилъ у другихъ.

„Крестьяне обязаны были платить десятину духовенству, которое „считало смертнымъ грѣхомъ неисправный или необильный взносъ этой „десятины. Сельское духовенство также получало свою часть... за „спасеніе душъ.

„Шляхта предоставила себѣ исключительное право разработки „соляныхъ копей и продавала соль крестьянамъ. Въ томъ же духѣ „землевладѣльцы занимались продажею водки, пива и другихъ необходимыхъ предметовъ... Евреи, которыхъ народъ называлъ піявками, „содержали на откупу шинки и винокурни и напаивали крестьянъ въ „пользу землевладѣльцевъ. Богатые магнаты почти никогда не жили „въ своихъ помѣстьяхъ и не видали своихъ крѣпостныхъ людей... „Менѣе знатные дворяне также предоставляли своихъ крестьянъ произволу евреевъ и управляющихъ... Многочисленная шляхта, впавшая „въ нищенство, считая всякую работу унизительною для своего достоинства, съ жадностью бросилась на должности управителей или „экономовъ. Этотъ классъ управителей состоялъ изъ жалкихъ исполнителей воли пановъ (магнатовъ). Раболѣпствуя передъ господиномъ, „они обирали, ненавидѣли и тиранили крестьянъ“.

Но что убѣдительнѣе свидѣтельства историковъ, что подкрѣпляетъ ихъ показанія, вызывая прошедшее во всей его жестокой дѣйствительности, это—голосъ угнетенныхъ и стоны, которые вызывались изъ ихъ груди чрезмѣрными страданіями. Къ счастію, что существуютъ историческіе слѣды этого отчаяннаго возванія къ постоянно отказываемому правосудію. Въ государственныхъ архивахъ Царства Польскаго и въ нѣкоторыхъ частныхъ библіотекахъ находится множество жалобъ и челобитныхъ, поданныхъ крестьянами, въ которыхъ изображено въ самыхъ искреннихъ выраженіяхъ тогдашнее бѣдственное

положеніе, тяготѣющее надъ многими изъ нихъ и до настоящаго времени. Въ числѣ этихъ историческихъ документовъ находится одинъ весьма замѣчательный, заслуживающій вниманія потому, что представляетъ собою краткое изложеніе всѣхъ жалобъ и неудовольствій, выраженныхъ въ другихъ документахъ. Польскій писатель князь Любомірскій, въ одномъ весьма интересномъ сочиненіи своемъ увѣряетъ, что видѣлъ эту челобитную въ Парижѣ въ домѣ Ламберта. Она составлена была нѣсколькими сотнями крестьянъ, собравшимися въ 1767 году, въ Троицынъ день, въ м. Тарчинѣ, на лѣвомъ берегу Вислы, къ югу отъ Варшавы. Въ ней сказано между прочимъ слѣдующее:

„Дворянство насъ притѣсняетъ и губитъ.... Рабство, въ которомъ насъ держатъ, противно божескимъ и человѣческимъ законамъ... Даже у язычниковъ, и у тѣхъ освобождали рабовъ каждые семь лѣтъ... Духовенство насъ обираетъ и угнетаетъ. Солдаты разоряютъ насъ безпрестанными требованіями... всѣ пути намъ закрыты... чиновники обижаютъ насъ... Мы платимъ наши подати и недоимки, и не смотря на это, насъ заковываютъ въ цѣпи и сажаютъ въ остроги... Наши господа неприступны и жестоки; они доводятъ свою жестокость до того, что насильно женятъ нашихъ сыновей на своихъ наложницахъ.... Мы покрыты рубищемъ и нѣтъ на свѣтѣ бѣднѣе насъ. Уничтожьте же насъ разъ навсегда. Это будетъ лучше, чѣмъ заставлять насъ производить на свѣтъ дѣтей, обязанныхъ удовлетворять вашимъ страстямъ... Мы требуемъ не богатства, а безопаснаго права пользоваться свѣтомъ Божіимъ, работать лѣтомъ сохою и косою, а въ зимнее время—топоромъ [1]).…"

Другая община, крапивницкая, выражала въ 1721 году слѣдующія сѣтованія:

„Мы давно уже видимъ себя въ положеніи оленя, преслѣдуемаго въ лѣсу стаями собакъ и ищущаго капли свѣжей воды, чтобъ утолить жажду. У насъ тоже есть свои собаки, которыя за нами гонятся, и мы тщетно ищемъ источника живой воды. Наша несчастная община, населяющая безплодную землю, подвержена разореніямъ и всякаго рода насиліямъ. За то мы вынуждены искать спасенія въ лѣсахъ и скрываться въ подземельяхъ.... сжальтесь надъ нами"....

[1]) Смотри Вѣстникъ юго-зап. и зап. Россіи отд. I. кн. 6 Рѣчь стараго польскаго крестьянина, произнесенная предъ императрицей Екатериной II

Къ этимъ раздирающимъ воплямъ жертвъ польской аристократіи исторія можетъ присоединить прискорбное и неопровержимое свидѣтельство государя, одареннаго самыми высокими душевными качествами, который, бывъ низложенъ этимъ же самымъ неукротимымъ дворянствомъ, имѣлъ возможность размышлять въ своемъ изгнаніи о бѣдствіяхъ, которые готовили для Польши органическіе недостатки ея общественнаго устройства.

„Мы едва, писалъ Станиславъ Лещинскій изъ своего убѣжища, „изъ города Нанси, мы едва отличаемъ крестьянъ отъ рабочаго скота, „съ которымъ они воздѣлываютъ наши поля. Нерѣдко случается, что „мы щадимъ силы ихъ гораздо менѣе, чѣмъ силы животныхъ, а за„частую мы дѣлаемъ изъ нихъ предметъ постыднаго торга... Польша „составляетъ единственную страну, въ которой народъ какъ бы утра„тилъ свои человѣческія права.... Мы смотримъ на крестьянъ какъ „на какихъ-то тварей и почти отказываемъ имъ въ правѣ дышать „тѣмъ воздухомъ, которымъ мы дышемъ"....

Такое беззаконное угнетеніе народныхъ массъ, подтвержденное столькими единодушными доказательствами, съ теченіемъ времени, не только не ослаблялось, но, напротивъ того, постоянно усиливалось. По мѣрѣ того, какъ въ другихъ государствахъ, феодализмъ отступалъ передъ прогрессомъ идей и просвѣщенія, онъ какъ будто бы искалъ себѣ убѣжища въ Польшѣ, гдѣ старался возвратить себѣ все то, что онъ утрачивалъ въ другихъ странахъ Европы.

Въ 1781 году, французскій путешественникъ Бернульи писалъ изъ Варшавы, что въ Польшѣ не существуетъ ни закона, ни правосудія, и „что шляхтичи преспокойно приказываютъ бить и наказывать „палками крестьянъ, дерзающихъ протестовать противъ насилій, ко„торымъ подвергаютъ ихъ дѣтей."

Мнѣніе французскаго путешественника подтверждается обстоятельствомъ, что въ ту самую минуту, когда онъ высказывалъ его, король Станиславъ Лещинскій вынужденъ былъ отказаться отъ попытки ввести преобразованія въ своемъ государствѣ. Новый кодексъ гражданскихъ законовъ, составленный подъ руководствомъ самаго короля княземъ Замойскимъ и нѣкоторыми другими просвѣщенными поляками, былъ представленъ на обсужденіе сейма въ 1780 году. На этомъ сеймѣ было предложено подчинить крестьянъ общему судебному

учрежденію, которое замѣнило бы судебную власть землевладѣльцевъ, учредить сельскія школы и даровать свободу тѣмъ крестьянамъ, которые не были обязаны барщиною; что же касается самыхъ повинностей и барщины, то объ отмѣнѣ ихъ, или объ установленіи правильности въ отбываніи повинностей не было и рѣчи.

Тѣмъ не менѣе, предложенныя мѣры, не смотря на всю свою справедливость, вызвали въ средѣ сейма жестокую грозу. Лелевель, описывая это событіе, говоритъ, что „познанскій депутатъ Соколинскій первый разорвалъ всѣ три тома кадекса, бросилъ ихъ на полъ „и сталъ топтать ногами, проклиная его составителя.

„По предложенію маршала князя Любомірскаго и волынскаго „депутата Каминскаго, и среди криковъ и неистовыхъ возгласовъ прочихъ депутатовъ, обвинявшихъ Замойскаго въ государственной измѣнѣ, въ посягательствѣ на свободу и права шляхты, сеймъ объявилъ, что кодексъ достоинъ быть преданнымъ огню чрезъ палача, „и отвергнулъ его безъ разсмотрѣнія“.

Самъ Костюшко — этотъ популярный герой Польши, не былъ счастливѣе польскихъ государей въ своихъ попыткахъ ввести преобразованія. Въ самый разгаръ демократической революціи 1794 года, ученикъ Вашингтона и Лафайэта, Костюшко не осмѣлился требовать освобожденія землѣдѣльческаго сословія. Онъ только старался, хотя также безуспѣшно, какъ и его предшественники, убѣдить дворянство въ несовмѣстности невольничества съ обязанностями и значеніемъ военной службы, въ которую народъ призывался въ то время въ первый разъ.

Вотъ почему и первая имперія застала польскій народъ волнующимся все въ той же роковой средѣ, въ которой упорный эгоизмъ цѣлой касты держалъ его съ XVI столѣтія. Великая революціонная буря 1793 года, разрушительныя послѣдствія которой были вознаграждаемы въ другихъ странахъ изобиліемъ постоянныхъ его плодотворныхъ зачатковъ, вызвала въ Польшѣ одни лишь безплодныя потрясенія; но въ 1807, обширные наполеоновскіе планы потребовали содѣйствія польской націи. Ей назначена была роль въ кровопролитной драмѣ, театромъ которой служилъ европейскій материкъ. Необходимо было приспособить ее къ этой роли, прикрывъ ее личиной цивилизаціи.

Четвертая статья конституціоннаго статута Варшавскаго Герцогства 22-го іюля 1807 года гласила: „Рабство уничтожено. Всѣ „граждане равны передъ закономъ, собственность лицъ ограждается „судебными мѣстами“.

Приписывать Наполеону I желаніе совершить однимъ почеркомъ пера столь глубокій общественный переворотъ, значило бы оскорблять его геній. Человѣкъ, спасшій Францію изъ революціонной пропасти, укротившій разгаръ неистовыхъ страстей, возстановившій общественный порядокъ и религію, создавшій финансовое благосостояніе и административную систему несравненнаго достоинства, безсмертный творецъ того кодекса, которымъ восхищается и руководствуется весь міръ — словомъ Наполеонъ I обладалъ слишкомъ свѣтлымъ и искусившимся въ рѣшеніи судебъ человѣческихъ умомъ, чтобы не умѣть оцѣнить требованія этой соціяльной задачи, и не понять, что вѣковое учрежденіе, пустившее такіе глубокіе корни какъ невольничество въ Польшѣ, не можетъ быть уничтожено, если не будетъ тотчасъ же замѣнено совокупностью практическихъ, справедливыхъ и соотвѣтствующихъ національному духу мѣръ. Этого не желалъ и не могъ совершить Наполеонъ I; онъ не предпринималъ серіознаго преобразованія общественнаго быта Польши, онъ прибѣгалъ къ реформѣ, какъ къ политической уловкѣ, онъ пользовался ею, какъ орудіемъ войны, и хотѣлъ лишь казаться преобразователемъ того самаго народа, относительно котораго онъ писалъ два года спустя, „что онъ согласенъ на то, „чтобы слова: „Польша“ и „поляки“ не только не употреблялись въ политическихъ сдѣлкахъ, но даже исчезли со страницъ исторіи“.

Говорятъ: горе побѣжденнымъ — vae victis! но еще болѣе достойны сожалѣнія народы, призванные служить орудіемъ какимъ бы то ни было честолюбивымъ замысламъ, даже самымъ величественнымъ. Ихъ берутъ, ими пользуются и распоряжаются, и затѣмъ ихъ бросаютъ, ни мало не заботясь о потрясеніяхъ, которыя имъ причиняютъ, и о разстройствѣ, которому ихъ подвергаютъ. Необходимость вѣчно разыгрывать эту жалкую роль составляла самое жестокое изъ всѣхъ настоящихъ и минувшихъ бѣдствій Польши. Самая важная изъ всѣхъ ея ошибокъ — изъ-за которой она всего болѣе страдаетъ — состоитъ въ томъ, что она вѣчно поддавалась и до сихъ поръ еще поддается этой роли, не смотря на вразумительные уроки горькаго опыта. Если

бы хотѣли опредѣлить дѣйствительное значеніе статута 1807 года, и его практическія послѣдствія, то его четвертую статью составили бы въ такомъ смыслѣ:

„Невольничество уничтожено на словахъ, но на дѣлѣ оно поддерживается и усилено всѣми бѣдствіями пролетаріата. Большинство „гражданъ предоставлено отнынѣ самовластію всемогущаго меньшинства.“

Декретъ саксонскаго короля, обнародованный нѣсколько времени спустя (21-го декабря 1807 года) и имѣвшій цѣлью опредѣлить порядокъ примѣненія этой статьи, установленіемъ правильныхъ отношеній между землевладѣльцами и крестьянами, заключалъ въ себѣ рядъ мѣръ, результаты которыхъ, оказавшіеся столь пагубными для земледѣльцевъ, не замедлили обнаружиться. Первая и вторая статьи этого декрета предоставляютъ крестьянамъ право переходить съ одной земли на другую, поставляя имъ въ обязанность предварять о томъ помѣщика. Это право очевидно составляетъ признаніе ихъ личной свободы. Крестьянинъ освобождался отъ крѣпостной зависимости, но въ то же время онъ лишался права на землю, которою онъ пользовался. Пятая статья отнимала у него жилище и предписывала ему въ теченіе года передать землевладѣльцу свое движимое имущество, какъ-то скотъ, пахатныя орудія и сѣмена.

Не трудно дать себѣ ясный отчетъ въ результатахъ такой мѣры: крестьянамъ, поставленнымъ въ зависимость отъ произвола помѣщиковъ оставалось рѣшаться на одно изъ двухъ—или лишаться всего имущества, съ женами и дѣтьми покинуть свой домашній кровъ и „пойдти“, по славянской поговоркѣ, „по міру“, или же заключить срочные контракты, т. е. такіе, которые могутъ быть уничтожаемы, причемъ помѣщикъ, въ силу предоставленныхъ ему закономъ правъ, могъ обременять крестьянъ произвольными условіями. Вслѣдствіе такого порядка вещей, почти цѣлая половина земледѣльческаго населенія лишилась своего имущества и была доведена до нищеты. Землевладѣльцы, находя болѣе выгоднымъ отнимать у крестьянъ земли, которыми они пользовались, для присоединенія ихъ къ своимъ собственнымъ угодьямъ, или же для раздробленія ихъ на мелкіе участки, и отдавать въ арендное содержаніе нѣмецкимъ колонистамъ, которыхъ прибыло въ Польшу, въ теченіе немногихъ лѣтъ, до 300.000 человѣкъ,

землевладѣльцы—говоримъ мы—систематически приступили къ разоренію крестьянъ, и въ четверть столѣтія, въ Польшѣ явилось до одного милліона пролетаріевъ.

Изъ предыдущихъ статистическихъ данныхъ можно было видѣть, что число неимущихъ крестьянъ простирается въ настоящее время до 1.388.900. Эта страшная цифра, способная лишь постоянно возрастать, коль скоро не будетъ положено конца существующему въ Польшѣ порядку вещей, раскрываетъ пропасть, въ которой стремится эта страна. Менѣе чѣмъ въ сто лѣтъ, болѣе четырехъ милліоновъ людей лишатся имущества и будутъ обращены въ нищету землевладѣльцами, число которыхъ едва достигаетъ 100.000, но въ рукахъ которыхъ сосредоточатся всѣ національныя богатства и власть.

Между тѣмъ какъ половина земледѣльческаго сословія Царства Польскаго подвергалась такой жалкой участи, другая половина его обязана была мнимымъ благодѣяніямъ теоретической свободы усиленіемъ своей нищеты и тяготѣвшаго надъ нею гнета.

Крестьяне, оставшіеся на помѣщичьихъ земляхъ, увидѣли себя подверженными постоянной опасности лишиться имущества. Вынужденные подчиниться всѣмъ положеннымъ на нихъ условіямъ, они только видѣли какъ постоянно увеличивались тяготѣвшія надъ ними всякаго рода повинности. Они заключили большею частью контракты, на болѣе или менѣе долгіе сроки, въ силу которыхъ прежнія барщины сохранились, вопреки формальному тексту кодекса Наполеона, введеннаго, нѣсколько времени спустя послѣ его изданія, въ Царствѣ польскомъ и допускающаго одни лишь контракты по найму. Какъ въ этомъ, такъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ, контрастъ, существующій между законодательною теоріею и житейскою практикою, изобилуетъ аномаліями и поразительными противорѣчіями. Барщины, воспрещенныя самимъ закономъ, были выговариваемы въ контрактахъ, утверждаемыхъ судебными мѣстами, и когда въ 1846, 1858 и 1861 году предстояло устроить бытъ крестьянъ по правиламъ очиншеванія и посредствомъ выкупа, то при исчисленіи размѣра денежнаго оброка принимались въ основаніе барщины. По показаніямъ самихъ помѣщиковъ, приглашенныхъ представить табели условій контрактовъ, заключенныхъ ими съ крестьянами, оказалось, что въ благодатномъ 1861 году, въ Польшѣ существовало еще 18.998.806 барщинныхъ дней, т. е. дней

насильственной работы для сельскаго населенія, изъ которыхъ 6.684.430 дней крестьяне отбывали съ лошадью, а 53.968—съ лошадью и телегою.

Впрочемъ барщина составляла для крестьянъ относительно менѣе тягостную обязанность, равно какъ и менѣе производительный источникъ доходовъ для помѣщиковъ.

Поземельные же налоги и разнаго рода повинности, называемыя даремщиною и сохранившіяся въ Польшѣ вопреки либеральнымъ законоположеніямъ кодекса Наполеона, тѣмъ сильнѣе тяготѣли надъ отбывавшими ихъ крестьянами, что не были въ точности опредѣлены, и такимъ образомъ открывали произволу землевладѣльца безпредѣльное поприще.

Чтобы дать приблизительное понятіе объ этихъ даремщинахъ стоитъ только привести нѣсколько примѣровъ.

Офиціальный документъ, изданный 14-го (26-го) ноября 1846 года и включенный въ сводъ законовъ Царства Польскаго, заявляетъ, что изъ 17,000 престаціонныхъ табелей, представленныхъ помѣщиками, по приглашенію правительства, видно, что существующія даремщины раздѣляются на 121 категорію.

Достаточно привести нѣкоторыя изъ нихъ по тексту помянутаго документа.

№ 1. Сгонъ, т. е. сборъ, добровольный либо насильный, всѣхъ крестьянъ и женъ ихъ, за изъятіемъ больныхъ и дѣтей, на помѣщичьи поля, для жатвы, сѣнокоса, или собиранія картофеля.

№ 29. Дневной и ночной караулъ у господскаго дома, винокуренъ, скотнаго двора и службъ, съ обязанностью колоть дрова, топить печи и проч.

№ 33. Обязательный недѣльный караулъ женщины съ лошадью.

№ 41. Возка на телегахъ зерноваго хлѣба и шерсти въ городъ.

№ 57. Чистка трубъ и водостоковъ въ господскихъ домахъ и службахъ.

№ 71. Обязанность колоть ледъ и содержать въ исправности проруби на рѣкахъ и прудахъ, покрытыхъ льдомъ.

№ 83. Обязанность сдирать шкуру съ падшаго скота.

№ 107. Повинность, состоящая въ отправкѣ молодыхъ дѣвушекъ въ господскій домъ, для исполненія, въ теченіе цѣлой недѣли,

при помѣщикахъ или ихъ семействахъ, обязанностей домашней прислуги.

№ 121. Продажа землевладѣльцу нѣкоторыхъ земледѣльческихъ продуктовъ по опредѣленной имъ цѣнѣ.

Всѣ эти 121 повинность, значеніе которыхъ можетъ быть оцѣнено на основаніи вышеизложенныхъ доводовъ, не довершаютъ однако изнурительнаго бремени, тяготѣющаго надъ земледѣльческимъ населеніемъ Царства Польскаго.

Въ силу феодальнаго права, о которомъ не осталось въ Европѣ даже и слѣда; въ силу такъ называемаго „права пропинаціи" землевладѣльцы сохранили за собою въ Польшѣ монополію выдѣлки и розничной продажи питей. Хотя 686 статья свода законовъ и запрещаетъ въ теоріи всякую исключительную привилегію, тѣмъ не менѣе, на практикѣ не позаботились избѣгнуть противорѣчій относительно этого пункта, также какъ и относительно многихъ другихъ. Не довольствуясь такою монополіею, землевладѣльцы присвоили и пользуются древними „баннатскими" правами, во всей ихъ силѣ. Помѣщикъ не только куритъ и продаетъ вино, но и воспрещаетъ водвореннымъ на его земляхъ крестьянамъ, подъ страхомъ денежной пени, пріобрѣтать вино для своего употребленія иначе, какъ изъ мѣстъ, ему принадлежащихъ.

Въ подтвержденіе этихъ доводовъ, могутъ быть приведены офиціальные документы, множество тяжбъ и юридическихъ актовъ, и наконецъ послѣднія показанія жителей негоновицкой и болеславской общины.

Было бы слишкомъ длинно перечислять всѣ прочія привилегіи, которыми пользуются польскіе землевладѣльцы, какъ напримѣръ: право охоты, рыбной ловли, взиманія „лаудеміи" (господской копѣйки) и проч.... Но на что необходимо указать, что слѣдуетъ выставить со всѣми подробностями на судъ просвѣщеннаго міра, что разрѣшаетъ такъ сказать польскую соціальную проблему и объясняетъ ея видимыя противорѣчія,—это самая непомѣрная изъ всѣхъ привилегій, которой такъ придерживается дворянство, и до которой не осмѣлилось коснуться даже и подземное варшавское правительство, не смотря на свой мнимый либерализмъ—эту привилегію составляетъ болѣе чѣмъ феодальное учрежденіе „гминныхъ войтовъ".

Такъ какъ невозможно найдти въ цѣломъ мірѣ подобнаго учрежденія, и нѣчто подходящее къ нему встрѣчается развѣ только въ одномъ японскомъ обществѣ, хотя и въ несравненно болѣе умѣренной и раціональной формѣ,—то чтобы дать точное понятіе о гминномъ войтѣ, лучше всего назвать его польскимъ дайміосомъ.

Всѣмъ извѣстно, что дайміосы составляютъ нѣчто въ родѣ феодальныхъ государей, и пользуясь неограниченною властью въ предѣлахъ своихъ владѣній, едва признаютъ центральную власть тайкуна.

Единственное различіе, существующее между этими двумя учрежденіями и говорящее въ пользу Японіи, состоитъ въ томъ, что число дайміосовъ довольно ограничено, тогда какъ число гминныхъ войтовъ простиралось, въ 1859 году, въ селеніяхъ,—до 5.261, а въ городахъ и мѣстечкахъ—до 453 человѣкъ.

На офиціяльномъ французскомъ языкѣ гминныхъ войтовъ называютъ общинными мерами. Но это названіе даетъ совершенно ошибочное понятіе о характерѣ ихъ правъ и обязанностей, а потому было бы правильнѣе—называть ихъ общинными судьями „baillis communaux“.

До 1859 года, на основаніи закона, всякій владѣлецъ имѣнія, заключающаго въ себѣ не менѣе 10 крестьянскихъ домовъ, т. е. крестьянскихъ семействъ, былъ по вотчинному праву войтомъ гмины, т. е. начальникомъ общины [1]).

Изъятіе существуетъ относительно духовныхъ лицъ, женщинъ, малолѣтнихъ, евреевъ, и не принявшихъ подданство иностранцевъ.

Гминный войтъ дѣйствуетъ своею властью по праву (de jure) и не можетъ быть лишенъ этого права безъ особенно важныхъ законныхъ причинъ.

Всякій землевладѣлецъ, въ случаѣ отъѣзда, или какихъ-либо препятствій и побудительныхъ причинъ, можетъ вмѣсто себя назначить повѣреннаго, которому онъ предоставляетъ полную власть.

Владѣльцы нѣсколькихъ имѣній, удовлетворяющихъ законнымъ требованіямъ, могутъ назначать нѣсколькихъ повѣренныхъ, и обратно

---

[1]) Въ этомъ году предѣлы гминъ были расширены, и въ составъ каждой вошло по 50 домовъ.

нѣсколько мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ могутъ соединиться въ одну общину и избрать себѣ гминнаго войта.

Войтъ пользуется тройкою властью. Въ административномъ отношеніи онъ есть образъ центральной власти; въ исполнительномъ—онъ составляетъ общинную полицію, а въ судебномъ—вѣдаетъ нѣкотораго рода дѣла, по которымъ постановляетъ рѣшенія.

Онъ обнародываетъ законы и правительственныя распоряженія, избирая съ этой цѣлью, говоритъ законъ, всѣ тѣ средства, которыя найдетъ болѣе приличными. Онъ взыскиваетъ подати, распредѣляетъ повинности и взимаетъ общинные налоги: онъ охраняетъ общественный порядокъ и спокойствіе, ограждаетъ безопасность лицъ и имуществъ и принимаетъ мѣры противъ неблагонамѣренныхъ лицъ, задерживаетъ дезертировъ, бродягъ и подозрительныхъ людей, содержитъ дороги, мосты и канавы, отводитъ войскамъ квартиры, поставляетъ начальству рекрутовъ, выдаетъ свидѣтельства и паспорты, наблюдаетъ за общинными зданіями, за общественнымъ здравіемъ, принимаетъ опеку надъ сиротами, утверждаетъ въ должностяхъ низшихъ общинныхъ чиновниковъ, какъ-то: солтысовъ (помощниковъ войтовъ) и полевыхъ стражей и проч.

Гминные войты, какъ лица, облеченныя судебною властью, вѣдаютъ дѣла по проступкамъ, влекущимъ за собою или денежный штрафъ, не превышающій десяти рублей, или семидневный арестъ, или наконецъ тѣлесное наказаніе двадцатью ударами розогъ. Люди, одержимые болѣзнями, и беременныя женщины изъяты отъ тѣлеснаго наказанія, которое вообще не должно совершаться публично.

Арестованныя лица должны получать приличную пищу и не могутъ содержаться на хлѣбѣ и водѣ долѣе однихъ сутокъ; въ особенности же ихъ не слѣдуетъ заковывать въ цѣпи.

Помимо этихъ ограниченій, тройственная власть гминнаго войта не имѣетъ дѣйствительныхъ предѣловъ; его отвѣтственность не опредѣляется закономъ, и его произволу не противополается никакихъ гарантій. Члены общины обязаны содѣйствовать успѣшному исполненію его приказаній и приговоровъ, а въ случаѣ надобности, онъ можетъ обращаться и къ помощи военныхъ властей.

Не трудно представить себѣ результаты соединенія въ одномъ лицѣ стольких обширныхъ правъ. Полновластіе, подобное тому, ко-

торымъ облечены гминные войты, встрѣчается, и то изрѣдка, въ лѣтописяхъ среднихъ вѣковъ, а въ сферѣ своей дѣятельности, въ пространствѣ и степени своей власти, они могутъ быть сравнены съ одними лишь азіятскими деспотами.

Пользуясь, какъ землевладѣлецъ, всѣми доходами съ принадлежащихъ ему земель, обращая трудъ крестьянъ въ свою пользу, посредствомъ барщины и разнородныхъ повинностей, помѣщикъ, въ качествѣ войта гмины, можетъ произвольно располагать участью своихъ соотечественниковъ.

Ничто не ускользаетъ отъ его власти, отъ его контроля и его мести. За бродяжничество онъ имѣетъ право задержать и посадить въ острогъ всякаго. Распредѣляя подати и общинныя повинности, наблюдая за исправнымъ содержаніемъ дорогъ, мостовъ, канавъ и зданій, за общественнымъ здравіемъ, цѣлостью лѣсовъ и пр., онъ имѣетъ возможность безотчетно дѣйствовать въ видахъ собственныхъ интересовъ и обращать въ свою пользу средства и труды членовъ своей общины. Выдавая паспорты, аттестаты и различныя свидѣтельства, онъ властенъ стѣснять права своей гмины всякаго рода ограниченіями и лишать ее права взывать къ заступничеству высшей власти. Выполняя одновременно роли судьи и истца, гминный войтъ нерѣдко постановляетъ приговоры между крестьянами и помѣщикомъ, который въ этихъ случаяхъ никто иной, какъ онъ самъ; и когда правительство собираетъ свѣдѣнія, или желаетъ принять нѣкоторыя мѣры въ интересахъ низшихъ классовъ, то оно обращается къ гминному войту, ему одному поручаетъ исполненіе своихъ рѣшеній, и можно представить себѣ какъ онъ ихъ исполняетъ.

Большая часть богатыхъ землевладѣльцевъ, предпочитая жить въ столицѣ или путешествовать заграницею, выбираетъ своихъ повѣренныхъ между мелкими шляхтичами окрестныхъ селеній, а чаще всего, между своими управляющими, писарями или дворовыми людьми.

Изъ статистическихъ данныхъ за 1861 годъ видно, что болѣе половины гминныхъ войтовъ, т. е. 1.634 на 3.069, суть повѣренные землевладѣльцевъ, принадлежащіе къ самому двусмысленному и опасному сословію. Получая въ годъ отъ 200 до 500 франковъ жалованья, они обираютъ несчастныхъ крестьянъ съ алчностью, которая тѣмъ возмутительнѣе, что всегда остается безнаказанною, и невольно

содрагаешься при мысли о злоупотребленіяхъ, долженствующихъ проистекать изъ такого порядка вещей. Чтобы дать о нихъ приблизительное понятіе, не мѣшаетъ привести подробности одной изъ тѣхъ безчисленныхъ тяжбъ, которыя такъ часто возникаютъ въ Польшѣ между крестьянами и землевладѣльцами и такъ ясно выражаютъ характеръ ихъ взаимныхъ отношеній.

Крестьяне помѣстья Гарчекъ (Піётрковскаго уѣзда), принадлежащаго вельможѣ г. Гр....., пользующемуся по праву властью гминнаго войта, неоднократно подавали жалобы на своего помѣщика. Назначена была слѣдственная коммиссія, которая, по разсмотрѣніи на мѣстѣ обстоятельствъ дѣла, заявила слѣдующее.

1. Съ 1840 года, г. Гр...... отнялъ у крестьянъ ихъ лучшія земли, самовольно лишилъ ихъ всего достоянія и выселилъ изъ своего имѣнія одинадцать крестьянскихъ семействъ.

2. Онъ обременялъ крестьянъ усиленною барщиною и заставлялъ ихъ работать на него за самую ничтожную плату.

3. Онъ самъ, его управляющій и въ особенности его супруга г-жа Гр..... безчеловѣчно обходились съ крестьянами, подвергали ихъ жестокимъ тѣлеснымъ наказаніямъ, сажали ихъ въ остроги и всячески злоупотребляли двойственною властью помѣщика и гминнаго войта.

4. Г. Гр..... призывалъ въ свое помѣстье военную силу для усмиренія крестьянъ, всякій разъ, когда они жаловались на него высшему начальству.

Не смотря на эти обвинительные пункты и на скандалъ, надѣланный такою неблаговидною исторіею, Г. Гр...., благодаря административной автономіи своего края, не подвергся никакой отвѣтственности, а только отрѣшенъ былъ отъ должности гминнаго войта. Что же касается крестьянъ, которые такъ долго страдали подъ гнетомъ помѣщичьей власти и которые, по переходѣ отъ барщиннаго на оброчное положеніе, желали только утвержденія своего новаго быта на правильныхъ началахъ, то они были строго наказаны. У восьмидесяти семействъ были отняты земли и всѣхъ ихъ выгнали „для поддержанія порядка и повиновенія“.

Можно привести множество подобныхъ примѣровъ; даже графъ З......ій, и тотъ до внезапнаго обращенія своего въ пользу земледѣльческаго сословія и его освобожденія отъ крѣпостной зависимости,

уличенъ былъ въ составленіи для колонистовъ, поселившихся въ его помѣстьѣ, Ронтайскѣ, въ 1861 году, контракта, условія котораго были единогласно признаны стѣснительными, незаконными и произвольными.

Стоитъ только взглянуть на условія контракта, заключеннаго въ 1861 году между однимъ помѣщикомъ конинскаго уѣзда и водворившимися на его землѣ крестьянами, чтобъ окончательно удостовѣриться въ справедливости всего вышесказаннаго.

Независимо отъ платежа оброка въ 6 руб. 90 коп. (27 ф. 60 с.) съ каждыхъ двухъ съ половиною десятинъ земли, онъ обязалъ крестьянъ:

1. Безвозмездно работать на помѣщика 10 дней въ году.

2. Приносить на его кухню ежегодно 2 каплуна и 3 зайца.

3. Рыть канавы и водостоки по приказанію помѣщика.

4. Не молоть муки въ мѣстахъ, ему не принадлежащихъ.

5. Не покупать подъ опасеніемъ штрафа въ 4 р. 50 к. (18 ф.), водки иначе какъ у него.

6. Отправляться по приказанію помѣщика на охоту, на рыбную ловлю и на всѣ чрезвычайныя барщины, которыя онъ найдетъ полезнымъ установить въ своемъ хозяйствѣ.

7. Не продавать, не соединять и не раздроблять принадлежащихъ имъ земель безъ вѣдома и разрѣшенія помѣщика, который съ общей суммы сдѣлокъ такого рода удерживаетъ въ свою пользу 8 коп. съ рубля и кромѣ того получаетъ 75 рублей въ видѣ вознагражденія.

Таковъ порядокъ вещей, которому подчиняются въ нашемъ XIX-мъ столѣтіи 3.270.000 разумныхъ существъ; таковы права и привилегіи, для поддержанія которыхъ польское дворянство рѣшилось подать руку революціи и навлечь всевозможныя бѣдствія на свое несчастное отечество.

Успѣхъ и безнаказанность революціонныхъ происковъ, быстрота и размѣры революціоннаго движенія, образованіе революціонныхъ шаекъ, ихъ удачныя отступленія передъ вдесятеро сильнѣйшими регулярными силами, легкость, съ которою онѣ скрывались отъ ихъ преслѣдованія, участіе въ революціонной организаціи должностныхъ лицъ, единодушіе демонстрацій, могущество подпольныхъ правительствъ—все

это дѣлается понятнымъ, объясняется и выражается въ изложеніи безпримѣрнаго въ исторіи гражданскаго порядка.

Эта кровавая загадка теперешней революціи, озабочивающая весь міръ, возбуждающая въ однихъ сердцахъ восторгъ, въ другихъ же вселяющая страхъ и уныніе,—эта загадка, кажущаяся всѣмъ необъяснимою, легко объясняется вышеприведенными словами.

5.261 мелкихъ національныхъ жондовъ предшествовали и подготовили нынѣ дѣйствующее въ Варшавѣ подземное правительство.

5.261 мелкихъ тайныхъ комитетовъ опутали всю страну цѣлою сѣтью революціонныхъ интригъ, угнетали, обили съ толку, раздражали и силились возстановить противъ законныхъ властей несчастныя населенія, отданныя имъ на жертву.

5.261 комитетовъ неусыпно дѣйствовали въ продолженіе 60 лѣтъ и въ виду великой общественной реформы, долженствовавшей сокрушить ихъ неимовѣрныя права, они сосредоточили свои усилія и соединили свои средства; словомъ, они централизировались.

Для довершенія этой печальной картины, необходимо упомянуть еще о двухъ могущественныхъ двигателяхъ, которыми такъ искусно воспользовались сословные интересы и нравственное вліяніе которыхъ содѣйствовало возбужденію умовъ въ Польшѣ и довело ее до неистовства. Женщина и монахъ—эти два полюса соціальной оси, эти два источника, изъ которыхъ вытекаютъ и къ которымъ стремятся бурные потоки человѣческихъ страстей, чувствъ и вѣрованій; женщина и монахъ, могущество которыхъ въ Польшѣ въ настоящее время сильнѣе, чѣмъ было оно въ другихъ странахъ, даже въ средніе вѣка, и совокудное вліяніе которыхъ неотразимо—вотъ двигатели, служившіе пылкому и рѣшительному меньшинству средствомъ къ возбужденію народныхъ массъ къ возстанію, противному ихъ существеннымъ интересамъ и результаты котораго могли только продолжить порабощеніе большинства народа и замедлить осуществленіе реформъ, требуемыхъ положеніемъ польскаго общества; такихъ реформъ, которыя правительство, даровавшее въ Россіи свободу 20 милліонамъ людей, должно осуществить въ Польшѣ во что-бы то ни стало, коль-скоро оно желаетъ исполнить свой высокій долгъ предъ Богомъ и человѣчествомъ.

Благотворительность г. начальника сѣверо-западнаго края Россіи М. Н. Муравьева 2, оказанная литовской православной семинаріи.

Г. главный начальникъ западнаго края, обративъ вниманіе на помѣщеніе литовской духовной семинаріи въ зданіяхъ Свято-троицкаго монастыря и найдя, что оно въ настоящемъ видѣ лишено необходимыхъ удобствъ и не соотвѣтствуетъ своему назначенію,—изволилъ войдти въ соглашеніе по сему предмету съ оберъ-прокуроромъ святѣйшаго правительствующаго синода, генералъ-адъютантомъ А. П. Ахматовымъ, и призналъ нужнымъ произвести капитальную передѣлку этого зданія, съ прибавленіемъ къ оному новыхъ построекъ, необходимыхъ для удобнѣйшаго размѣщенія семинаріи, и вслѣдствіе того поручилъ архитектору-академику Чагину составить проэктъ и смѣту означенныхъ работъ.

Проектъ сей и смѣты уже составлены и одобрены г. главнымъ начальникомъ края и высокопреосвященнымъ митрополитомъ, и по распоряженію его высокопревосходительства исполненіе работъ поручено особому комитету (учрежденному для постройки Александровской часовни и иконостаса въ Николаевскомъ соборѣ) подъ предсѣдательствомъ г. начальника губерніи съ приглашеніемъ также въ члены комитета ректора литовской семинаріи, архимандрита Іосифа, на каковой предметъ назначено г. главнымъ начальникомъ края 60.000 р. с. изъ штрафныхъ суммъ съ лицъ, содѣйствовавшихъ мятежу, съ тѣмъ чтобы на сію сумму была также произведена перекрышка самаго Свято-троицкаго монастыря желѣзною кровлею, вмѣсто нынѣшней черепичной, съ надлежащею окраскою, а также, чтобы изъ предполагаемыхъ остатковъ смѣтной суммы произведена была, если окажется возможнымъ, постройка необходимой мебели для семинаріи.

По сему случаю, ректоръ семинаріи архимандритъ Іосифъ съ инспекторомъ, членами правленія и всѣми воспитанниками, по 10 изъ каждаго отдѣленія, 11-го апрѣля, приносили г. главному начальнику края свою искреннюю благодарность, при чемъ ученикомъ высшаго отдѣленія семинаріи, Иваномъ Калинскимъ произнесена слѣдующая рѣчь:

„Ваше высокопревосходительство!

„Милостивый нашъ благотворитель!

„Движимые искреннимъ и глубокимъ чувствованіемъ добра, ко-

торое вы являли и являете намъ [1]), мы осмѣлились прервать ваши многоразличные труды и предстать здѣсь, чтобы за всѣ благодѣянія, оказываемыя вами святой церкви и намъ въ нашемъ краю, принести вашему высокопревосходительству неизгладимую благодарность нашу, нашихъ товарищей, нашихъ отцовъ и родственниковъ. Благодарная память о благодѣяніи вашего высокопревосходительства нашему мирному пріюту науки и приготовленія на пользу служенія нашей православной церкви и нашему отечеству, будетъ неисчетные годы жить въ сердцахъ обитателей его и пріосѣняться молитвами Господу Богу, да подастъ Онъ вамъ всѣ свои благословенія и неувядаемый вѣнецъ божественной и вѣчной славы."

Его высокопревосходительство, вышедши къ ученикамъ, и весьма ласково и милостиво поздоровавшись съ ними, сказалъ между прочимъ: „Я радъ васъ видѣть. За оказанную вамъ помощь вы должны благодарить собственно не меня, а Государя; Его Величество объ васъ и объ обезпеченіи духовенства постоянно заботится. Вы готовитесь быть пастырями церкви. На васъ лежитъ обязанность возстановлять здѣсь русскую народность. Православное духовенство много сдѣлало для водворенія здѣсь русской народности." Далѣе его высокопревосходительство объяснивъ, что здѣсь край искони русскій, сказавъ, что слѣдуетъ особенно обратить вниманіе на преподаваніе русской исторіи, и притомъ, съ подробнымъ объясненіемъ обстоятельствъ здѣшняго края, выразилъ свое желаніе, чтобы ни они сами, ни въ ихъ домахъ не говорили по-польски; увѣщевалъ подражать архипастырю страны, высокопреосвященному митрополиту Іосифу, положившему здѣсь прочное начало русской народности возвращеніемъ уніатовъ въ нѣдра православія. „Это великая его заслуга! Отечество ему за это благодарно и всѣ вы это должны твердо помнить." Въ заключеніе, по произнесеніи ученикомъ Калинскимъ благодарственной рѣчи, его высокопревосходительство сказалъ: „Вы дѣйствительно такъ думаете и чувствуете, какъ говорите, и надѣюсь, что вы подъ добрымъ руководствомъ, подъ которымъ находитесь, будете хорошими пастырями. Прощайте! Будьте русскими, усердно служите церкви, Царю и отечеству!"

[1]) Не задолго до сего, по ходатайству Михаила Николаевича, прибавлено 50% жалованья наставникамъ духовно-учебныхъ заведеній всего западнаго края Россіи. Ред.

Содержаніе 8-й книжки „Вѣстника.“

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТДѢЛЪ III.

ОТДѢЛЪ IV.

ПОПРАВКА.

Въ послѣднія двѣ книжки Вѣстника вкрались три опечатки, имѣющія вліяніе на измѣненіе мысли.

Въ 6 книж. (Отд. IV, стран. 327), стихъ: „Вы золотые кровы поля“, нужно читать: Вы, залитыя, кровью поля.

Въ 7 книжкѣ (Отд. III стран. 14), вмѣсто „русскомъ правописаніи“, нужно читать: малорусскомъ правописаніи. Въ той же книжкѣ (Отд. IV, стран. 33), вмѣсто: „три“, нужно читать: пять.

Другія опечатки такого свойства, что подлинный смыслъ можетъ быть установленъ посредствомъ самаго легкаго соображенія съ контекстомъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Вѣстникъ Юго-западной и Западной Россіи на 1863/64 годъ выходитъ съ іюля 1863 года по іюль 1864 года, **ежемѣсячно,** книжками отъ 13 до 15 листовъ обыкновенной печати. (По настоящее время редакція давала публикѣ отъ 16 до 20 листовъ, и болѣе, сжатой печати).

Подписка принимается:

Въ Кіевѣ, въ редакціи журнала, на Подолѣ, и въ конторѣ его, при книжномъ магазинѣ г. **Литова,** на Крещатикѣ; въ **С.-Петербургѣ**, въ конторѣ журнала, при книжномъ магазинѣ **А. Ф. Базунова,** на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Ольхиной, противъ Милютиныхъ лавокъ, и въ книжномъ магазинѣ **С. И. Литова**, на углу Невскаго проспекта и Малой Садовой; въ **Москвѣ,** въ конторѣ журнала, при книжномъ магазинѣ **И. В. Базунова,** и коммиссіонера «Вѣстника» купца **Г. В. Барскаго,** на Садовой, у гостинницы Полтава, въ домѣ Быхова, въ **Варшавѣ**, у книгопродавца **П. В. Дутова**.

ЦѢНА ВѢСТНИКА ЗА ГОДЪ:

Для жителей Кіева, безъ доставки 6 руб. 50 коп., съ доставкою на домъ 7 руб. 50 коп., а съ пересылкою во всѣ города имперіи 8 руб.

Гг. иногородные благоволятъ относиться съ своими требованіями исключительно въ редакцію журнала Вѣстникъ Юго-западной и Западной Россіи, въ Кіевѣ.

Посылки и письма слѣдуетъ адресовать редактору «Вѣстника» Ксенофонту Антоновичу *Говорскому*, въ Кіевѣ.

Для желающихъ выписать «Вѣстникъ» за истекшій 1862/63 годъ дѣлается уступка: для жителей Кіева 6 р. а для иногородныхъ по 7 р. 50 к. съ пересылкою.

Содержаніе 8-й книжки „Вѣстника."

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТДѢЛЪ III.

ОТДѢЛЪ IV.